

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК

Уфимского юридического института МВД России

№ 3 (85)

BULLETIN

of Ufa Law Institute

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2019

12+

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель директора, заведующая кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Аминев Фарит Гизарович – доктор юридических наук, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета.

Асянова Светлана Рифовна – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Баишева Зия Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Баймиева Вера Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Бакирова Лена Рифатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Варданын Аюп Варазатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева ВИПК МВД России.

Гришко Александр Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

Даянов Ирек Сайфуранович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Еникеев Зуфар Иргалиевич – доктор юридических наук, профессор, Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан.

Зауторова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Ильин Дмитрий Юрьевич – доктор филологических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой русской филологии Волгоградского государственного университета.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Исаева Регина Минияровна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Костенников Михаил Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и сотрудников для подразделений по вопросам миграции ВИПК МВД России.

Куракин Алексей Валентинович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и сотрудников для подразделений по вопросам миграции ВИПК МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Линевич Владимир Леонтьевич – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Литвишков Владимир Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлесова Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Миронов Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Мулукаев Роланд Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Небрятенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Низаева Светлана Рамилевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Нуркаева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Сердюк Леонид Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заведующая кафедрой гражданского права, профессор Института права Башкирского государственного университета.

Усманова Резида Минияровна – доктор юридических наук, доцент, Отличник образования Российской Федерации, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

Хакимова Эльмира Робертовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, профессор кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Яхина Юлия Харисовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Башкортостан.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLI-BRARY»

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Литературный редактор Д. И. Шабазова. Дизайн И. М. Кутявин. Верстка Д. М. Толкачева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_yui@mvd.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России. Подписано в печать: 27.09.2019.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 18,2. Гарнитура Times. Тираж 60 экз. Заказ № 38. Цена свободная.

BULLETIN

№ 3 (85) 2019

of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

Scientific and practical journal
Published since June 1998 quarterly
Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor; the Deputy Chief (in research work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Members of the editorial board

Aznagulova Guzel Mukhametovna – Doctor of Law, Associate Professor; the first Deputy Chief of the Institute of Law of the Bashkir State University; the Head of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Aminev Farit Gizarovich – Doctor of Law, the Honoured Employee of the Ministry of Internal Affairs, professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Asyanova Svetlana Rifovna – Candidate of Pedagogics, lecturer of the Chair of Pedagogy and Psychology in the Internal Affairs Officers' Activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor; the Honoured Teacher of the Republic of Bashkortostan, professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Baimieva Vera Yurievna – Candidate of Philology, Associate Professor; docent of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, docent of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor; professor of the Chair of Civil Law and Procedure of Ulyanovsk State University.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor; the Honoured Worker of the Higher Vocational Education of the Russian Federation, professor of the Chair of the Foreign language and Culture of Speech of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor; the Head of the Chair of Criminalistics and Operative-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor; the chief researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor; professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor; professor of the Chair of Counteraction against Illegal Drug Trafficking of the International Interdepartmental Training Center for Operational Units named after lieutenant-general of militia A. N. Sergeev.

Grishko Alexander Yakovlevich – Doctor of Law, Professor; professor of the Chair of Criminal and Penal Executive Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dayanov Irek Saifuranovich – Candidate of Law, Associate Professor; docent of the Chair of Operative-Detective Activity of Internal Affairs of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Emelin Sergei Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor; professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Enikeev Zufar Irgalievich – Doctor of Law, Professor; the Corresponding Member of the Academy of Sciences, the Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogics, Professor; the Corresponding Member of the International Academy of Pedagogical Education, professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of Volgda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ilyin Dmitriy Yurievich – Doctor of Philology, Associate Professor; the Honoured Worker of the Higher Vocational Education of the Russian Federation, the Head of the Russian Philology Chair of Volgograd State University.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor; the Honoured Lawyer of Kuban, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – Candidate of Law, the Deputy Chief of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Isaeva Regina Miniyarovna – Candidate of Law, Associate Professor; the Head of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor; professor of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor; docent of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, the Head of the Chair of Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kostennikov Mikhail Valerievich – Doctor of Law, Professor; the Honoured Employee of the Ministry of Internal Affairs, professor of the Preparation Center for Police Officers in Maintaining Public Order and Migration Service of the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kurakin Alexey Valentinovich – Doctor of Law, Professor; professor of the Preparation Center for Police Officers in Maintaining Public Order and Migration Service of the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagitianovich – Candidate of Law, Associate Professor; the Deputy Chief of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Linevich Vladimir Leontievich – Candidate of Psychology, Associate Professor; the Head of the Chair of Pedagogy and Psychology in the Internal Affairs Officers' Activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Litvishkov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Pedagogics, Professor; professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor; the Head of the Chair of Management in the Internal Affairs of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Iлона Anatolyevna – Doctor of Law, Professor; the Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, the Chairman of the Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor; professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mironov Anatoliy Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor; professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law of Vladimir branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Morozov Sergei Yurievich – Doctor of Law, Professor; the Dean of the Department of Law of Ulyanovsk State University.

Mulukaev Roland Sergeevich – Doctor of Law, Professor; the Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, the chief scientific worker of the Scientific Research Center of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the President of the Russian Society of History and Law.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor; professor of the Chair of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizaeva Svetlana Ramilevna – Candidate of Law, docent of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nurkaeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor; professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor; professor of the Chair of the English language and Cross-Cultural Communication of the Bashkir State University.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor; the Excellent Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, the Head of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor; professor of the Chair of Management of the Criminal Detection Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor; the Head of the Chair of Administrative-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor; the Head of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Serdyuk Leonid Vasilyevich – Doctor of Law, Professor; professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alexeyevich – Doctor of Law, Professor; the Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University, professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tolkachev Konstantin Borisovich – Doctor of Law, Professor; full member of the Academy of Military Sciences, the Honored Lawyer of the Russian Federation, the Chairman of the State Assembly-Kurultay of the Republic of Bashkortostan.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor; the Honoured Worker of the Higher Vocational Education of the Russian Federation, the Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, the Head of the Chair of Civil Law and Procedure, professor of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Usmanova Rezida Miniyarovna – Doctor of Law, Associate Professor; the Excellent Worker of Education of Russia, the Dean of the Law Department of Sterlitamak branch of the Bashkir State University.

Khakimova Elmira Robertovna – Candidate of Law, Associate Professor; the Deputy Chief of the Chair of Administrative-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khalikov Aslyam Nailevich – Doctor of Law, Associate Professor; professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University; professor of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yakhina Yuliya Kharisovna – Candidate of Law, Associate Professor; the Head of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media in the Republic of Bashkortostan. The mass media registration certificate PM № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editor D. I. Shabazova. Design by I. M. Kutuyavin. Layout D. M. Tolkacheva.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 27.09.2019. Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 18.2. Typeface Times.

Circulation: 60 copies. Order № 38. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи и доклады 8

Теория и история государства и права.

История учений о праве и государстве.

Конституционное право

Емелин С. М., Гордеев Б. Е. К истории правоохранительных органов на территории Благовещенской волости Уфимской губернии в период революций и начала Гражданской войны (1917–1918 гг.) 8

Небрятенко Г. Г., Карягина О. В., Студеникина С. В. Юридическая мартирология как научное направление историко-правовых исследований 18

Уголовное право. Криминология.

Уголовно-исполнительное право

Артамонова М. А. Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства: спорные вопросы толкования и применения 24

Долгополов А. А., Шульга А. В., Неженец О. В. О некоторых проблемах уголовной и административной ответственности за незаконное предпринимательство в сфере торговли 29

Музафаров С. З. Прекращение судимости по уголовному законодательству Таджикистана и России: проблемы и пути их решения 34

Нуркаева Т. Н. Преступления против прав ребенка по уголовному праву Йеменской Республики и Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект . . . 40

Ханахмедов А. С. Основы противодействия киберпреступности на территории Российской Федерации 44

Административное право.

Административный процесс

Гусак В. В. О проблеме законодательного регулирования поверхностного обследования одежды задержанного лица 49

Уголовный процесс. Криминалистика

Вардадян А. В. Фиктивные организации как специфические криминальные средства совершения преступлений в сфере экономики: правовые и криминалистические аспекты 56

Говоров А. А. Предмет доказывания по делам о преступлениях, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, как организационно-тактический ориентир расследования 63

Евсеева С. А. Некоторые проблемы расследования преступлений в отношении несовершеннолетних киберпреступников 70

Ларионов И. А. Обстановка совершения преступлений в сфере организации незаконной миграции и ее учет при подготовке допросов подозреваемых (обвиняемых) 74

Плясов К. А. Особенности сокрытия преступлений в сфере таможенного контроля при перемещении товарно-материальных ценностей через таможенную границу как элемент теневой внешнеэкономической деятельности 80

Судебная деятельность.

Прокурорская деятельность.

Правозащитная и правоохранительная деятельность

Григорьев В. Н. О регулировании цифровых отношений в сфере уголовно-процессуальной деятельности органов судебной и исполнительной власти . . . 87

Харисова З. И. Актуальные проблемы деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности в глобальной сети «Интернет» 92

Шаринова А. Р. О межотраслевой унификации правил о сроках отправления правосудия 98

Гражданское право. Семейное право.

Предпринимательское право.

Международное частное право

Радонова А. В. О коллизиях содержания договора на оказание туристских услуг в современной цивилистике 104

Судебно-экспертная деятельность.

Оперативно-разыскная деятельность

Хомутов С. В. О проблемах обеспечения контроля качества заключений эксперта и специалиста 110

Общие вопросы языкознания. Язык и право.

Юрислингвистика

Гусейнова Т. В. Изучение грамматических средств выражения образа бурана на занятиях по русскому языку как иностранному 116

Мартынова Н. А. Развитие системы терминологической лексики административного права как фактор формирования коммуникативной компетенции будущего специалиста ГИБДД 120

Петрова Е. А. Функционирование сложноподчиненных предложений с придаточной предикативной клаузой в юридическом дискурсе 124

Общая педагогика, история педагогики и образования. Теория и методика профессионального образования

Даллакян К. А. Место и роль воли личности в современном российском образовании 131

Зиннуров Ф. К., Кочнев И. Ю. Понятие и сущность культуры досуга 139

Памятка 145

CONTENTS

Scientific articles and reports 8

Theory and History of State and Law.

History of Law and State Teachings.

Constitutional Law

Emelin S. M., Gordeev B. E. To the question of law enforcement agencies in the Blagoveshchensk volost of the Ufa province during revolutions and Civil war (1917–1918) 8

Nebratenko G. G., Karyagina O. V., Studenikina S. V. Legal martyrology as a scientific direction of historical and legal research 18

Criminal Law. Criminology

Artamonova M. A. Inducement to commit suicide and assisting suicide: matters of interpretation and application 24

Dolgopолоv A. A., Shulga A. V., Nezhenets O. V. About some problems of criminal liability for illegal business in the field of trade 29

Muzafarov S. Z. Termination of a criminal record under the criminal legislation of Tajikistan and Russia: problems and ways of their solution 34

Nurkaeva T. N. Crimes against the rights of the child in criminal law of the Republic of Yemen and the Russian Federation: comparative legal aspect 40

Khanakhmedov A. S. Fundamentals of counteraction in cypressability in the territory of the Russian Federation 44

Administrative law. Administrative process

Gusak V. V. About the problem of legislative regulation of the external examination of clothing of the detained person 49

Criminal Procedure. Criminalistics

Vardanyan A. V. A fictitious organization as a specific criminal instrumentalities of crimes in the economic sphere: legal and forensic aspects 56

Govorov A. A. The subject of proof in cases crimes related to misappropriation of budget funds and state extra-budgetary funds, as organizational and tactical guide investigation 63

Evseeva S. A. Actual problems investigations of criminal cases with respect to minors cyber criminals 75

Larionov I. A. The situation of crimes in the sphere of illegal migration and its mainstreaming in the preparation of interrogations of suspected (accused) 74

Plyasov K. A. Features of concealment of crimes in the sphere of customs control when moving inventory items across the custom border as a part of the shadow foreign economic activity 80

Judicial Activity. Prosecution Activity.

Law Enforcement Activity

Grigoryev V. N. On the regulation of digital relations in the field of criminal procedure activities of judicial and executive authorities 87

Kharisova Z. I. Current issues of law enforcement agencies of crime counteraction in the global «Network» 92

Sharipova A. R. On the interbranch unification of the rules about the term of justice 98

Civil Law. Business Law. Family Law.

International Private Law

Radonova A. V. Conflicts about the content of the agreement on rendering of tourist services in modern civil law 104

Forensic Activity.

Operative Detective Activity

Khomutov S. V. About the problems of quality control of expert opinions and opinions of the expert 110

General Problems of Linguistics.

Language and Law. Legal Linguistics.

Guseynova T. V. The study of grammatical means of expression of the image of the buran at the lessons of Russian as a foreign language 116

Martynova N. A. Development of terminological lexicon of administrative law as a factor of communicative competence formation of future specialist of state inspection of road safety 120

Petrova E. A. The functioning of compound sentences with predicate clause in the legal discourse . . . 124

General Theory of Education.

History of Pedagogy and Education.

Theory and Methods of Vocational Education

Dallakian K. A. Place and role of personal will in modern Russian education 131

Zinnurov F. K., Kochnev I. Yu. The concept and essence of leisure culture 139

Instruction 145

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО**

УДК 351.74(470.57)"1917/1918"

С. М. ЕМЕЛИН, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент (г. Уфа)

S. M. EMELIN, professor of the Chair of History and Theory of State and Law of the Ufa law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Ufa)

Б. Е. ГОРДЕЕВ, соискатель кафедры истории России и источниковедения Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета; диссертант Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (г. Уфа)

B. E. GORDEEV, candidate of the Chair of History of Russia and Source Studies of the Institute of History and Public Administration of Bashkir State University; dissertant of the Bashkir Academy of the Public Administration and Management under the Head of Republic of Bashkortostan (Ufa)

**К ИСТОРИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ НА ТЕРРИТОРИИ
БЛАГОВЕЩЕНСКОЙ ВОЛОСТИ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД
РЕВОЛЮЦИЙ И НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1918 ГГ.)**

**TO THE QUESTION OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE
BLAGOVESHCHENSK VOLOST OF THE UFA PROVINCE DURING
REVOLUTIONS AND CIVIL WAR (1917–1918)**

Аннотация. В статье на основе архивных и опубликованных материалов представлена история становления и развития правоохранительных органов на территории Благовещенской волости Уфимского уезда Уфимской губернии в период революций и начала Гражданской войны начала XX века. Хронология статьи охватывает 1917–1918 гг. В это время происходит коренное переустройство государства, формирование нового политического порядка и новых ведомств, в том числе правоохранительной направленности. Становление нового государства

и органов исполнительной власти происходило в условиях жесткого противостояния со сторонниками прежнего режима, начавшейся Гражданской войны, а также международной изоляции. На примере Благовещенской волости Уфимского уезда Уфимской губернии приводятся характерные черты данного процесса и особенности, присущие нашему региону. В числе основных особенностей выделяется создание вооруженных отрядов (милиции, народных дружин, боевых отрядов и т. д.) на базе крупных заводов, выполнение правоохранительных функций боевыми дружинами и Красной гвардией. Также отмечается непостоянный характер данных формирований в рассматриваемый период, что потребовало создание подразделений на штатной основе.

Ключевые слова и словосочетания: органы внутренних дел, милиция, Февральская революция, Октябрьская революция, Гражданская война, борьба с преступностью, губревком, боевые отряды народного вооружения, Благовещенская волость, Уфимский уезд.

Annotation. On the basis of the archival and published materials the history of formation and development of law enforcement agencies in the territory of the Blagoveshchensk volost of the Ufa County of the Ufa province during revolutions and Civil war of the beginning of the XX-th century is presented in article. The chronology of article covers 1917–1918. At this time there is a radical reorganization of the state, formation of a new political order and new departments, including law-enforcement orientation. Formation of the new state and executive authorities happened in the conditions of tough opposition to supporters of the former mode, the begun Civil war and also the international isolation. On the example of the Blagoveshchensk volost of the Ufa County of the Ufa province the characteristic features of this process and feature inherent in our region are given. Among the main features creation of the armed groups (militias, national teams, fighting groups, etc.) on the basis of the large plants, performance of law-enforcement functions by fighting teams and Red guard is allocated. Also the changeable nature of these formations during the considered period is noted that creation of divisions on a regular basis demanded.

Keywords and phrases: law-enforcement bodies, militia, February revolution, October revolution, Civil war; fight against crime, gubrevkom, fighting groups of national arms, Blagoveshchensk volost, Ufa County.

Революционные события 1917 года в России стали началом коренного переустройства государства и затронули, в первую очередь, ведомства, обладавшие реальной властью и влиянием в стране. Лидеры социалистических партий предполагали ликвидировать весь старый государственный аппарат и при создании нового упразднить штатную полицию, заменив ее всеобщим вооружением народа – милицией [1, с. 5–6].

Однако уже на ранних этапах формирования новой власти эта линия себя не оправдала, что потребовало создания штатных государственных органов правопорядка.

Рассматриваемый период для органов внутренних дел был достаточно насыщенным. В это время происходило формирование организационно-правовых основ милиции, упорядочение основных направлений её деятельности.

Настоящая публикация посвящена исследованию возникновения первых органов правопорядка на территории современного Благовещенского района Республики Башкортостан, а также в Уфимской губернии в период революций 1917 года и начала Гражданской войны.

Благовещенская волость, наряду с другими 6 волостями: Волковской, Емашевской, Надеждинской, Федоровской, Турушлинской и Дуванейской, – в данный период входила в Уфимский уезд Уфимской губернии [2, л. 1–4, 6–7, 9, 11–13, 15–17, 19–20, 23–26]. В настоящее время все вышеназванные населенные пункты, кроме с. Емашево (относится к Бирскому району), входят в Благовещенский муниципальный район Республики Башкортостан.

Из 236 предприятий фабрично-заводского типа, имевшихся в Башкирии, Благовещенский медеплавильный завод, на-

ряду с Уфимскими железнодорожными мастерскими и Богоявленским стекольным заводом, был наиболее крупным производством.

Начавшееся революционное движение вызревало в рабочих коллективах, охватывая все больший круг населения. Будущие революционеры были выходцами из уфимских железнодорожных мастерских. Прежде всего это такие активные революционеры, как П. И. Зенцов, Ф. Першин, которые имели тесные контакты с Благовещенским заводом.

Фамилии эти хорошо известны благовещенцам, их именами названы улицы города [3, с. 92–93]. После февральских событий 1917 года на Благовещенском заводе был создан Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Но решающего влияния в поселке созданный Совет не имел, власть в волости принадлежала земской управе, поддерживаемой Временным правительством.

Также в 1917 году для Благовещенского завода и поселка был годом формирования партийной организации. Здесь был образован временный комитет РСДРП, организатором которого на Благзаводе стал Седов Семен Михайлович – рабочий-путиловец, с весны 1917 г. работавший механиком буксира «Товарищ» Бельского пароходства [4, д. 76, с. 284]. Очевидно, работа на Благовещенском заводе была одним из его партийных заданий. В роли партийного организатора и представителя Уфы перед благовещенцами он появился 1 мая 1917 года на проведенной уже легально маевке [3, с. 4].

В мае 1917 года благовещенская парторганизация в составе 35 членов сформировалась и направила С. И. Попова делегатом на 1-ю Уфимскую губернскую конференцию РСДРП, состоявшуюся 25–27 мая 1917 г. На конференции обсуждались задачи в свете апрельских тезисов В. И. Ленина, после чего состоялось собрание благовещенской ячейки

РСДРП о работе и решениях Уфимской конференции, где ее члены разделились на большевиков и меньшевиков.

Анализируя благовещенские события 1917–1919 гг., нельзя не заметить оперативность, с которой Благовещенский завод получал разнообразную информацию из Уфы и центра, и как благовещенские рабочие реагировали на эту информацию. В середине 1917 года в руководстве РКП(б) начал зреть план свержения Временного правительства и захвата власти.

В июне уфимские большевики принимают решение о создании боевых отрядов народного вооружения (далее – БОНВ), поручив работу П. И. Зенцову. И уже в сентябре на Благовещенском заводе создается вооруженный отряд из 40 человек, фактически став прообразом органа охраны правопорядка.

Сразу же после Февральской революции 1917 года одновременно с образованием местных органов Временного правительства в Уфе, Оренбурге, уездных и заводских центрах, а также в некоторых волостях по опыту первой русской революции трудящимися были созданы Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [5, с. 43].

3 марта 2017 года организовался Совет рабочих и солдатских депутатов в Уфе, 4 марта – в Златоусте, в середине марта – в Белебее и Стерлитамаке [6, с. 10, 12].

В конце марта и апреле Советы рабочих депутатов были созданы на Белорецком, Тирлянском, Кананикольском, Богоявленском, Усть-Катавском, Миньярском, Симском и Аша-Балашовском заводах. В заводских центрах – Миньяре, Усть-Катаве, Симе, Аше, Богоявленске, в Советах руководящие позиции занимали большевики. Советы Миньяра, Сима, Аша-Балашова, Усть-Катава, находившиеся в руках большевиков, обезоружили полицию и создали свою рабочую милицию для охраны общественного порядка [7, с. 137–143].

В ряде Советов: Уфимском, Оренбургском, Белебеевском, Златоустовском, Белорецком, Саткинском, Благовещенском и др. – преобладали эсеры и меньшевики, которые проводили политику соглашения и поддержки Временного правительства и его местных органов – к примеру, волостной управы [3, с. 95].

3 сентября 1917 года по своей инициативе исполкомы Уфимского городского и Уфимского губернского Советов крестьянских депутатов приняли решение о создании рабочей милиции (Красной гвардии) и утвердили ее комиссарами П. И. Зенцова, Т. С. Кривова и поручика Л. И. Гребнева [8, л. 62], был учрежден губернский комиссариат милиции [9, л. 6]. По докладу П. И. Зенцова был утвержден Устав рабочей милиции (Красной Гвардии). В ее состав принимались трудящиеся, способные защищать революцию от контрреволюционных посягательств. Губернский комиссариат милиции играл большую роль в укреплении боевых сил большевиков [10, с. 103; 11, с. 120].

Рабочая милиция создавалась также уездными и заводскими Советами в Стерлитамаке, Златоусте и других местах. Из доклада: «Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Стерлитамака постановил: создать рабочую милицию для защиты свободы и охраны города. Организация идет успешно» [6, с. 154].

К 6 сентября запись в рабочую милицию была проведена среди уфимских железнодорожников. После 12 сентября в Уфе произошло окончательное организационное оформление постоянных боевых дружин. Теперь рабочие были вооружены винтовками, несли ежедневные дежурства на вокзале, в Совете и т. д. В боевой дружине железнодорожных мастерских состояло 128 человек, в депо – 55, в дружине предприятий – около 100 [6, с. 154].

Уфимский комитет РСДРП еще в середине 1917 года вынес решение о необ-

ходимости создавать на крупных заводах в Уфе и на местах БОНВ. Организаторами Благовещенской боевой дружины были С. М. Седов, благовещенцы Тимофей и Григорий Бричкины, С. И. Попов, И. П. Кутеминский, В. Е. Васинский – левый эсер, который был избран командиром.

К октябрю отряд насчитывал более 70 человек и продолжал увеличиваться за счет вступления в него прибывающих с фронта солдат, жителей сел и деревень Благовещенской волости. Постепенно большинство перешло на сторону большевиков, когда левые эсеры вступили в конфронтацию, В. Е. Васинский был смещен. Вся работа по установлению и укреплению советской власти в Благовещенской волости с ноября 1917 года по май 1918 проходила под командованием нового командира М. Ф. Старикова.

Благовещенская боевая дружина организовалась на добровольной основе. Принимали в нее не только заводчан, но и других жителей поселка, сел и деревень волости. Прием добровольцев происходил на заседании штаба дружины, причем принимали не всякого подавшего заявление. «Считалось, что быть дружинником – это дело чести, поэтому кандидатуру предварительно проверяли – происхождение, поведение в быту, в обществе, отношение к советской власти, партийность – все это имело значение», – отмечает В. Е. Мещеряков [6, с. 96].

В Башкирии, как и в Центре, в ряде мест ликвидировалась милиция, которая была подчинена Временному правительству. Об этом свидетельствуют ответы Усть-Катавского комитета РСДРП(б) на опросном листе ЦК РСДРП(б) не ранее 12 сентября 1917 года: «В момент революции образована милиция по утверждению волостным комитетом, но проявляет себя как бывшая полиция, и население к ней относится неавторитетно. После корниловского выступления организует-

ся Красная Гвардия и образован штаб в подчинении Совета рабочих депутатов» [6, с. 162].

Создание штатных органов охраны революционного порядка находилось в сфере особого внимания ЦК РСДРП(б). Ответы о ситуации на местах обобщались задолго до октябрьских событий 1917 года и принятия постановления «О рабочей милиции». Таким образом, образование по инициативе Уфимского городского и Уфимского губернского Советов крестьянских депутатов постоянной рабочей милиции является особенностью параллельного формирования органов охраны правопорядка в переходный период.

О противостоянии органов охраны правопорядка свидетельствует следующий факт. При Стерлитамакском Совете организация Красной гвардии началась в начале сентября, а к 1 октября 1917 г. в ее рядах было уже 100 рабочих, вооруженных винтовками и револьверами [11, с. 120]. В середине сентября 1917 г. Усть-Катавский Совет рабочих депутатов отобрал у местной милиции часть оружия и передал его в штаб Усть-Катавской Красной Гвардии для вооружения рабочих [12, л. 77].

Следует подчеркнуть, что на территории Башкирии в октябре 1917 года из 30 существующих Советов 21 поддерживал большевиков [13, с. 540–547]. К концу октября 1917 г. численность боевых дружин значительно возросла. Отряды Красной гвардии имели резерв в лице рабочих, не входивших в их состав. Например, на Аша-Балашовском заводе имелась небольшая ячейка боевиков, но «все члены организации готовы в случае необходимости взяться за оружие» [6, с. 207].

В Красной Гвардии Златоуста состояло 150 человек, из которых только 60 большевиков, а остальные – беспартийные рабочие [6, с. 205]. Рабочие дружины были созданы в Бирске, Белебее и некоторых волостных центрах [10, с. 126].

Из числа членов боевых дружин в середине 1917 года создаются отдельные подразделения – «легионы свободы», в которых к 25 октября насчитывалось до 2 000 человек [6, с. 219]. В октябре 1917 г. все дружины объединились в городскую боевую организацию Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов, начальником которой стал П. И. Зенцов.

В последующем ряды вооруженной революционной народной милиции увеличивались и крепились. Уфа была разделена на 14 милицейских участков, во главе которых стояли большевики. Милиция также систематически занималась военным делом. Все участки были приведены в боевую готовность, на каждом из них было установлено круглосуточное дежурство, бойцы несли охрану в своем районе, поддерживая постоянную связь с Уфимским Советом и губернским комиссариатом милиции, возглавляемым П. И. Зенцовым [10, с. 127].

Параллельно действовавшая милиция Временного правительства постепенно сдавала свои позиции. Уфимский губернский комиссар Временного правительства докладывал в Главное управление по делам милиции МВД о состоянии дел в Стерлитамакском, Белебеевском и Бирском уездных подразделениях милиции: «Милиция вследствие своей малочисленности, неопытного и низкого умственного развития проявляет повсеместно слабую деятельность и не пользуется достаточным авторитетом в глазах населения» [6, с. 201].

Таким образом, к октябрю 1917 года региональная организация РСДРП(б) и Советы имели достаточно слаженную вооруженную силу в форме боевых дружин (Красной гвардии) и народной милиции (рабочей революционной милиции) [10, с. 128]. Эти подразделения действовали параллельно, иногда выполняя единые функции по охране правопорядка в городах и в селах.

Как говорилось выше, особенностью развития правоохранительной системы в

период двоевластия было сосуществование рабочей революционной (или народной) милиции и милиции Временного правительства (буржуазной, по имеющимся источникам). Последняя позже была частью упразднена, частью привлечена на сторону советской власти, а в ряде мест заменена отрядами боевой дружины (Красной гвардии) [4, с. 132, 135, 156].

В течение первой недели после вооруженного восстания в Петрограде переход власти к Советам рабочих и солдатских депутатов произошел почти во всех промышленных пунктах края: на Катав-Ивановском, Юрюзанском, Богоявленском, Благовещенском заводах, в с. Нижне-Троицком, а также уездных городах: Белебее и Стерлитамаке (Уфимская губерния); Тирлянском, Узянском, Лапыштинском, Петровском, Кагинском и Зигагинском заводах (Верхнеуральский уезд Оренбургской губернии) [14, с. 59].

Положение в Уфе, как в целом и в Уфимской губернии, в первые месяцы после Октябрьского вооруженного восстания во многом определялось двумя основными факторами: борьбой в процессе слома аппарата старой власти и мобилизацией всех революционных сил на разгром белоказаков атамана Оренбургского казачества генерала А. И. Дутова, захватившего города Оренбург, Верхнеуральск, Челябинск [15, с. 49].

В этих условиях актуализировалась задача создания и укрепления органов милиции, в чем принимали непосредственное участие такие уфимские коммунисты, как братья Кадомцевы, П. И. Зенцов, А. К. Евлампиев, А. М. Чеверев, А. П. Кучкин и др. [15, с. 49].

На момент принятия НКВД РСФСР постановления «О рабочей милиции» 28 октября (10 ноября) 1917 года в Уфимской губернии уже действовала созданная Уфимским Советом рабочих и солдатских депутатов рабочая милиция [6, с. 154].

Уфимская БОНВ состояла из членов рабочей милиции [6, с. 50]. Одной из

первых и важных задач с конца октября 1917 года являлось обеспечение выполнения задания ЦК РСДРП(б) большевиками Уфы во главе с А. Д. Цюрупой по снабжению Петрограда и Москвы продовольствием, а также охрана революционного порядка в городе и ближайших деревнях.

Из сохранившихся документов видно, что по распоряжению П. И. Зенцова боевики отряда П. Мыльникова 31 октября и 13 ноября расчищали станции от мешочников – страшного бедствия на пути продвижения хлебных эшелонов; с 4 по 22 ноября несли охрану в имениях Ляуданского, князей Белосельского и Кугушева, где находились огромные запасы хлеба [16, л. 17].

Взамен хлеба из Центра направлялись оружие и боеприпасы. Приток оружия в Уфу усилился из Ижевского и других оружейных заводов. Уфимский Совет распределял его по уездам, вооружая боевиков и Красную гвардию. Все хлебные и продовольственные грузы сопровождалась теперь отрядами боевых дружин [10, с. 170]. В ряде мест волостные Советы взяли в свои руки продовольственное дело, создали реквизиционные отряды по искоренению мешочничества и других форм спекуляции хлебом [17, с. 124].

В январе 1918 г., когда положение с заготовками хлеба стало еще более критическим, Уфимский Совет использовал эту инициативу и по предложению А. Д. Цюрупы принял решение о создании в Уфимской губернии дружины по охране народного достояния, отряды которой осуществляли реквизиции хлеба у зажиточных слоев крестьянства, организовывали доставку заготовленного продовольствия к станциям. Начальником дружины был назначен П. И. Зенцов [6, с. 415].

Кроме того, П. И. Зенцов и его боевики принимали активное участие в борьбе с начавшейся в середине декабря 1917 г. всеобщей забастовкой чинов-

ничества Уфы, в частности арестовали членов исполкома банковских служащих [15, с. 51].

28 февраля 1918 года на совместном заседании Московского волостного Совета крестьянских депутатов и волостного земельного комитета Бирского уезда приняли постановление: «... организовать боевую дружину в каждой деревне по мере надобности и выдать ей оружие для охраны населения» [18, л. 5–6].

6 марта общее собрание большевистской группы с. Зилим Архангельской волости Стерлитамакского уезда приняло решение о создании боевой дружины «для поддержания порядка, закрепления революции и отражения белой гвардии» [6, с. 274].

Боевые дружины в составе от 10 до 150 боевиков создавались при волостных и сельских Советах. На 15 марта 1918 г. во всех уездах Уфимской губернии уже имелись уездные, в пяти районах – районные боевые организации. Кроме того, было создано 67 боевых дружин, из которых 14 было на заводах и 53 – в селах и волостях.

Наибольшее количество боевых дружин было в Уфимском, Златоустовском и Стерлитамакском уездах, т. е. в местах большей плотности заводского населения. Боевые дружины, как и отряды Красной гвардии в Центре, создавались по месту работы их членов. Боевики без отрыва от производства или крестьянского хозяйства занимались военным обучением и несли службу по охране заводов, железнодорожных складов, государственного имущества, уездных, волостных и сельских Советов и т. д. [17, с. 111].

По своему составу дружины были интернациональными. При этом русские рабочие играли главенствующую роль и в башкирских, и в татарских дружинах, как, например, в дружинах Калмакуловской (башкирской) волости Златоустовского уезда, в Тагорышинской волости Уфимского уезда со сме-

шанным башкиро-татарским населением [17, с. 111].

После Февральской революции 1917 г. первым председателем Благовещенского волостного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, где лидирующие позиции занимали меньшевики, был избран И. В. Рыбников, о чем свидетельствует протокол № 4 общего собрания Совета, состоявшегося 28 января 1918 года: «2) был заслушан доклад т. Старикова о действиях бывшего председателя И. В. Рыбникова. Принимая во внимание, что бывший председатель оказался провокатором, общее собрание постановило: бывшего председателя исполкома И. В. Рыбникова предать революционному суду» [4, с. 71].

В чем была суть его провокации, из сохранившихся источников установить не представляется возможным [3, с. 95].

22 апреля 1918 г. состоялось общее собрание Благовещенского волостного Совета, уже единственного и полноправного органа новой власти. Было принято решение об изменении названия Совета: он стал называться Советом рабочих и крестьянских депутатов. Была утверждена структура Совета, предложенная председателем собрания С. М. Седовым, созданы отделы, избраны руководители и члены отделов [4, с. 97–99].

Протокол № 6 свидетельствует, что вновь избранный большевистский Совет уже чувствовал себя новой властью, «что власть он взял "всерьез и надолго"» [3, с. 95].

Таким образом, решением Благовещенского волостного Совета установление революционного порядка и организация обеспечения общественной безопасности возлагались на юридический отдел с привлечением БОНВ. В середине 1918 года на территории Благовещенской волости с установлением советской власти создаются и первые правоохранительные органы в лице БОНВ с милицейскими функци-

ями и Ревтрибунала – суда и следствия. На основе первых декретов и решений советской власти Благовещенский волостной Совет развертывает работу по ликвидации частной собственности на землю, предприятия, производственные и торговые объекты, внедряет трудовую повинность для бывших «нетрудовых элементов» [3, с. 97].

Власть Благовещенского Совета волостного Совета рабочих и крестьянских депутатов этого созыва долго не просуществовала. События в крае начали разворачиваться так, что через три месяца после избрания членам Совета и всем, кто был причастен к его работе, пришлось уходить из Благовещенска. Еще в ноябре 1917 года вспыхнул дутовский мятеж в Оренбурге и на юге Башкирии. На западе и востоке с весны 1918 года свирепствовали отряды белочехов.

К середине 1918 года Башкирия оказалась почти в сплошном кольце противоборствующих сил, и под их напором красные в ночь с 4 на 5 июля оставляют Уфу и отступают на север вдоль реки Белой. Вместе с ними на пароходах с отрядом Чеверева уходят и красные благовещенцы. Советская власть в поселке Благовещенский завод временно перестала существовать, поселок заняли белые части [3, с. 97].

С декабря 1917 г. по май 1918 г. БОНВ послали несколько двухсотенных отрядов против атамана А. И. Дутова в Оренбург и Челябинск; 2 200 человек было послано в Златоуст на борьбу с белочехами и 3 000 человек – для защиты Пензы и Сызрани. Вся вооруженная сила при обороне Уфы после чехословацкого мятежа состояла из отрядов боевых дружин [17, с. 111]. К середине года на фронте против атамана А. И. Дутова действовали 25 отрядов и дружин [17, с. 148].

Интересно, что наряду с интернациональными отрядами было создано несколько отдельных мусульманских (т. е. татаро-башкирских) отрядов и дружин из бывших солдат, которые

тоже участвовали в разное время в боях против войск атамана А. И. Дутова. В этих отрядах сражались такие известные большевики, как Багау Нуриманов и Бахтигарей Шафеев [17, с. 149].

9 марта на очередном заседании Уфимского губернского революционного комитета было принято решение о переименовании губревкома в Совет народных комиссаров и создании при нем губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и хищничеством (губчека). Председателем был утвержден П. И. Зенцов, его заместителем А. С. Ермолаев [17, с. 151]. В мае 1918 г. П. И. Зенцов избирается комиссаром центрального городского комиссариата милиции, деятельность которого координировалась с работой чрезвычайной комиссии, а в июне становится комиссаром по охране Уфы [15, с. 59–60].

Организация центрального городского комиссариата милиции в Уфе не была случайной. Она происходила в русле укрепления и профессионализации правоохранительной деятельности. В апреле–мае 1918 г. НКВД РСФСР твердо потребовал от губернских Советов «при постановке дела Советской народной охраны решительно отделить это дело от военного дела» [19, с. 8].

Вместе с тем организация постоянной милиции в связи с началом Гражданской войны так и не была завершена. Об этом свидетельствует ряд документов, в которых отражена ликвидация старой милиции, функции которой выполняют боевые дружины, Красная гвардия и, наконец, красноармейцы [4, с. 124–136].

Кроме того, в Башкирии сохранялись основанные на критическом отношении к аппарату охраны порядка представления о его ненужности и необходимости его замены Красной гвардией, боевыми дружинами, всеобщим вооружением народа. Это подтверждают ответы Верхоторского волостного Совета крестьянских депутатов на анке-

ту иногороднего отдела Уфимского губернского Совета народных комиссаров от 12 мая 1918 г.: «Вместо милиции управляет следственная комиссия и народная боевая дружина» [4, с. 130].

В ответах Богоявленского заводского Совета рабочих и крестьянских депутатов отмечалось, что «старая милиция ликвидирована и заменена красноармейцами» [4, с. 131]. Однако последующие события привели к пересмотру взглядов о всеобщем вооружении народа в сторону необходимости создания постоянного аппарата по охране революционного порядка.

Так, исполкомы Златоустовского Совета рабочих и солдатских депутатов и Златоустовского уездного Совета крестьянских депутатов 4 апреля 1918 г. образовали комиссариат управления, а Благовещенский волостной Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов 22 апреля 1918 г. – отдел охраны. При отделах охраны и управления создавались коллегии [4, с. 100, 105, 112].

Таким образом, в Уфимской губернии в период революционных событий 1917 года и установления Советской власти большое внимание уделялось созданию органов охраны правопорядка. Их формирование проходило в условиях двоевластия и противостояния органов Временного правительства и Советов.

Кроме того, влияние на данную работу оказывало и противостояние внутри Советов и партийных ячеек. Уфимская БОНВ практически стала предшественницей Советской рабоче-крестьянской милиции и Красной Армии. В ее состав входили: городской комиссариат милиции, боевые дружины (Красная гвардия) и другие формирования трудящихся, созданные Советами. Здесь подобно регионам центральной России практиковалось назначение общего комиссара Красной гвардии, милиции и Чрезвычайной комиссии. Так, в Уфе эти посты совмещал П. И. Зенцов [20, с. 8].

Хотя формирование органов правопорядка в целом шло в русле общероссийских тенденций, на его процесс, безусловно, оказывали влияние различные социальные, экономические, национальные и иные региональные факторы. Главной задачей, наряду с защитой революционных сил, Советов и партийных ячеек, была охрана населения. Развитие шло в тесной связи с военной составляющей, но милицейская функция постепенно приобретала самостоятельность и профессионализировалась. В целом, в этот период были сформированы основы дальнейшего развития органов внутренних дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макеев, В. В., Иванцова, И. В. Становление и развитие милиции на Дону. Ростов-на-Дону: Ростовский ЮИ МВД России, 1999. 76 с.
2. НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. 1262. Оп. 1. Д. 65.
3. Мещеряков, В. Е. Благовещенский арматурный завод: история и современность. Уфа: Благовещенский арматурный завод, 2001. 237 с.
4. Октябрь в Башкирии (октябрь 1917 г. – май 1918 г.): сборник документов и материалов / сост.: Л. А. Вагапова, Г. Е. Резванова, В. П. Чемерис Уфа: Башкнигоиздат, 1979. 304 с.
5. Аминев, З. А. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Башкирии (1917–1919 гг.). Уфа: Башкнигоиздат, 1966. 483 с.
6. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г. – июнь 1918 г.): сборник документов и материалов. Уфа: Башкнигоиздат, 1957. 532 с.
7. Очерки истории Башкирской организации КПСС / ред. В. П. Иванков. Уфа: Башкнигоиздат, 1973. 728 с.

8. НА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32.
9. НА РБ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 32.
10. Александров, Ф. А. Борьба за власть Советов в Башкирии в 1917 г. Уфа: Башгосиздат, 1951. 190 с.
11. Васильев, С. М., Чемерис, В. П. На путях к Октябрю: краткий очерк рабочего движения в Башкирии в 1914–1917 гг. Уфа: Башкнигоиздат, 1960. 127 с.
12. НА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3.
13. Лисовский, Н. К. 1917 год на Урале. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1967. 579 с.
14. Очерки по истории Башкирской АССР / ред. А. П. Смирнов [и др.]. Т. 2: Советский период. Уфа: Башкнигоиздат, 1966. 643 с.
15. Тарасов, С. Д., Зенцова, С. П. За власть Советов. Уфа: Башкнигоиздат, 1963. 120 с.
16. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 26095. Оп. 8. Д. 1.
17. Раимов, Р. М. Образование Башкирской АССР. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 524 с.
18. НА РБ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 22.
19. Биленко, С. В. На бессменном посту. Москва: Изд-во «Знание», 1969. 48 с.
20. Чекисты Башкирии. Очерки, статьи, воспоминания / ред.: В. Д. Комиссаров [и др.]. Уфа: Башкнигоиздат, 1967. 192 с.

© Емелин С. М.
© Гордеев Б. Е.

УДК 34(470)(091):929

Г. Г. НЕБРАТЕНКО, профессор кафедры уголовного права и процесса Таганрогского института управления и экономики, доктор юридических наук, доцент (г. Таганрог)

G. G. NEBRATENKO, professor of the Chair of Criminal Law and Process of Taganrog Institute of Management and Economics, Doctor of Law, Associate Professor (Taganrog)

О. В. КАРЯГИНА, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Таганрогского института управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент (г. Таганрог)

O. V. KARYAGINA, head of the Chair of Criminal Law and Process of Taganrog Institute of Management and Economics, Associate Professor (Taganrog)

С. В. СТУДЕНИКИНА, заведующая кафедрой процессуального права Донского государственного технического университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Таганрог)

S. V. STUDENIKINA, head of the Chair of Process Law of Don State Technical University, Candidate of Law, Associate Professor (Taganrog)

ЮРИДИЧЕСКАЯ МАРТИРОЛОГИЯ КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

LEGAL MARTYROLOGY AS A SCIENTIFIC DIRECTION OF HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

Аннотация. Развитие науки предопределяется потребностями человеческого прогресса, имеющего особенности в национальном измерении, связанными с социально-экономическим и политико-правовым развитием государства. Современная российская наука модернизируется исходя из практических потребностей, а также роли и места Отечества в международной правовой системе. Отказ от централизма в правовой и политической сфере вызывает потребность разработки новых научных направлений, одним из которых в области развития правовой науки является юридическая мартирология. Появление данного направления позволяет существенно дополнить имеющиеся научные знания, особенно в области проведения историко-правовых исследований. Юридическая мартирология обладает собственным предметом и методом, восполняя имеющиеся пробелы в знаниях за счет детального анализа сведений биографического характера. В конечном счете, хронологическое развитие государства и права осуществляется в результате индивидуально-волевой деятельности определенных деятелей, роль которых раскрывают исследования мартирологического характера. Особенно такие исследования важны для истории государства и права России, поскольку само существование многонациональной страны, занимающей обширные пространства на Евразийском континенте, в различных кли-

матических зонах является цивилизационным подвигом русского народа и наиболее видных его представителей.

Ключевые слова и словосочетания: *мартиролог, юридическая мартирология, российская юридическая наука, историко-правовые исследования, методология истории государства и права.*

Annotation. *The development of science is predetermined by the needs of human progress, which has features in the national dimension related to the socio-economic and political-legal development of the state. Therefore, modern Russian science is being modernized based on practical needs, as well as the role and place of the Fatherland in the international legal system. The rejection of centralism in the legal and political sphere necessitates the development of new scientific areas, one of which in the field of the development of legal science is legal martyrology. Legal martyrology has its own subject and method, filling up the existing knowledge gaps with the help of biographical information. Ultimately, the chronological development of the state and law is carried out as a result of the individual-volitional activity of certain figures, whose role is revealed by martyrological studies. Such studies are especially important for the history of the state and law of Russia, since the very existence of a multinational country, occupying vast spaces on the Eurasian continent, in various climatic zones, is a civilizational feat of the Russian people, or rather its most prominent representatives.*

Keywords and phrases: *martyrology, legal martyrology, Russian legal science, historical and legal research, methodology of the history of state and law.*

Советского Союза не существует менее трех десятилетий, в течение которых Российская Федерация обустроивает государственно-правовую систему, подключившись к международной капиталистической, основанной на превалировании доллара США, возникшей в ходе реализации Плана Маршала и ряда других решений, уточнявших «евроатлантический миропорядок». Однако отечественная юридическая наука не перестала нести на себе многогранный отпечаток советской научной мысли, высокий уровень которой не подвергается сомнению. Хотя переход научного сообщества к современной действительности сопровождался «размежеванием по живому», когда прежде единый коллектив оказался разделенным на несколько частей по числу союзных республик.

Между тем изменились условия для развития науки, так как советская функционировала при развитии социализме с нормативно-закрепленным превалированием государственных интересов, в условиях юридического (материалистического правопонимания) и политического (примат КПСС) централизма. Кроме того, определялась государственная идеология, выраженная в строительстве

коммунизма. После 1991 г. Россия вернулась к строительству капитализма с юридически закрепленным превалированием частных интересов, функционируя в условиях правового и политического плюрализма. Идеологическая миссия имеет скорее либеральный уклон, акцентирована на обеспечении прав человека, неприкосновенности частной собственности, стремлении к правовому государству и гражданскому обществу.

В то же время современная юридическая наука не ограничена идеологическими детерминантами, практически не имеет запретных концепций и авторов, а основные школы права, концепции которых составляют мировое наследие, системно освещаются в лоне «Истории политических и правовых учений» или «Истории учений о праве и государстве», и к ним свободно добавляются современные доктрины. В этой связи возникает потребность в разработке новых научных направлений, одним из которых, по мнению авторов, является «Юридическая мартирология».

Термин «мартиролог» имеет эллинское происхождение, изначально в значениях «свидетельство мученичества» или «слово о мученичестве», о праведном

жизненном пути христиан, сопровождавшемся концентрацией духовных сил, преодолением человеческих пороков для «спасения души», нередко смертью, например Иисуса Христа (и воскресением), Апостолов и множества почитаемых церковью святых. У православных христиан перечень таких лиц, связанный с определенными днями в году, называется «святцами», согласно которым в традиционном обществе даются имена новорожденным, а у католиков используется синонимичный термин «мартиролог», представляющий собой «календарь мучеников», где указана дата их подвига, краткое описание жизненного пути и факта «духовной победы над злом».

В свое время мартирологи позволяли систематизировать знания о жизни и смерти святых для их почитания и ежегодного поминания совершенных подвигов, и в результате в общественном сознании праведники становились связующим звеном между мирянами и Богом. Впрочем, затем в эти религиозные источники стали включать не только мучеников, но и подвижников, сделавших многое для развития христианства, достойно проживших свои лета, ушедших, как подобает христианину. Свой подвиг они совершали в течение жизни, посвятив себя церкви и пастве, и за это удостоились почитания, но как только религиозное мировоззрение по своей массовости уступило место научному мировоззрению, традиция составления мартирологов перешагнула еще и в науку, приведя к формированию исследовательского жанра.

Этот жанр заключается в том, что в одном сборнике подлежат обобщению справочные сведения о персонах, внесших вклад в развитие какой-либо тематики, например, могут обобщаться данные о лицах, трудившихся в интересах государства [1], нации [2] или отдавших годы жизни профессии [3]. В МВД России мартирологическая работа была организована в рамках подготовки к 300-летию

русской полиции, отмечавшемуся в 2018 г., и в результате были выявлены сотрудники, совершавшие подвиги на службе в досоветский период. Чаще всего авторы по традиции предпочитают выбирать для составления мартирологов «жертвенную тематику», увековечивающую пострадавших и убиенных [4], одновременно сохраняется традиция составления церковных сборников [5].

В рамках «юридической мартирологии», имеющей прямое отношение к историко-правовой науке, по мнению авторов, представляет интерес теоретико-методологический потенциал данного жанра, позволяющий углублять имеющиеся представления о развитии государства и права. Однако предмет искомого научного направления несколько шире и включает в себя знания, относящиеся к прочим юридическим наукам. Предметом юридической мартирологии выступают биографические сведения о персоналиях, внесших существенный вклад в развитие историко-теоретических, отраслевых и специально-юридических наук, оставивших заметный след в развитии практических областей, составляющих объект юриспруденции, а также детальный анализ и обобщение данных о соответствующих лицах, дополняющие имеющиеся научные знания, а также представляющие ценность мемориального характера.

Юридическая мартирология является прикладным междисциплинарным направлением, обладающим правовой сферой научных исследований биографического характера, базирующейся на принципе историзма, в первую очередь сопряженной с историей, культурологией и религиоведением. Междисциплинарный характер этого направления детерминирует его методологическую сущность, связанную с использованием смежных подходов к достижению цели научных исследований. Впрочем, в качестве основного выступает конкретно-биографический метод, заключающийся в фо-

кусировании научно-исследовательского внимания на непосредственных личностях, заслуживающих комплексного изучения или даже увековечения памяти, внесших существенный вклад в развитие юридической науки или диалектику государства и права, а также практику правового регулирования общественных отношений.

В лоне различных юридических наук в разные годы трудилось множество ученых, и еще больше профессионалов на практике успешно пользовались плодами их исследовательского внимания, многие отдали служению профессии десятилетия, некоторые – всю жизнь, но после смерти большинство заслуженных деятелей оказываются в забвении. Впрочем, существует императив в рамках проведения монографических исследований при определении степени разработанности изучаемой проблемы: почитать классиков юридической доктрины, внесших весомый вклад в ее развитие, цитировать таких мастодонтов, помещать самые известные работы в списке используемой литературы.

В классических образовательных организациях имена известных ученых присваиваются лекционным аудиториям, учебным кабинетам или лабораториям, иногда устанавливают мемориальные знаки, но такого рода факты по традиции приурочиваются к какому-то юбилейному мероприятию, не являясь следствием целенаправленной мартирологической работы.

Между тем для проведения историко-правовых исследований потенциал юридической мартирологии наиболее приемлем из-за того, что его использование поможет заметно расширить содержание научного знания, и предопределено тем, что история государства и права является юридической наукой, строящейся по принципу историзма, а юридическая мартирология располагается в смежной области научного знания, на границе юриспруденции с исторической

наукой. Хотя в настоящее время мартирологический потенциал в историко-правовых работах порой недооценивается, и связано это с тем, что предмет юридических исследований фокусируется вокруг событий и фактов (но не личностей), связанных с содержанием государственного и общественного строя, памятниками права (формально-логическая методология), а также развитием отдельных видов правоотношений.

Таким образом, роль личности, например, правителей, бюрократов или первооткрывателей, оказывается неосвещенной. В результате снижается объективность историко-правового нарратива (повествования), особенно относящегося к России, управление регионами которой является уникальным феноменом и длительное время строилось на автономной индивидуально-волевой деятельности по причине протяженности коммуникаций и затруднений в развитии транспортной инфраструктуры.

Между тем в отечественной истории, как минимум досоветского периода, происходящие изменения в сфере правового регулирования обычно связаны с целенаправленной деятельностью непосредственных личностей, действовавших вопреки складывавшимся обстоятельствам и в итоге преодолевших препятствия для интеграции и прогресса. Нередко деятельность «подвижников» похожа на Божий промысел, поскольку они успевают осуществить больше, чем десятки других деятелей вместе взятых, но, по мнению авторов, объем задач, стоящих перед Отечеством, всегда настолько велик, что само его существование невозможно без множественного порождения гениальностей на русской земле. В Новое время самыми яркими примерами таких личностей являются царь Алексей Тишайший, император Петр Великий, Екатерина Великая, Александр Освободитель, Александр Миротворец, а среди ученых-светочей – М. Н. Ломоносов, М. М. Сперанский и др.

В некоторых случаях при проведении историко-правовых исследований недостаточное внимание к персоналиям, уделяемое в такой дозировке, исходя из сложившейся тенденции, ограничивает складывание всестороннего объективного представления о развитии государства и права. Хрестоматийным примером является неразрешенная проблема возникновения российского государства: неясность генеалогического и топографического происхождения великого князя Рюрика с дружиной. Доктринальное противостояние по линии «норманизм – антинорманизм», освещаемое в лоне «Истории государства и права России» и «Истории России», устарело и чрезвычайно вредно, так как эта проблема обычно пропагандируется в ходе массивной дегуманизации России (Карл XII и Адольф Гитлер). Решать ее следует с учетом достижений археологии, генеалогии, генетики, картографии, лингвистики, что затруднительно для классической исторической науки [6].

Таким образом, юридическая мартирология для историко-правовых исследований имеет особое значение, и в ее рамках персоналии могут изучаться в следующем контексте: дата и место рождения, краткая родословная, предшествующие события и следующие за рождением; процесс воспитания и образования; начало самостоятельной деятельности и взаимодействие с другими персоналиями, предпосылки и условия для оформления личности; область научной или практической деятельности, причастность к определенным сообществам и коллективам; развитие духовно-нравственной сферы; основные подвиги, труды, достижения и просчеты; итоги жизнедеятельности, дата, место и события кончины исследуемой персоны. Такого рода сведения позволяют объективировать события и факты, рассматриваемые юридической науке, и анализу могут подвергаться не только государственные деятели, но и ученые и прак-

тики, внесшие заметный вклад в определенную область фундаментальной или прикладной деятельности. Накопленный опыт неочень и представляет ценность для современников, а его целенаправленное выявление возможно в ходе проведения мартирологической работы, завершающейся составлением тематических сборников и справочников.

Между тем в рамках историко-правовых исследований особый интерес представляют первооткрыватели, обеспечившие обширность территории России, например, Ермак Тимофеевич или Семен Дежнев и др. Кроме того, отдельный интерес могут представлять персоналии, которые в той или иной степени внесли вклад в развитие российской государственности, но скорей со знаком «минус», например, в Новое время патриарх Никон, гетман Мазепа, царедворец Бирон, губернатор Пален, цесаревич Константин, князь Юсупов, генерал Алексеев. Мартирологический анализ деятельности таких лиц (точнее – антимартирологический) нередко объясняет причины совершаемых ими поступков, имеющих непосредственное отношение к развитию России.

Историко-правовые исследования, опирающиеся на биографии деятелей, оставивших заметный след в развитии государства и права, позволят без политизации оценивать неоднозначные события, которыми насыщено российское прошлое: народные восстания XVII–XX вв., Кавказская война 1817–1864 гг., антиправительственное общественно-политическое движение XIX – начала XX вв., террористическая деятельность по уничтожению государственных сановников второй половины XIX – начала XX вв., три революции, Гражданская война, двукратный распад государства.

В попытках разобраться выдвигаются доктрины, базирующиеся на политической целесообразности конкретно взятого исторического периода.

В результате, например, отношение к Февральской революции и Октябрьской в советской и постсоветской историографии оказывается диаметрально противоположным, но, по мнению авторов, ни одно из них не раскрывает истинных причин насильственного изменения формы государства, поскольку выдвигаемые доктрины базируются на политической составляющей (субъективной), а не на биографической (объективной).

Между тем, используя современную терминологию, «цветные революции» организуются и осуществляются деятелями, которые не занимаются производственной деятельностью, а «революционер» для них – это профессия, которая без внешнего финансирования невозможна, и ее источник является заказчиком грядущей государственной смуты. Это объясняет, например, почему после окончания Крымской войны 1853–1856 гг. началось лондонское вещание газеты «Колокол» (1857–1867 гг.), которой, как известно Герцен развил дальнейшую революционную агитацию [7], а о начале первой революции было объявлено на III съезде РСДРП, проводившемся в апреле 1905 г. также в британской столице.

С точки зрения теории национальной безопасности, причиной революций являлась конкурентная борьба с Российской империей за ресурсы и рынки

сбыта, проводимая всеми средствами, в том числе негодными. Получить всесторонние ответы на, пожалуй, ключевые вопросы отечественного государства и права поможет мартирологическая работа, свободная от конъюнктурного подхода.

Таким образом, юридическая мартирология – это междисциплинарное направление, обладающее собственной областью научного исследования, предметом и методом, представляющее интерес для историко-теоретических, отраслевых и специально-юридических наук. Она направлена на изучение, анализ и обобщение сведений биографического характера о деятелях, внесших весомый вклад в развитие объектной области, изучаемой в рамках юриспруденции.

Для истории государства и права обладает более емким потенциалом, поскольку позволяет на основе пристального внимания к персональным данным весомо расширить имеющиеся научные знания и представления, делая это объективно, максимально избегая политизации. Биография, как и папилярный узор, индивидуально присуща каждому человеку, и анализ целого ряда персональных данных, объединенных в рамках какой-либо предметной области, содержит перспективный познавательный потенциал, раскрываемый при помощи мартирологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витебский мартиролог. Краткий биографический справочник православного духовенства и мирян. Витебск, 2008.
2. Денисова, Е. В. Ранние английский мартирологи и континентальная традиция // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, 2008. № 74-1.
3. Ленин, В. И. Памяти Герцена // Полное собрание сочинений. Москва, 1968.
4. Македонский мартиролог / сост. Ц. В. Билярский. София, 2005.
5. Небратенко, Г. Г. Славянское происхождение Древнерусского государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2016. № 1.
6. Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий / сост. Г. В. Невский. Сыктывкар, 1999.

7. Чимаров, С. Ю. К вопросу о мартирологе чинов полиции в годы русской революции начала XX в. // Инновационные исследования в науке и образовании. Смоленск, 2018.

© Небрагенко Г. Г.
© Карягина О. В.
© Студеникина С. В.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ.
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.63:343.614(470)

М. А. АРТАМОНОВА, адъюнкт адъюнктуры
Уфимского юридического института МВД России
(г. Уфа)

M. A. ARTAMONOVA, adjunct of Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

**СКЛОНЕНИЕ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА
И СОДЕЙСТВИЕ СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА:
СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ**

**INDUCEMENT TO COMMIT SUICIDE AND ASSISTING SUICIDE:
MATTERS OF INTERPRETATION AND APPLICATION**

***Аннотация.** В настоящей статье дается юридический анализ впервые введенного в уголовный закон состава преступления, предусмотренного ст. 110.1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства». На основе анализа рассматриваются спорные вопросы толкования и применения исследуемой уголовно-правовой нормы. Сформулированы выводы и отдельные предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства в этой области.*

***Ключевые слова и словосочетания:** склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства, доведение до самоубийства, уголовно-правовая характеристика, смежный состав преступления, проблема эвтаназии.*

***Annotation.** This article provides a legal analysis of the first introduced in the criminal law of the offense under Art. 110.1 of the criminal code «Inducement to commit suicide and assistance in committing suicide». On the basis of the analysis the controversial issues of interpretation and application of the criminal law norm are considered. Conclusions and separate proposals on improvement of the domestic criminal legislation in this area are formulated.*

***Keywords and phrases:** inducement to commit suicide, assistance to commit suicide, inducement to suicide, criminal-legal characteristic, related crime, the problem of euthanasia.*

Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуж-

дение детей к суицидальному поведению» от 07.06.2017 № 120-ФЗ внес существенные нововведения в УК РФ. Эти изменения коснулись не только внесения дополнений в действующую ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства», но и криминализации ранее неизвест-

ных уголовному закону составов преступлений. Так, УК РФ был дополнен ст.ст. 1101 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и 1102 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

Принятие этих поправок обусловлено тем, что в настоящее время на территории России особую остроту приобрела проблема участвовавших случаев детских суицидов, вызванных целенаправленным преступным воздействием на психику ребенка с помощью средств психологического воздействия, в том числе дистанционно с помощью информационных технологий. Данные законодательные новеллы выступили в качестве дополнительного механизма противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению.

Вместе с тем изучение вышеназванных составов преступлений позволяет нам сделать вывод о том, что редакция этих статей далеко не совершенна и в научной среде подвергается обоснованной критике [1, с. 197]. Введенные статьи вызывают сложности при их применении ввиду отсутствия единых стандартов толкования признаков указанных преступлений.

Обращает на себя внимание и тот факт, что законодатель, введя эти составы преступлений, буквально через месяц принимает новый Федеральный закон от 29.07.2017 № 248-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», на основании которого в перечисленные статьи вновь вносятся изменения не только в диспозиции, но и в санкции указанных выше статей, что вряд ли оправданно.

Остановимся подробнее на уголовно-правовой характеристике преступного деяния, предусмотренного ст. 1101 УК РФ. По сути, данная статья объединяет две самостоятельные нормы, предусматривающие ответственность за склонение

к самоубийству (ч. 1 ст. 1101) и содействие совершению самоубийства (ч. 2 ст. 1101). Исходя из расположения ст. 1101 УК РФ в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья», непосредственным объектом рассматриваемого состава преступления выступает жизнь человека.

Следует отметить, что российский законодатель в диспозиции статьи нормативно не раскрывает понятие «склонение», а лишь перечисляет возможные способы совершения уголовного деяния. Поэтому для правильного применения нормы важно раскрыть понятие термина «склонение» с этимологической точки зрения. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Б. Шведовой слово «склонить» разъясняет как «убедить в необходимости какого-нибудь поступка, решения» (например, склонить к побегу, на свою сторону) [2, с. 723]. В другом толковом словаре под редакцией Т. Ф. Ефремовой слово «склонить» означает «убедить, уговорить делать что-либо» [3].

Исходя из этого, следует, что «склонение» – это процесс интеллектуального воздействия на сознание человека, выразившийся в виде убеждения и мотивации к совершению какого-либо поступка, а применительно к ст. 1101 УК РФ – к совершению акта суицида.

Объективную сторону основного состава, предусмотренного ч. 1 ст. 1101 УК РФ, образуют активные действия виновного лица, выразившиеся в уговорах, предложениях, подкупе и обмане потерпевшего. Отметим, что этот перечень является открытым, поскольку законодатель указывает еще и на «иной способ» склонения к совершению самоубийства. Диспозиция указанной статьи содержит оговорку – «при отсутствии признаков доведения до самоубийства», что очень важно для разграничения этих составов преступлений.

Отметим, что при склонении к совершению самоубийства исключается применение в отношении потерпевше-

го физического насилия или угрозы его применения. Следовательно, способы, используемые при склонении к совершению самоубийства, являются менее общественно опасными, чем при доведении до самоубийства. При склонении к совершению самоубийства виновный своими действиями стремится вызвать решимость (желание) у потерпевшего совершить самоубийство.

При формулировании способов склонения к совершению самоубийства законодатель, на наш взгляд, с юридико-технической точки зрения допустил неточности, что вызывает определенные сложности в правоприменительной деятельности, в частности, при отграничении склонения к совершению самоубийства от доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ). Не ясно, к примеру, шантаж потерпевшего – это способ доведения до самоубийства или иной способ склонения к самоубийству? [4, с. 170].

На наш взгляд, в основу разграничения этих составов должен быть положен характер угрозы. Если речь идет об угрозе физическим насилием, то применяется ст. 110 УК РФ. Но в таком случае в ч. 1 ст. 110 УК РФ следует внести соответствующие редакционные поправки. Если же угроза носит характер шантажа, то должна применяться ст. 1101 УК РФ, поскольку такая угроза подпадает под иной способ склонения к самоубийству.

Законодатель при описывании способов склонения к самоубийству, по сути, проводит параллель с институтом соучастия, поскольку указанные в статье способы внешне схожи с подстрекательством (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Однако следует помнить, что по российскому уголовному законодательству самоубийство не наказуемо, и склонение к совершению самоубийства в прямом смысле не может считаться соучастием в самоубийстве.

В ч. 2 ст. 1101 УК РФ предусмотрена ответственность за содействие совершению самоубийства. Категория «содействие» также нормативно не опре-

делена в УК РФ. Согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Б. Шведовой под «содействием» понимается деятельное участие в чьих-нибудь делах с целью облегчить, помочь, поддержать в какой-нибудь деятельности [2]. В других словарях значение слова «содействие» означает помощь или поддержку в чем-либо [5–6].

Объективная сторона рассматриваемого деяния характеризуется активными противоправными действиями со стороны виновного лица и заключается в том, что оно осуществляется посредством дачи советов, указаний, предоставления информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранения препятствий к его совершению или обещания скрыть средства или орудия совершения самоубийства. Следует отметить, что, в отличие от склонения к суициду, содействие совершению самоубийства предусматривает исчерпывающий перечень способов его совершения.

При содействии совершению самоубийства, как и при склонении, прослеживается сходство с таким видом соучастия, как пособничество, однако это лишь внешнее сходство, ибо, как уже говорилось выше, акт самоубийства по действующему законодательству ненаказуем.

Исходя из представленных способов совершения этого деяния, следует, что содействие самоубийству выражается в оказании интеллектуальной или физической помощи потерпевшему в лишении себя жизни [7]. В отличие от склонения, виновный при содействии совершению суицида оказывает «помощь» человеку, который самостоятельно принял решение свести счеты с жизнью, тем самым он лишь способствует достижению этой цели.

Законодатель, установив ответственность за склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства, по сути, криминализировал так называемое «ассистированное самоубийство», или самоубийство при

помощи врачей, которое получило широкое распространение в ряде зарубежных стран.

«Ассистированное самоубийство» напрямую соприкасается с жизненно важной проблемой, имеющей отношение к эвтаназии, поскольку является ее разновидностью [8, с. 169]. На территории российского государства эвтаназия законодательно запрещена. Под уголовно-правовым запретом находится как активный, так и пассивный вид эвтаназии. Это положение отражено в ст. 45 Федерального закона от 21.11.2011 №323-ФЗ (ред. от 06.03.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Такие действия рассматриваются в теории как «простое» убийство и квалифицируются по ч. 1 ст. 105 УК РФ [9, с. 162].

Под «ассистированным самоубийством» понимают такие ситуации, когда врач непосредственно сам не совершает акт преднамеренного лишения жизни пациента, а лишь предлагает больному рекомендации по применению тех или иных средств в целях самоубийства [10, с. 106]. При таком виде самоубийства действия, приводящие к смерти, совершает сам пациент, и врач должен осознавать возможность наступивших последствий.

Следует отметить, что в разных государствах сложилось неоднозначное отношение к эвтаназии. Среди ученых и медицинских работников также имеются как сторонники, так и противники ее применения. Поэтому проблема «ассистированного самоубийства» и ответственности за него нуждается в самостоятельном исследовании с учетом обсуждения существования естественного права человека не только на жизнь, но и на его смерть.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 1101 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступного деяния 16 лет. Субъективная сторона рассматри-

ваемого состава преступления характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает, что совершает общественно опасные деяния, выразившиеся в виде склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства, и желает этого. Мотивы и цели не являются обязательными признаками данного состава преступления и на квалификацию не влияют.

Особого внимания заслуживает вопрос, связанный с определением момента окончания данного состава преступления. Состав преступления, предусмотренный чч. 1–3 ст. 1101 УК РФ, по конструкции формальный. Преступление считается оконченным с момента совершения любого указанного действия (в виде склонения или содействия совершению самоубийства) независимо от того, удалось ли виновному воздействовать на сознание и волю склоняемого или нет. Последствия в виде самоубийства или покушения на него находятся за пределами как основных составов, предусмотренных чч. 1–2 ст. 1101 УК РФ, так и квалифицированного состава, предусмотренного ч. 3 данной статьи.

Между тем закономерно возникает вопрос: насколько обоснованно криминализованы действия, которые не повлекли за собой даже покушения на самоубийство? Полагаем, что необходимости в такой криминализации не было, поскольку такого рода действия в отрыве от последствий (или хотя бы покушения на самоубийство) не достигают той степени общественной опасности, которая позволяет перевести их в разряд уголовно наказуемых деяний. Кроме того, подобные деяния носят преимущественно латентный характер, привлечь лицо к уголовной ответственности за единичные факты уговоров, предложений или советов практически невозможно. В связи с этим считаем, что момент окончания деяния, предусмотренного чч. 1–3 ст. 1101 УК РФ, следовало бы связать с покушением на самоубийство. Уголовное законо-

дательство большинства стран ближнего зарубежья (ст. 146 УК Республики Беларусь, ч. 1 ст. 106 УК Республики Туркменистан, ст. 111 УК Республики Армении, ст. 103 УК Республики Кыргызстан и др.) связывает ответственность за склонение к самоубийству с фактом самоубийства потерпевшего или покушения на него.

Соответственно, чч. 4–6 рассматриваемой статьи будут содержать квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, связанные с наступлением последствий в виде самоубийства определенной категорией лиц под влиянием склонения или содействия совершению самоубийства.

Таким образом, с введением в УК РФ новых составов преступлений, связан-

ных с суицидом, был восполнен пробел, существующий в уголовном законодательстве. Это, в свою очередь, свидетельствует о дополнительных гарантиях, направленных на охрану жизни человека, в том числе детей, уголовно-правовыми средствами.

Вместе с тем изучение вышеназванных составов преступлений позволяет нам сделать вывод о том, что редакция этих статей далеко несовершенна. Предложения, сформулированные нами, имеют своей целью улучшить качество уголовно-правовой нормы об ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 1101 УК РФ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Круковский, В. Е., Мосечкин, И. Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. № 4.
2. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений // *Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова*. 4-е изд., доп. Москва: ООО «ИТИ Технологии», 2003.
3. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь. URL: <http://ru-dict.ru/slovar-efremovoy.html> (дата обращения: 30.05.2019).
4. Дубовиченко, С. В., Карлов, В. П. Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни: критический анализ // *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева*. 2017. № 4. Т. 2.
5. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. URL: <https://gufo.me/dict/usakov> (дата обращения: 23.04.2019).
6. Большой толковый словарь русского языка под редакцией А. С. Кузнецова. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 23.04.2019).
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы VII–VII. Т. 2 / отв. ред. В. М. Лебедев // СПС «КонсультантПлюс».
8. Рерихт, А. А. Ассистирование при самоубийстве (реферативный обзор) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4 «Государство и право»* // *Реферативный журнал*. 2012. № 3.
9. Нуркаева, Т. Н. Личные (гражданские) права и свободы и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики: монография. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. 254 с.
10. Мокосеева, М. А. Проблемы реализации права человека на жизнь // *Марийский юридический вестник*. 2013. Выпуск 10.

© Артамонова М. А.

УДК [343.53+342.924.03:338.22](470)

А. А. ДОЛГОПОЛОВ, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, доктор юридических наук, доцент (Краснодар)

A. A. DOLGOROLOV, professor of the Chair of Criminal Law of Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Doctor of Law, Associate Professor (Krasnodar)

А. В. ШУЛЬГА, заведующий кафедрой уголовного права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, кандидат юридических наук, доцент (Краснодар)

A. V. SHULGA, head of the Chair of Criminal Law of Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnodar)

О. В. НЕЖЕНЕЦ, ассистент кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина (Краснодар)

O. V. NEZHENETS, assistant of the Chair of Criminal Law of Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin (Krasnodar)

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНОЙ
И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ**

**ABOUT SOME PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL
BUSINESS IN THE FIELD OF TRADE**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы ответственности за предпринимательскую деятельность, несоответствующую требованиям законодательства, выявления последствий, которые могут наступить из-за неисполнения требований нормативных правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность. Исследуются понятие предпринимательской деятельности, ее признаки, последствия осуществления незаконной предпринимательской деятельности. Рассматривается зависимость наступления уголовной ответственности от тяжести правонарушения в сфере предпринимательской деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: незаконное предпринимательство, общественная опасность, правонарушение, санкции, степень тяжести, уголовная ответственность, штраф.

Annotation. The article deals with the issues of responsibility for business activities that do not meet the requirements of the legislation, the identification of the consequences that may occur due to non-compliance with the requirements of normative legal acts. Examines the concept of entrepreneurship, its characteristics, the impact of the implementation of illegal business activities. Dependence of criminal liability, the severity of the offense in the field of business.

Keywords and phrases: illegal business, public danger, offense, sanctions, severity, criminal liability, fine.

Одной из наиболее актуальных проблем в уголовном праве, исследуемых в науке, является уголовная ответственность за незаконное предпринимательство, предусмотренная ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство». Преступления, касающиеся экономической деятельности, относят к числу наиболее распространенных в Российской Федерации. Они пагубно влияют на функционирование экономики государства, причиняют значительный вред обществу. Поэтому исследования, направленные на изучение указанных проблем, являются весьма актуальными, особенно с учетом тех аспектов, которые связаны с применением уголовного законодательства, направленного на противодействие экономическим преступлениям и борьбу с незаконным предпринимательством.

Актуальность указанных проблем обуславливает то внимание ученого сообщества, которое уделяется исследованию вопросов, связанных с экономическими преступлениями. Число научных статей и монографий по данной теме неуклонно растет из года в год. Вопросы ответственности за незаконное предпринимательство изучаются авторами как отдельный объект исследования, так и наряду с различными преступлениями в сфере экономики.

Данной проблеме посвящены труды Л. Д. Гаухмана, А. Э. Жалинского, Т. Д. Устиновой, В. И. Тюнина и др. Квалификация незаконного предпринимательства исследуется И. О. Горчилиным, которым поднимаются проблемы борьбы с незаконной предпринимательской деятельностью, путей их решения, выявления правонарушителей и привлечения их к уголовной ответственности [1, с. 185]. Монографии Я. Е. Ивановой направлена на изучение конкретных проблем незаконного предпринимательства, возмож-

ных последствий для лиц, занимающихся незаконным предпринимательством, в виде применяемых к ним норм уголовного права [2]. В своих научных исследованиях ученые, как правило, акцентируют внимание на анализе УК РФ, предусматривающего ответственность за правонарушения в сфере экономики.

В соответствии с Конституцией РФ экономическая деятельность должна осуществляться только на законных основаниях во избежание причинения вреда физическим, юридическим лицам и государству в целом [3]. В этой связи весьма актуальной для общества является такая проблема, как обеспечение действенного контроля за соблюдением законности в сфере экономики, выявление лиц, занимающихся незаконной предпринимательской деятельностью, недопущение ухода предпринимательства в «теневую» экономику. Незаконное предпринимательство приводит к тому, что государство лишается возможности пополнения бюджета, причиняется вред правоохранительным интересам, применяются незаконные методы деятельности, которые препятствуют контролю налоговых отчислений предпринимателей [4]. С помощью спланированной незаконной предпринимательской деятельности происходит вывод денежных средств из легального оборота. Вследствие чего невозможно получить достоверную информацию о полной сумме дохода, полученного лицом, совершившим незаконную предпринимательскую деятельность. Эти действия пагубно отражаются на развитии экономики государства и несут в себе общественную опасность.

Одной из задач, требующих решения в сфере пресечения экономических преступлений, является устранение несоответствия общественной опасности незаконной предпринимательской деятельности с налагаемыми за данные

деяния штрафными санкциями согласно ст. 171 УК РФ. Такой вывод можно сделать, руководствуясь тем, что размер полученного дохода в крупном и особо крупном размере значительно превышает установленный штраф, об этом свидетельствует анализ чч. 1 и 2 ст. 171 УК РФ и примечания к ст. 170.2 УК РФ [5]. Лицо привлекается к уголовной ответственности, если доказанный доход, полученный от нелегального бизнеса, был получен в крупном размере, который составляет два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей. Вся прибыль, составляющая меньшую сумму денежных средств, должна подпадать под административную юрисдикцию. В соответствии со ст. 14.1 КоАП РФ «Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)» за такие деяния предусмотрена ответственность в виде штрафа в размере от пятисот до двух тысяч пятисот рублей [6]. Очевидно, что данные суммы не являются существенными для правонарушителей с учетом извлеченной прибыли, следовательно, не могут быть условием для предупреждения совершения такого рода правонарушений. Лица, уплатившие штраф, продолжают, как правило, в течение определенного времени нарушать закон снова.

Таким образом, предприниматели, не зарегистрировавшие свой бизнес и имеющие доходы меньше двух миллионов двухсот пятидесяти тысяч рублей, не несут неприемлемых потерь при уплате установленных законом штрафов и сохраняют при себе значительную часть дохода от незаконной предпринимательской деятельности. Исходя из этого, можно полагать, что виновное лицо, совершая данное преступление, имеет определенную материальную выгоду. Для эффективного противодействия данному виду преступлений – получения дохода от незаконной предпринимательской деятельности – необходимо, как мы

полагаем, установить размер штрафа, адекватный сумме незаконно извлеченного дохода.

В сфере правового регулирования отношений в области противодействия незаконному предпринимательству имеют место и другие противоречия. Некоторые предприниматели, зарегистрировавшие свою деятельность в установленном порядке, иногда сталкиваются с проблемой жесткости законодательства по отношению к правопослушным гражданам. Например, в соответствии со ст. 14.37 КоАП РФ установка и (или) эксплуатация рекламной конструкции без предусмотренного законодательством разрешения на ее установку и эксплуатацию влекут наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей. Однако, если осуществляется такая незаконная деятельность зарегистрированным юридическим лицом, то штрафные санкции значительно возрастают и составляют от пятисот тысяч до одного миллиона рублей.

Таким образом, предприниматели, ведущие свою деятельность легально, несут гораздо большие убытки, чем лица, владеющие незаконным бизнесом. Поэтому, на наш взгляд, действующее законодательство должно быть пересмотрено с точки зрения справедливости и адекватности содеянному проступку. Так, мы полагаем, какой бы ни являлась незаконная предпринимательская деятельность, она должна облагаться значительными для правонарушителя штрафами. К зарегистрировавшимся предпринимателям отношение со стороны государства должно быть смягчено с учетом того, что лица выполняют все нужные требования, имеют лицензию, их деятельность не противоречит закону, а государство приветствует новые лицензированные предприятия, готово оказывать им поддержку в продвижении полезной и нужной нашему обществу предпринимательской деятельности.

Данный подход возможен, только если за малейшее несоответствие нормам с легальных предприятий не будут взиматься непомерные суммы штрафов. Вред, который причиняют нелегалы своей деятельностью людям, колоссален, он превышает ныне действующие санкции в десятки раз, ведь порой под угрозой ставится самое ценное – здоровье человека, поэтому указанная проблема не может остаться неразрешенной. В действующей практике существует множество примеров, когда товары, произведенные незарегистрированными предприятиями, и услуги, ими предоставленные, причиняли вред здоровью человека, в том числе имели место случаи летального исхода.

Например, изучив судебную практику г. Пскова за 2018 год, мы выяснили, что обвиняемый выпускал немаркированную алкогольную продукцию, что могло причинить огромный вред здоровью [7]. Также выявлен случай функционирования нелегальных пластических клиник. В Москве была закрыта клиника после смерти одной из пациенток, как выяснилось при расследовании, организация работала без лицензии, а врачи не имели соответствующей квалификации, использовали низкокачественные и просроченные лекарственные средства, услуги, предоставляемые ими, не были безопасными для пациентов [8].

Говоря о подпольном производстве, следует отметить случай обнаружения нелегальной предпринимательской деятельности, направленной на производство сыра в бывшей общественной бане, осуществлявшейся в Московской области. Производство происходило в антисанитарных условиях, помещения были покрыты грибок, были выявлены следы грызунов, также работниками являлись граждане Таджикистана, не имеющие соответствующих документов. Были найдены поддельные этикетки, сертификаты и черновые записи, которые свидетельствовали о реализации продукции на

рынках Москвы и крупных сетевых магазинах [9].

Подводя некоторый итог, можно констатировать, что связанные с незаконной предпринимательской деятельностью правонарушения требуют ужесточения наказаний, в особенности за деяния, направленные на причинение вреда здоровью и жизни граждан. Раскрыв сущность незаконного предпринимательства, мы приходим к выводу о том, что незаконная предпринимательская деятельность тормозит развитие и функционирование экономики, ставит под угрозу жизнь и здоровье граждан, при этом нарушается процесс пополнения бюджета государства. Поэтому необходимо достичь такого уровня правоохранительной деятельности, при котором может быть обеспечена полная регистрация предпринимательской деятельности, установлена защита законных интересов как предпринимателей, так и потребителей, а также функционирование легальной экономики.

Рассматривая проблемы, связанные с незаконной предпринимательской деятельностью, необходимо, на наш взгляд, внести изменения в ст. 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» и изложить ее в следующей редакции: «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, а также в результате незаконной предпринимательской деятельности». В статью также следует внести поправки, предусмотрев правовую норму об ответственности за нанесение ущерба в результате незаконной предпринимательской деятельности.

В целях предотвращения прогрессирования «теневой» экономики необходимо наращивание усилий по противодействию незаконной предпринимательской деятельности как самостоятельного направления борьбы с преступностью в сфере экономики. Для этого необходима разработка и принятие Федерального за-

кона об учете граждан и организаций, лишенных права заниматься предпринимательской деятельностью. Целесообразно принятие комплекса государственных мер, направленных на создание обще-

федеральных и муниципальных информационных систем, регламентирующих заочные процедуры регистрации и лицензирования предпринимательской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горчилин, И. О. Эффективность назначения санкций при незаконном предпринимательстве // *Налоги и право*. 2010. № 11-1.
2. Иванова, Я. Е. Незаконное предпринимательство: вопросы теории и проблемы правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 248 с.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // *Собрание законодательства РФ*. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Шульга, А. В. Присвоение или растрата в условиях становления рыночных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019) // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.05.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Апелляционное постановление Псковского областного суда от 29.11.2018 по делу № 22К-858/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bhzX8PIQPzWr/> (дата обращения: 28.05.2019).
8. ТАСС, информационное агентство. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/6144201> (дата обращения: 30.05.2019).
9. The Dairy News – ежедневные новости молочного рынка. URL: https://www.dairynews.ru/news/v_moskovskoj_oblasti_nakryli_podpolnoje_proizvodst.html (дата обращения: 01.06.2019).

© Долгополов А. А.

© Шульга А. В.

© Неженец О. В.

УДК 343.28/.29(575.3+470)

С. З. МУЗАФАРОВ, адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург)

S. Z. MUZAFAROV, adjunct of the Chair of Criminal Law of Saint-Petersburg University of the Interior Ministry of Russia (Saint-Petersburg)

**ПРЕКРАЩЕНИЕ СУДИМОСТИ
ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ТАДЖИКИСТАНА И РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

**TERMINATION OF A CRIMINAL RECORD UNDER
THE CRIMINAL LEGISLATION OF TAJIKISTAN AND RUSSIA:
PROBLEMS AND WAYS OF THEIR SOLUTION**

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ порядка прекращения судимости по Уголовному кодексу Республики Таджикистан и Уголовному кодексу Российской Федерации. Рассматриваются мнения ученых, судебная практика и выявляются некоторые проблемы в Уголовном кодексе указанных стран по данному вопросу. Для решения этих проблем предлагается применение взаимного опыта регламентации прекращения судимости как способа совершенствования уголовного закона Таджикистана и России.

Ключевые слова и словосочетания: судимость, прекращение, погашение, снятие, уголовное законодательство, преступление, наказание, прекращение судимости.

Annotation. The article provides a comparative analysis of the termination order of criminal record in the Criminal Code of the Republic of Tajikistan and the Criminal Code of the Russian Federation. The opinions of scholars, legal practice are being considered, as well as some of the problems in the criminal code of these countries concerning the studied issued are being identified. In order to solve these problems the use of mutual experience of regulating the termination of criminal records as a way to improve the criminal law of Tajikistan and Russia is proposed.

Keywords and phrases: criminal record, termination, repayment, withdrawal, criminal law, crime, punishment, termination of conviction.

Прежде чем рассматривать порядок прекращения судимости, целесообразно дать краткую характеристику истории развития данного института в уголовном законодательстве Таджикистана.

На первом этапе развития института судимости (до 1918 г.) в правовых источниках таджикского уголовного права норм о ней, которые имеются в современном законодательстве, не содержалось. В случае необходимости установления факта осуждения за ранее совершенные преступления учитывалось наличие внешних следов на теле преступников от членовредительских наказаний.

Во втором периоде (1918–1998 гг.) термин «судимость» появляется в нормативных правовых актах, и его определение формулируется в доктрине уголовного права, а нормы об этом феномене получают свое развитие в результате многочисленных редакций законодательства, что впоследствии приводит к их объединению в институт судимости.

На третьем этапе (1998 г. – по настоящее время) принимается новый Уголовный кодекс Республики Таджикистан (далее – УК РТ), и, соответственно, многие нормы института судимости изменяются и дополняются. На данном этапе

нормы о судимости совершенствуются, за исключением некоторых вопросов, в частности, регламентации прекращения судимости.

Обращаясь к современному законодательству, важно отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 84 УК РТ и ч. 1 ст. 86 УК РФ прекращение судимости реализуется в виде погашения и снятия. Так, погашение судимости подразумевает под собой автоматическое прекращение ее уголовных, уголовно-исполнительных и некоторых общеправовых последствий судимости по истечении определенного времени без принятия какого-либо решения. Порядок погашения судимости устанавливается в ч. 3 ст. 84 УК РТ и ч. 3 ст. 86 УК РФ и основывается на различных критериях, в частности, на виде наказания.

Согласно п. «б» ч. 3 ст. 84 УК РТ судимость погашается «в отношении лиц, осужденных к более мягким наказаниям, чем ограничение свободы, – по истечении одного года после отбытия назначенного наказания» [1]. В соответствии со ст. 47 УК РТ к видам наказания, более мягким, чем ограничение свободы, относятся: штраф, лишение права занимать определенные должности, лишение воинских званий, обязательные работы, исправительные работы и ограничение по военной службе. Вместе с тем такой вид наказания, как содержание в дисциплинарной воинской части, в этот перечень не включен, поскольку он в соответствии с п. «ж» указанной статьи признается более строгим наказанием, чем ограничение свободы, но более мягким, чем лишение свободы. При осуждении лица к лишению свободы судимость погашается с учетом категории преступления. Отсюда следует, что по вопросу исчисления срока погашения судимости при осуждении лица к содержанию в дисциплинарной воинской части в УК РТ имеется пробел. Это объясняется тем, что упомянутое наказание не подпадает ни под один из критериев погашения суди-

мости, установленных в ч. 3 ст. 84 УК РТ. В целях устранения обозначенного пробела предлагается внести изменения в п. «б» ч. 3 ст. 84 УК РТ и изложить его в следующей редакции:

«б) в отношении лиц, осужденных к более мягким видам наказаний, чем лишение свободы, – по истечении одного года после отбытия или исполнения наказания».

Стоит отметить, что в уголовном законодательстве рассматриваемых стран прослеживается еще одна проблема погашения судимости. Она заключается в различном исчислении сроков погашения судимости в зависимости от вида наказания. Так, например, в санкции ч. 2 ст. 282.3 УК РФ предусматривается наказание в виде штрафа в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей либо лишения свободы на срок от пяти до десяти лет. В случае осуждения лица к наказанию в виде штрафа судимость длится на протяжении 1 года, а к наказанию в виде 9 лет лишения свободы – на протяжении 17 лет. Следовательно, 9 лет засчитываются за время отбывания наказания, а 8 лет – после его отбытия, поскольку данное деяние признается тяжким преступлением.

Схожая проблема наблюдается в санкции ч. 5 ст. 291 УК РФ. Однако в данном случае разница продолжительности срока судимости в зависимости от вида наказания равна не 17 годам, как в предыдущем примере, а 24. Кроме того, подобная проблема имеется еще в ряде статей УК рассматриваемых стран.

В этой связи представляется верным высказывание Б. В. Епифанова, которым отмечается, что «справедливость должна проявляться наиболее ярко не только при формировании круга преступных деяний, назначения наказания, но и при построении санкций» [2, с. 49]. К сожалению, приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что идеи ученых воплощаются в законодательстве, а на практике далеко не всегда.

Еще одним критерием погашения судимости является категория преступления. В случае совершения преступлений небольшой или средней тяжести судимость погашается через 3 года (по УК обеих стран), за тяжкие преступления через 5 лет по УК РТ, 8 лет по УК РФ и за особо тяжкие преступления через 8 лет по УК РТ, 10 лет по УК РФ после отбытия наказания. В редакции УК РФ, действовавшей до 2013 г. [3], погашение судимости за тяжкие преступления предусматривалось по истечении 6 лет после отбытия наказания, а за особо тяжкие преступления – 8 лет. Очевидно, что в действующем УК РФ судимость распространяется на больший срок по сравнению с положением УК РФ предыдущей редакции, то есть ухудшает положение осуждённых и не имеет обратной силы. Однако изучение материалов судебной практики показывает, что подобные примеры до сих пор встречаются в них [4].

Весьма примечательно, что в научных изданиях высказывается мнение о том, что судимость должна погашаться не с учетом категории преступления, а с учетом наказания, которое назначается [5, с. 51; 6, с. 129]. Нами данная позиция не разделяется, поскольку следование ей может привести к определённым диссонансам в логике существующего уголовного закона. Более того, думается, что учет категории преступления в определенном смысле носит универсальный характер.

Наша точка зрения находит подтверждение среди опрошенных специалистов. Так, на вопрос: «Какой способ исчисления сроков погашения судимости наиболее приемлем?» – они ответили следующим образом: в зависимости от категории преступления – 62 %; от фактически отбытого срока – 8 %; от поведения осужденного (во время отбывания наказания и после него) – 13,8 %; от вида и срока назначенного наказания – 16,2 %.

Между тем погашение судимости несовершеннолетних и взрослых лиц имеет существенные различия. Согласно ст. 94 УК РТ для лиц первой категории сроки погашения судимости, предусмотренные ч. 3 ст. 84 УК РТ, сокращаются и, соответственно, равны: а) одному году после отбытия лишения свободы за преступление небольшой или средней тяжести; б) трем годам после отбытия лишения свободы за тяжкое или особо тяжкое преступление.

Аналогичное положение предусматривается в соответствии со ст. 95 УК РФ, за исключением того, что в п. «а» данной статьи указывается, что судимость несовершеннолетних погашается по истечении 6 месяцев после отбытия или исполнения наказания более мягкого, чем лишение свободы.

Сравнительный анализ ст. 94 УК РТ и ст. 95 УК РФ показывает, что, к сожалению, в ст. 94 УК РТ одинаковые сроки погашения судимости устанавливаются как для несовершеннолетних, так и для взрослых лиц, если им было назначено наказание более мягкое, чем ограничение свободы. С учетом опыта УК РФ и установлением более гуманного отношения к несовершеннолетним представляется необходимым в ст. 94 УК РТ установить срок погашения судимости, равный 6 месяцам после отбытия или исполнения наказания более мягкого, чем лишение свободы.

Важно отметить, что на практике имеются определенные проблемы, связанные с применением ч. 2 ст. 86 УК РФ: «Лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым». Напомним, что еще в ч. 1 ст. 57 УК РСФСР отмечалось: «Не имеющими судимости признаются лица, освобожденные от наказания в силу статей 49 и 50 настоящего Кодекса» [7]. Аналогичное положение предусматривалось в ст. 54 УК Таджикской ССР [8], что исключало возможность неоднозначного толкования этой нормы. На основании положения ч. 2 ст. 86 УК РФ возника-

ет вопрос: «Во всех ли случаях освобождения лица от наказания оно считается несудимым или эта норма предполагает ограничительное толкование?». Отвечая на указанные вопросы, следует уточнить, что в УК РФ проводится различие между понятиями освобождение «от наказания», «от отбывания наказания» и «от дальнейшего отбывания наказания». Помимо этого, некоторые правоведы делят их на полное и частичное освобождение от наказания [9, с. 102]. Это приводит к выводу о том, что единообразная классификация видов освобождения от наказания в теории уголовного права отсутствует. В этой связи представляет интерес рассмотрение согласованности нормы ч. 2 ст. 86 УК РФ с видом освобождения от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ).

Так, исходя из чч. 1, 2 указанной статьи, «лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, освобождается от наказания, а лицо, отбывающее наказание, освобождается от дальнейшего его отбывания. Лицо, заболевшее иной тяжелой болезнью, может быть освобождено судом от отбывания наказания» [10]. На первый взгляд положения чч. 1, 2 ст. 81 УК РФ не вызывают вопросов. Однако в ч. 4 данной статьи указывается: «В случае их выздоровления могут подлежать уголовной ответственности и наказанию, если не истекли сроки давности» [10].

В данном случае наблюдается противоречие, которое заключается в том, что согласно ч. 2 ст. 86 УК РФ эти категории лиц считаются не имеющими судимости, однако на основании ч. 4 ст. 81 УК РФ в случае их выздоровления они могут привлекаться к уголовной ответственности и отбывать наказание. По данному вопросу справедливым представляется мнение, согласно которому в таких случаях возникает парадоксальная ситуация, когда наказанию будет подвергнуто лицо, не имеющее судимости [11, с. 34].

Вместе с тем регламентация данного вопроса в УК РФ существенно отличается от положения ч. 2 ст. 86 УК РФ. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 84 УК РФ лицо считается несудимым: «а) в случае принятия акта амнистии или помилования, если в этих актах предусмотрено снятие судимости; б) в случае принятия акта амнистии при условии, что им устраняется применение наказания; в) в случае принятия нового уголовного закона; г) в случае освобождения несовершеннолетних от наказания; д) в случае неисполнения обвинительного приговора» [1].

В ч. 2 ст. 86 УК РФ подобные уточняющие положения отсутствуют. В этой связи на практике возникают сложности в понимании и применении положения ч. 2 ст. 86 УК РФ [12]. Таким образом, с целью совершенствования положения УК РФ, касающегося определения случаев, при которых лицо считается не имеющим судимости, необходимо заимствовать положение ч. 2 ст. 84 УК РФ, в котором данный вопрос рассматривается более подробно.

Между тем, как указывалось ранее, судимость прекращается путем снятия, которое регламентировано в ч. 5 ст. 86 УК РФ: «Если осужденный после отбытия наказания вел себя безупречно, а также возместил вред, причиненный преступлением, то по его ходатайству суд может снять с него судимость до истечения срока погашения судимости» [10]. Схожее положение устанавливается в ч. 6 ст. 84 УК РФ. Однако отличие их видится в том, что по УК РФ осужденный имеет право подавать ходатайство о снятии судимости только после истечения половины срока погашения судимости. Кроме этого, возмещение вреда, рассматриваемого в качестве условия снятия судимости, в УК РФ отсутствует.

Совершенно справедливо по данному поводу отмечается некоторыми правоведом из РФ [13, с. 11], что в УК РФ интерес потерпевшего учитывается не всегда. Как указывалось М. В. Грамматчиковым,

«снятие судимости представляет собой декларативный характер, поскольку из числа 670 опрошенных лиц, отбывавших наказание, только 95 (14,2 %) знали о том, что можно досрочно снять судимость» [14, с. 165]. К схожим выводам в своем исследовании пришла Г. Х. Шаутаева [9, с. 143]. Однако изучение статистических данных показывает, что в современных реалиях ситуация изменилась. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, всего рассмотрено ходатайство о снятии судимости в 2012 г. – 17 498, из них удовлетворено – 6 701, отказано в удовлетворении – 4 208; в 2013 г. – 19 388, из них удовлетворено – 6 017, отказано в удовлетворении – 4 696; в 2014 г. – 21 820, из них удовлетворено – 5 665, отказано в удовлетворении – 5 171; в 2015 г. – 23 271, из них удовлетворено – 5 455, отказано в удовлетворении – 4 946; в 2016 г. – 18 932, из них удовлетворено – 5 316, отказано в удовлетворении – 4 029; в 2017 г. – 17 017, из них удовлетворено – 5 486, отказано в удовлетворении – 3 399 [15].

Как было отмечено выше, одним из условий снятия судимости является наличие безупречного поведения осужденного, которое в юридической литературе трактуется неоднозначно [16, с. 155]. В связи с этим в правоприменительной деятельности судов встречаются случаи, когда один суд выносит постановление о снятии судимости с осужденных, а другой, по разным основаниям и порой с нарушением закона, – отменяет это постановление [17]. В этой связи представляется целесообразным разъяснить

содержание понятия «безупречное поведение» в одном из постановлений Пленума Верховного Суда РТ и РФ. К обстоятельствам, которые должны быть учтены для определения безупречного поведения, считаем целесообразным добавить те, которые прописаны в нормативных актах при рассмотрении ходатайства о помиловании в РФ: 1) характер и степень общественной опасности совершенного преступления; 2) поведение осужденного; 3) срок отбытого (исполненного наказания); 4) совершение осужденным преступления в период назначенного судом испытательного срока; 5) применение ранее в отношении осужденного акта амнистии, помилования; 6) возмещение материального ущерба; 7) данные о личности осужденного; 8) другие обстоятельства [18].

Таким образом, регламентацию погашения и снятия судимости в УК РТ и УК РФ можно признать удовлетворительной, за исключением тех недостатков, которые указывались выше. В этой связи с целью совершенствования уголовного законодательства обеих стран предлагается применить взаимный опыт между Таджикистаном и Россией в части регламентации положений о прекращении судимости. В целях правильного и единообразного понимания уголовного законодательства Таджикистана и России в части снятия судимости полагаем необходимым дать судебное толкование понятия «безупречное поведение» в форме разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда РТ и РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный Кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. (ред. от 02.01.2019) // Ахбори Маджлиси Оли РТ. 1998. № 9. Ст.ст. 68–70.
2. Епифанов, Б. В. Принцип социальной справедливости и уровни его проявления в уголовном праве (правотворческий аспект): монография. Санкт-Петербург, 2004.

3. О внесении изменений в статью 86 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (часть I). Ст. 4051.
4. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21 августа 2018 г. № 20-АПУ 18-5 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Питецкий, В. В. Судимость в уголовном праве // Законность. 2006. № 4.
6. Щепельков, В. Ф. Проблемы применения норм о судимости // Юридическая мысль. 2001. № 5.
7. Уголовный кодекс РСФСР (ред. от 05.05.1990). Москва: Юридическая литература, 1990.
8. Уголовный кодекс Таджикской ССР от 17 августа 1961 г. (ред. от 01.03.1984). Душанбе: Ирфон, 1984.
9. Шаутаева, Г. Х. Судимость в уголовном праве России и ее правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2000.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
11. Соболев, А. Ю. Срок судимости в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000.
12. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2017 г. № 69-УД17-22 // СПС «Гарант».
13. Саидвалиева, Б. С. Уголовно-правовые и криминологические проблемы амнистии в Республике Таджикистан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012.
14. Грамматчиков, М. В. Судимость: исторический, уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2002.
15. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 02.12.2018).
16. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие. Москва: Норм, 2017.
17. Постановление Президиума Московского городского суда от 10.10.2017 по делу № 44у-482/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Положение о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2001. № 53 (часть II) (ред. от 07.12.2016). Ст. 5149.

© Музафаров С. З.

УДК 343.2/.7.05-052-053.2(470+533/534)

Т. Н. НУРКАЕВА, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа)

T. N. NURKAEVA, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (Ufa)

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВ РЕБЕНКА ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ
ЙЕМЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

**CRIMES AGAINST THE RIGHTS OF THE CHILD IN CRIMINAL LAW
OF THE REPUBLIC OF YEMEN AND THE RUSSIAN FEDERATION:
COMPARATIVE LEGAL ASPECT**

Аннотация. В статье на основе международно-правовых документов в области прав и свобод человека, конституционных положений с использованием метода сравнительно-правового анализа дается авторская оценка существующим позициям зарубежных исследователей, направленных на совершенствование как российского, так и йеменского уголовного законодательства в сфере охраны прав ребенка (несовершеннолетнего).

Ключевые слова и словосочетания: преступления, права ребенка, уголовное законодательство, сравнительно-правовой аспект, международные документы, права и свободы человека.

Annotation. The article on the basis of international legal documents in the field of human rights and freedoms, constitutional provisions using the method of comparative legal analysis gives the author's assessment of the existing positions of foreign researchers aimed at improving both Russian and Yemeni criminal legislation in the field of protection of the rights of the child (minor child).

Keywords and phrases: crimes, the rights of the child, criminal legislation, comparative legal aspect, international documents, human rights and freedoms.

Известно, что российское уголовное законодательство (УК РФ 1996 г.) сформировалось под влиянием Конституции Российской Федерации 1993 г. и международных документов в области прав и свобод человека, что нашло свое отражение в задачах и концептуальных положениях уголовного закона (ст. 2 УК РФ). Сходные тенденции происходят в последние годы и в Йеменской Республике (далее – ЙР).

Следует отметить, что общая модель уголовно-правовой защиты прав ребенка ранее была сформулирована на основе УК ЙР 1994 г., а также Закона ЙР «О благополучии несовершеннолетних» 1992 г.

Однако в 2002 г. в рамках ратификации Йеменом Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. был принят Закон ЙР № 45 «О правах ребенка», в котором получили дальнейшую конкретизацию многие положения названной концепции, а также регламентированы новые виды посягательств на права ребенка, ранее неизвестные уголовному законодательству ЙР, нуждающиеся в доктринальном толковании.

Принятие этого Закона не только трансформировало модель уголовно-правовой защиты прав ребенка в Йемене, но и явилось реальным претворением в жизнь конституционных положений о приверженности ЙР к общепризнанным

принципам и нормам международного права (ст. 5 Конституции ЙР) [1].

Эти гуманистические тенденции в стране происходят не случайно. Дети и молодежь представляют весьма значительную часть населения Йемена (около 50 %), которая в настоящее время находится в состоянии гражданской войны. В этих условиях важно сохранить жизнь и здоровье молодежи (в том числе путем установления запрета детям до 18 лет участвовать в вооруженных конфликтах, что зафиксировано в Факультативном протоколе к Конвенции ООН о правах ребенка 25.05.2000), а также определить развитие детей в гуманистическом направлении, поскольку от этого во многом зависит настоящее и будущее благосостояние общества и государства Йемена.

Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства России и Йемена в сфере преступлений против ребенка (несовершеннолетнего) позволяет отметить немало общего между законодательствами этих стран:

1) в России и Йемене малолетними считаются дети до 14 лет, а несовершеннолетним признается лицо, не достигшее 18 лет (ст. 20 ГК ЙР; ст. 87 УК РФ);

2) сходным является определение начального момента жизни ребенка, причем это положение нашло свое отражение в ст. 230 УК ЙР [2, с. 72, 102], что заслуживает внимания с точки зрения совершенствования российского уголовного законодательства;

3) сходными являются и многие виды преступлений против ребенка (несовершеннолетних), предусмотренные УК РФ и УК ЙР, а также Законом ЙР «О правах ребенка» 2002 г. Это касается преступлений:

– причиняющих или способных причинить вред жизни ребенка: ст. 234 «Умышленное убийство», ст. 233 «Убийство своего ребенка родителем» УК ЙР; ст. 105 «Убийство», п. «в» ч. 2 ст. 105 «Убийство малолетнего» УК РФ;

– в результате которых может быть причинен вред здоровью ребенка: ч. 6

ст. 155 «Жестокое обращение с ребенком» Закона № 45 2002 г. ЙР, ч. 3 ст. 249 «Истязание после похищения в отношении несовершеннолетних» УК ЙР; ст. 156 «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего», п. «г» ч. 2 ст. 117 «Истязание в отношении заведомо несовершеннолетнего» УК РФ;

– нарушающих права ребенка на материальное обеспечение и воспитание в семье: ч. 7 ст. 155 «Уклонение от уплаты средств на содержание ребенка» Закона № 45 2002 г. ЙР; ст. 157 «Неуплата средств на содержание детей» УК РФ;

– нарушающих общественную мораль и нравственность: ст. 162 «Вовлечение ребенка в употребление наркотиков или торговлю ими» Закона № 45 2002 г. ЙР; п. «а» ч. 3 ст. 230 «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в отношении несовершеннолетнего» УК РФ и др. [2, с. 103–106].

Вместе с тем особенность уголовного законодательства Йемена состоит в том, что перечень указанных преступлений выходит далеко за рамки только гл. 10 «Преступления против личности и семьи» УК ЙР, поскольку значительная группа преступлений против прав ребенка регламентирована гл. 11 Закона ЙР «О правах ребенка» 2002 г. Аналогичная тенденция прослеживается и в УК РФ, где помимо гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» УК РФ предусматривает немало составов преступлений, направленных против интересов несовершеннолетних. В развитие этого представляется вполне закономерным предложение Фадль Инкад Ахмеда об обособлении всех видов преступлений, направленных против прав ребенка, в самостоятельный раздел (главу) Особенной части УК ЙР, который охватывал бы собой не только посягательства на права ребенка, предусмотренные гл. 10 УК ЙР, но и большую группу составов преступлений против прав ребенка, регламентированных иными законами ЙР.

Этот подход частично может быть применен и в отношении гл. 20 УК РФ. Так, представляется справедливым мнение указанного автора о том, что ст. 2401 «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего», ст. 2421 «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», ст. 2422 «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов» находятся не на месте, и было бы целесообразнее включить их в гл. 20 УК РФ [2, с. 116], поскольку основным непосредственным объектом уголовно-правовой охраны этих составов являются общественные отношения, связанные с обеспечением условий нравственного развития и воспитания несовершеннолетних.

Сравнительно-правовой анализ объективных и субъективных признаков сходных составов преступлений против прав ребенка, предусмотренных уголовным законодательством ЙР и РФ, позволил зарубежным исследователям высказать предложения, направленные на совершенствование как российского уголовного законодательства, так и уголовного законодательства ЙР в данной сфере.

Так, применительно к российскому законодательству справедливо подмечено, что ст. 2284 «Незаконное производство, сбыт или пересылка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконный сбыт или пересылка растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ», ст. 2341 «Незаконный оборот потенциально опасных психоактивных веществ» УК РФ не содержат квалифицирующего признака – «в отношении несовершеннолетнего», хотя очевидно, что совершение подобных деяний в отношении несовершеннолетних представляет повышенную общественную опасность [2, с. 112–113;

138–139]. Тем более что этот квалифицирующий признак нашел свое отражение в родственных составах: ст. 2281 «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества», ст. 230 «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» УК РФ.

В то же время, опираясь на опыт российского уголовного законодательства, в целях усиления гарантий охраны жизни и здоровья несовершеннолетних высказываются разумные предложения по совершенствованию уголовного законодательства Йемена, в частности, об установлении ответственности: за доведение несовершеннолетнего или лица, находящегося в беспомощном состоянии, до самоубийства; за содействие самоубийству несовершеннолетнего; за организацию деятельности, направленной на совершение самоубийства.

Так, Фадль Инкад Ахмед с учетом традиций нормотворчества в ЙР предлагает законопроект изложить в следующей редакции:

«... наказывается лишением свободы на срок не более 5 лет тот, кто доводит несовершеннолетнего или лицо, находящееся в беспомощном состоянии, до самоубийства или до покушения на самоубийство; или содействует совершению самоубийства независимо от способа совершения преступления; или лишением свободы на срок не более 10 лет тот, кто осуществляет организационную деятельность, направленную на совершение самоубийства» [2, с. 12].

Полагаем, что доведение до самоубийства несовершеннолетних, особенно с использованием сети «Интернет», действительно стало реальной проблемой не только России, но и многих других

стран, в том числе и Йемена. В связи с этим автор, опираясь на российский законодательный опыт, справедливо предлагает ввести уголовную ответственность за указанные деяния. Однако редакция предлагаемого законопроекта вызывает у нас неоднозначное мнение.

С одной стороны, импонирует тот факт, что автор законопроекта не пошел по пути существенного ужесточения наказания за доведение несовершеннолетнего до самоубийства или покушение на него, что характерно для российского законодателя (напомню, что аналогичное деяние по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ наказывается максимально лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет). За это он (законодатель) справедливо критикуется [3, с. 209; 4, с. 205], ибо наблюдаются определенные перекосы в санкциях статей, предусматривающих ответственность за посягательство на жизнь, здоровье, половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних. В настоящее время получается, что изнасилование и насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет (п. «а» ч. 3 ст. 131; п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ) наказываются строже, чем убийство несовершеннолетнего в таком же возрасте (ч. 1 ст. 105 УК РФ), чего в принципе не должно быть.

С другой стороны, возникают вопросы относительно предлагаемой формулировки статьи, особенно касаясь «ор-

ганизации деятельности, направленной на совершение самоубийства». Впрочем, аналогичные вопросы возникают и к редакции ст. 1102 УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

В частности, непонятным представляется описание диспозиции рассматриваемого состава преступления: «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства». По сути, законодатель попытался совместить в одном составе два вида преступной деятельности: с одной стороны, пропаганда суицида, если под этим понимать деятельность по распространению информации о способах совершения самоубийства либо призывов к совершению самоубийства, с другой – организация деятельности лиц, занимающихся пропагандой суицида. В этом случае субъектом данного состава является лицо, организовавшее деятельность других лиц для их занятия пропагандой суицида. При этом сам организатор такой деятельности лично может и не заниматься пропагандой суицида.

Думается, что поставленные вопросы нуждаются в доктринальном толковании и внесении соответствующей корректировки в редакцию указанных статей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Йеменской Республики 1990 г. URL: <http://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 27.06.2019).
2. Фадль Инкад Ахмед Табет. Ответственность за преступления против прав ребенка по уголовному праву Йеменской Республики и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019.
3. Лопашенко, Н. А. Уголовно-правовая охрана жизни, здоровья, свободы, в том числе половой неприкосновенности несовершеннолетних: законодательная логика расстановки приоритетов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции. Москва: РГ-Пресс, 2018.

4. Нуркаева, Т. Н. О качестве уголовного закона через призму наказаний, предусмотренных санкциями УК РФ за преступления против личности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции. Москва: РГ-Пресс, 2018.

© Нуркаева Т. Н.

УДК 34.343.9

А. С. ХАНАХМЕДОВ, начальник Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

A. S. KHANAKHMEDOV, head of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FUNDAMENTALS OF COUNTERACTION IN CYPRESSABILITY IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Рассматриваются проблемы предупреждения киберпреступности на территории Российской Федерации. С учетом анализа официальных статистических данных о преступлениях, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, делается вывод, что абсолютное их большинство находится в латентном состоянии. В статье раскрываются основные направления предупреждения киберпреступлений и предлагаются пути совершенствования этой деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: киберпространство, киберпреступность, латентность, меры предупреждения.

Annotation. The problems of cybercrime prevention on the territory of the Russian Federation are considered. Taking into account the analysis of official statistical data on crimes committed with the use of computer and telecommunication technologies, it is concluded that the absolute majority of them is in a latent state. The article reveals the main directions of cybercrime prevention and suggests ways to improve this activity.

Keywords and phrases: cyberspace, cybercrime, latency, preventive measures.

Последовательная политика противодействия киберпреступности – одна из первостепенных задач современного российского государства. За последние годы в стране были предприняты значительные усилия, направленные на снижение уровня преступлений в киберпространстве: от формирования новой законодательной базы до выработки современных методов предупреждения исследуемых преступлений. Однако, несмотря на принятые государством меры,

киберпреступность продолжает представлять реальную угрозу не только национальной, но и международной безопасности.

Ю. М. Батулин и С. В. Полубинская справедливо отметили: «Сегодня общество находится в окрестности нулевой точки нового явления, для которого пока нет устоявшегося названия – «преступление в виртуальной среде», «виртуальное преступление», «киберпреступление» и т. п. Важно не упустить время и най-

ти способы противодействия, пока криминал не внедрился слишком глубоко в виртуальные миры» [1, с. 10].

24 июля 2013 года Президентом Российской Федерации В. В. Путиным утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года», которые определили, что главной угрозой в области международной информационной безопасности является использование информационных и коммуникационных технологий для совершения преступлений, в том числе связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ [2].

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации 2016 года отмечено, что масштабы компьютерной преступности возрастают прежде всего в кредитно-финансовой сфере, увеличивается число преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина. При этом методы, способы и средства совершения таких преступлений становятся все более и более изощренными [3].

Рост преступлений, связанных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, подтверждается и статистическими показателями о количестве зарегистрированных преступлений, совершенных в киберпространстве (см. рис. 1).

Рис. 1. Сведения о количестве зарегистрированных преступлений в Российской Федерации за 2017–2018 гг.

Из данной диаграммы видно, что за 2018 год по отношению к 2017 году увеличение зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, на фоне общего снижения преступности составило более 60 % (с 90 587 до 174 674 преступлений) [4].

Анализ отчетов Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за последние 5 лет, не позволяет опреде-

лить количество осужденных за преступления, совершенные в киберпространстве. Вместе с тем расширение масштаба киберпреступности свидетельствует о том, что абсолютное большинство исследуемых преступлений находится в латентном состоянии, а лица, совершившие киберпреступления, продолжают оставаться безнаказанными.

Все большее распространение получают преступления террористического и экстремистского характера посредством сети «Интернет», вербовка и вовлечение в совершение преступлений несовершеннолетних и лиц раннего молодежного возраста (от 18 до 24 лет).

Резонансным является террористический акт, произошедший 3 апреля 2017 года в петербургском метро на перегоне между станциями «Технологический институт» и «Сенная площадь». Правоохранительные органы установили, что подрывником-смертником был Акбарджон Джалилов в возрасте 22 лет, за-

вербованный экстремистами в 2015 году через сеть «Интернет» [5].

Как показывает практика, данный пример является неединичным. Современные методы вербовки активно распространяются на молодежь с учетом их психологического развития. По официальным данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, количество осужденных в возрасте от 14 до 24 лет по ч. 2 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет») в 2017 году составило – 60, в 2018 году – 42; по ч. 1 ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет») в 2017 году составило – 267, в 2018 году – 199 [6] (см. рис. 2).

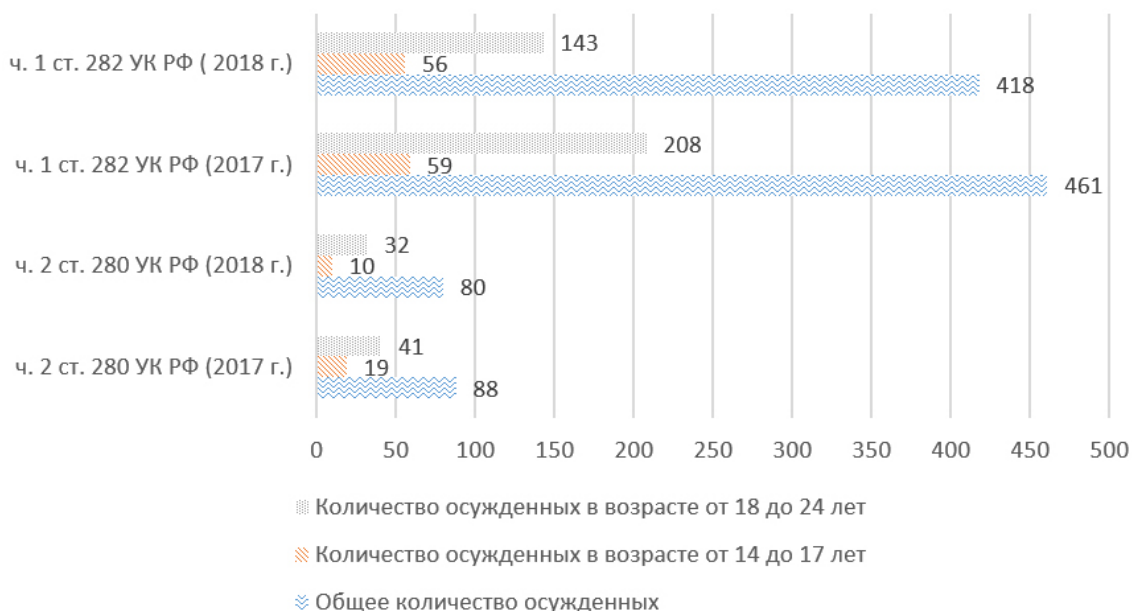

Рис. 2. Количество осужденных в Российской Федерации в 2017–2018 гг. за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, совершенные в киберпространстве

Приведем пример из материалов судебной практики. 17 августа 2018 года Октябрьским районным судом г. Кирова гражданин К. осужден по ч. 1 ст. 282 УК РФ. В судебном заседании установлено, что 21-летний К. на личной странице, в открытой для всех пользователей социальной сети «ВКонтакте» разместил изображения, содержащие лингвистические и психологические признаки возбуждения ненависти или вражды по отношению к иной социальной группе.

В настоящее время Министерством внутренних дел Российской Федерации усилен оперативный контроль за националистическими группировками с целью выявления материалов экстремистского характера и применения в установленном законом порядке мер реагирования, организован мониторинг информации, размещаемой в сети «Интернет». Одной из действенных мер является подключение НЦБ Интерпола к единому реестру доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», позволяющих идентифицировать сайты, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Не меньшую тревогу вызывают факты изготовления и оборота материалов с порнографическими изображениями молодежи в сети «Интернет». По данным Роспотребнадзора, количество таких материалов в 2018 году составило более 28 000 (АППГ – 25 200) [7].

В целях выявления лиц, распространяющих в сети «Интернет» информацию, связанную с половой неприкосновенностью несовершеннолетних, органами внутренних дел организовано взаимодействие с общественными организациями «Национальный мониторинговый центр помощи пропавшим и пострадавшим детям», «Мониторинговый центр по выявлению опасного и запрещенного законодательством контента», благотворительный фонд «Защита детей от насилия» [8].

Обеспокоенность общественности и правоохранительных органов вызывают случаи склонения и доведения до самоубийства несовершеннолетних с использованием сети «Интернет». За последние три года правоохранительными органами было выявлено свыше 10 тыс. Интернет-страниц с признаками наличия запрещенной информации, в том числе 8 098 – о суициде [9].

Несмотря на то что в уголовное законодательство Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ уже внесено ряд дополнений о привлечении к уголовной ответственности за склонение к суициду путем использования информационно-телекоммуникационных сетей (далее – ИТС), включая сеть «Интернет» (введены ст.ст. 110.1, 110.2, 151.2), тем не менее нормы об ответственности за информационные преступления в отношении молодежи нуждаются в дальнейшей проработке. Прежде всего это касается совершенствования законодательства в части его соответствия новейшим технологиям и определения круга лиц, интересы которых необходимо защищать в первоочередном порядке.

Основные направления противодействия киберпреступности нацелены на решение проблем, связанных с расширением законодательства, выработкой мер предупреждения и снижением уровня латентности преступлений, совершаемых в киберпространстве. Однако уже сегодня, в условиях вызовов и угроз XXI века, необходимо обсуждать и решать проблемы, которые ставят перед уголовной политикой новые технологии.

Внимание государства в противодействии киберпреступности должно быть сосредоточено на следующих направлениях:

- выработке новых комплексных решений по предупреждению и пресечению киберпреступлений;
- совершенствовании системы международного обмена информацией о киберугрозах;

– качественном повышении уровня подготовки российских специалистов по противодействию преступлениям, совершаемых в информационной среде;

– развитию и внедрении в деятельность правоохранительных органов новых технологий как эффективного средства контроля за преступностью.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Батурин, Ю. М., Полубинская, С. В. Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 2. С. 10–35.
2. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года, утверждены Президентом РФ 24.07.2013 № Пр-1753. Документ опубликован не был. URL: <http://www.scrf.gov.ru/> (дата обращения: 05.09.2019).
3. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собрание законодательства РФ. 12.12.2016. № 50. Ст. 7074.
4. Состояние преступности в России за 2017–2018 гг. URL: <http://mvd.ru/> (дата обращения: 05.09.2019).
5. Репортаж РБК: как «тихий мальчик» из Оша стал террористом-смертником. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/04/2017/> (дата обращения: 05.09.2019).
6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017–2018 гг. (форма № 11.1 «Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»). URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 05.09.2019).
7. О деятельности Роспотребнадзора по профилактике суицидов у несовершеннолетних. URL: <http://rosпотребнадзор.ru/> (дата обращения: 05.09.2019).
8. Годовой отчет МВД России о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2015 год. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/results/annual_reports/ (дата обращения: 05.09.2019).
9. Официальный сайт прокуратуры Республики Татарстан. Система контроля противозаконных материалов. URL: <https://icmblock.ru/> (дата обращения: 05.09.2019).

© Ханахмедов А. С.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 342.9

В. В. ГУСАК, старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

V. V. GUSAK, senior lecturer of the Chair of Special Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

**О ПРОБЛЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПОВЕРХНОСТНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ОДЕЖДЫ ЗАДЕРЖАННОГО ЛИЦА**

**ABOUT THE PROBLEM OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE EXTERNAL
EXAMINATION OF THE DETAINED PERSONS CLOTHES**

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемные вопросы законодательного регулирования поверхностного обследования одежды задержанного лица в рамках процедур, именуемых «личный досмотр» и «наружный досмотр». Проведен анализ действующих нормативных правовых актов, регулирующих производство личного и наружного досмотра, в результате которого отмечено несоответствие положений, закрепленных в приказах Министерства внутренних дел Российской Федерации, требованиям федерального законодательства. Термин «наружный досмотр» своего закрепления в законе не получил. Вместе с тем наружный досмотр, проводимый непосредственно после фактического ограничения свободы передвижения задержанного лица, достаточно часто применяется в практике органов внутренних дел. Предлагается решение обозначенной проблемы путем внесения изменений в действующее законодательство. Предложенные изменения будут способствовать усилению гарантий личной безопасности сотрудников полиции.*

***Ключевые слова и словосочетания:** полиция, задержанный, наружный досмотр, личный досмотр, личная безопасность, проблема законодательного регулирования.*

***Annotation.** The article deals with the problem of legislative regulation of external examination of clothing of the detained person as a part of procedures called «personal search» and «external search». The analysis of the current regulatory acts regulating the procedures of personal and external inspections is given as a result of which it is noted that provisions of the orders of the Russian Ministry of Internal Affairs do not comply with the requirements of the Federal Legislation. The term «external search» is not fixed in the legislation. However, an external search conducted immediately after restriction of the freedom of movement of the detainee is often used in the practice of the internal affairs bodies. It is proposed to solve them by amending current legislation. The proposed changes will enhance personal safety of the police officers.*

***Keywords and phrases:** the police, detained person, external search, personal search, personal safety, problem of legislative regulation.*

Поверхностное обследование одежды задержанного лица нередко применяется в практике правоохранительных органов в качестве меры, позволяющей обеспечить личную безопасность сотрудников, недопустить возможность причинения вреда задержанным самому себе, избе-

виться от вещественных доказательств или совершить побег во время доставления в служебное помещение. Рядовые граждане называют эту процедуру обыском, сотрудники полиции – досмотром, наружным досмотром или личным досмотром.

В законодательных актах Российской Федерации термин «наружный досмотр» не используется, в них можно лишь встретить схожие по своему значению понятия: «личный досмотр» [1–6], «личный обыск», «освидетельствование» [7], «личный осмотр» [6], «предполетный досмотр», «послеполетный досмотр» [8], «досмотр», «дополнительный досмотр», «повторный досмотр» [9].

Понятием «наружный досмотр» оперируют подзаконные нормативные правовые акты: приказы МВД России от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» [10], от 1 июля 2017 г. № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» [11], от 5 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» [12].

Проанализировав указанные выше приказы, приходим к выводу о том, что содержащиеся в них нормы о проведении наружного досмотра носят тактический характер и направлены на формирование у сотрудников органов внутренних дел профессиональных знаний, умений и навыков безопасного выполнения служебных обязанностей.

Так, в п. 266 Устава патрульно-постовой службы полиции (далее – Устав ППС) об этом свидетельствуют требования: производить наружный досмотр одежды и вещей, находящихся у задержанных, «немедленно или в более удобный момент, когда можно получить помощь от других сотрудников полиции или граждан», немедленно изымать обнаруженные оружие и другие предметы, «которые могут быть использованы для оказания сопротивления, нападения на наряд или побега».

В п. 179 «Управление силами и средствами патрульно-постовой службы по-

лиции» раздела III Устава ППС упоминается о том, что «при производстве досмотра задержанного подается команда «Руки ВВЕРХ». Собака во время обыска по команде «Охраняй» должна находиться без намордника в 2–3 метрах от задержанного». Не вызывает сомнений, что данная норма также направлена на обеспечение личной безопасности сотрудника ППС. Однако рассматриваемое положение вносит еще большую путаницу в терминах, ввиду одновременного употребления таких категорий, как «досмотр» и «обыск».

Закрепленные в п. 63 приказа МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» требования зафиксировать подконтрольное положение ассистента, обратить его лицо в противоположную от сотрудника сторону, указывают на необходимость соблюдения мер личной безопасности. О том же красноречиво свидетельствует п. 203.1 приказа МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации», положительно оценивая выполнение наружного досмотра при соблюдении следующих условий: «Сотрудник в соответствии с описанием, упреждая возможность внезапного нападения ассистента, вынудил его принять положение (позу) для осуществления наружного досмотра или сковывания специальными (подручными) средствами ограничения подвижности; существенно ограничил или лишил ассистента возможности изменить положение, сопротивляться; тщательно осуществил наружный досмотр (обнаружил и изъял макеты холодного или огнестрельного оружия) или же сковал его руки специальными (подручными) средствами ограничения подвижности, исключив возможность ассистента самостоятельно высвободиться из них».

Примечательным является тот факт, что еще в ранее действовавших приказах МВД России от 29 июля 1996 г. № 412 «Об утверждении Наставления по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел» [13] и от 18 января 1993 г. № 17 «О мерах по совершенствованию организации патрульно-постовой службы милиции», утвердивших «Устав патрульно-постовой службы милиции общественной безопасности» [14], действия, направленные на отыскание в одежде задержанного лица опасных предметов, обозначались сочетанием слов «наружный осмотр». Ни один из перечисленных выше нормативных правовых актов не дает и не давал определения личного досмотра, наружного досмотра или наружного осмотра.

Ради справедливости следует отметить, что наружный досмотр упоминается в главе «Особенности задержания и доставления в органы внутренних дел лиц, подозреваемых в совершении преступлений» раздела V Устава ППСП. Расположение нормы о досмотре в указанном выше разделе ведет к ее ограничительному толкованию и не позволяет применять данную меру к лицам, доставляемым за совершение административных правонарушений. В свою очередь, такое положение дел не дает гарантий для личной безопасности сотрудников правоохранительных органов, поскольку любое лицо, доставляемое или задержанное, например, сотрудником полиции, может оказать сопротивление либо причинить вред себе при помощи находящихся при нем предметов, которые своевременно не были обнаружены и изъяты.

Кроме того, на практике фактическое задержание граждан вместе с их наружным досмотром осуществляют не только сотрудники ППСП, но и других подразделений, что в буквальном понимании является незаконным действием, поскольку процедура наружного досмотра законодательно не закреплена, а Устав ППСП, утвержденный подзакон-

ным нормативным правовым актом, не обязателен к исполнению сотрудниками других подразделений полиции. Утративший ныне юридическую силу приказ МВД России от 18 января 1993 г. № 17 «О мерах по совершенствованию организации патрульно-постовой службы милиции» обязывал руководствоваться Уставом патрульно-постовой службы милиции общественной безопасности всех сотрудников, которые «участвуют в организации и несении патрульно-постовой службы или, находясь вне службы, принимают меры к пресечению преступлений и других правонарушений». Устав ППСП такого положения не содержит. В ходе проведенного исследования ссылок, обязывающих руководствоваться им, не найдено и в других нормативных правовых актах. Данный факт тоже не способствует обеспечению личной безопасности сотрудников органов внутренних дел.

Как отмечено выше, личный досмотр, помимо КоАП РФ и Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», упомянут в ряде законов: федеральные конституционные законы от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» и от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», федеральные законы от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Таким образом, мы имеем дело либо с отсутствием единой терминологии, когда одни и те же процедуры именуется в различных нормативных правовых актах неодинаково, либо с тем, что поверхностное обследование одежды задержанного лица – наружный досмотр – является самостоятельным правовым явлением и, следовательно, должен иметь какие-то отличия от личного досмотра. Понятие личного досмотра не регламентировано достаточно подробно даже в КоАП РФ, к которому отсылают правоприменителя п. 16 ч. 1 ст. 13, ч. 6 ст. 14 ФЗ «О по-

лиции» в части порядка осуществления данной меры принуждения.

В ст. 27.7 КоАП РФ имеется следующее определение: «Личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, то есть обследование вещей, проводимое без нарушения их конструктивной целостности, осуществляются в случае необходимости в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения. В исключительных случаях, при наличии оснований полагать, что при физическом лице находятся оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия, личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, могут быть осуществлены без понятых».

Лишь при производстве досмотра вещей, находящихся при физическом лице, законом предусмотрена замена участия понятых на применение видеозаписи. На практике в силу объективных причин не всегда возможно обеспечить участие понятых при личном досмотре, что толкает правоприменителя на всевозможные «ухищрения» и фальсификацию данных в протоколах в попытке выполнить требования законодательства. На наш взгляд, разрешение на применение в ходе личного досмотра видеозаписи при невозможности привлечь двух понятых одного пола с досматриваемым лицом будет способствовать повышению уровня соблюдения законности в ходе реализации данной меры административного принуждения.

УПК РФ и КоАП РФ рассматривают следственные действия (личный обыск, освидетельствование) и меру обеспечения производства по делу об административном правонарушении (личный досмотр) главным образом как источник получения доказательств. В связи с конституционным принципом презумпции невиновности, гласящим, в частности, что бремя доказывания вины лежит на правоохранительных органах, а все сомнения в виновности лица толкуются в

пользу последнего, процедуры личного обыска и личного досмотра носят удостоверительный характер (требуют участия понятых, протоколирования). Таким образом, при помощи участия понятых реализуется правовой институт общественного контроля за действиями сотрудников правоохранительных органов, направленный на защиту прав человека от незаконных и необоснованных действий правоприменителей.

Следует отметить, что в теории административного права личный досмотр рассматривается не только как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении, но и как мера административного предупреждения, а также в качестве меры административного пресечения. Подобная классификация носит весьма условный характер в зависимости от поставленных целей или результата, полученного при реализации той или иной меры принуждения. Многие из применяемых к лицам мер государственного принуждения имеют многоцелевую направленность. Так, например, при личном досмотре лица по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 20.13 КоАП РФ, изъятие орудия совершения административного правонарушения обеспечивает наличие доказательства, а вместе с ним – правильное и своевременное рассмотрение дела. Наряду с этим достигается другая цель – предупреждение иных правонарушений и преступлений, которые могут быть совершены этим же орудием. С применением данной меры одновременно пресекается административное правонарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ, если гражданин не имел права на ношение оружия и патронов к нему в указанном месте. Кроме того, обнаружение и изъятие оружия способствует обеспечению безопасности сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих доставку гражданина в служебное помещение.

Нельзя не согласиться с мнением О. Н. Гапонова: «В этой связи в настоящее время процедуры применения личного досмотра, досмотра вещей необходимо рассматривать не только в процессуальном аспекте, но и как составную часть административно-правовых средств, направленных на предупреждение террористической деятельности. Причем для выполнения превентивных функций реализация данной меры, ограничивающей личные права граждан, должна вестись в постоянном режиме, а не как временная реакция на определенные действия или угрозы» [15, с. 153]. Данное утверждение, по нашему мнению, вполне справедливо может быть применено не только для предупреждения террористической угрозы.

Почему же в законе до сих пор не нашли своего отражения термины «наружный досмотр» или «поверхностное обследование одежды задержанного лица»? Неужели никто из представителей законодательной, исполнительной власти или юридической науки не задумывался о вопросах личной безопасности сотрудников правоохранительных органов? Конечно, задумывались. Многие понимают, что досматривать нужно. Кроме того, эта процедура уже очень давно реализуется на практике, но она по рассмотренным выше причинам является не всегда или не совсем легитимной.

Как же обеспечить личную безопасность, не нарушая при этом правовые требования и запреты?

По данному вопросу мнения в юридической литературе разделились. Одни исследователи считают, что наружный досмотр – это самостоятельная мера принуждения, пока еще не имеющая регламентации в законодательных актах и призванная обеспечить безопасность сотрудника полиции и окружающих граждан, другие говорят о необходимости строго придерживаться закрепленной в федеральном законе терминологии и неукоснительно соблюдать требования к

процедуре личного досмотра. Соответственно, представители первой группы выступают за то, чтобы понятие, цели и правила производства наружного досмотра были отражены законодательно (В. Н. Лавров, В. В. Лавров, А. К. Дубровин, А. В. Равнюшкин), вторые – предлагают внести изменения и дополнения в действующие нормативные правовые акты, «расширив» при этом сферу применения такой меры административного принуждения, как личный досмотр (Д. В. Пивоваров, С. В. Бабин, А. В. Лубенков, А. Ю. Свириденко).

Применительно к проблеме обеспечения безопасности в ходе осуществления наружного или личного досмотра указанными авторами предлагаются следующие варианты решений:

– внести дополнения в ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», позволяющие производить наружный досмотр задержанного лица, «если есть основание полагать, что правонарушитель имеет при себе оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия, а также орудия совершения либо предметы административного правонарушения или преступления, документы, могущие иметь значение для дела, от которых задержанное лицо может избавиться или с применением которых может напасть на сотрудника при доставлении в служебное помещение полиции или к уполномоченному должностному лицу» (В. Н. Лавров, В. В. Лавров [16, с. 262]);

– включить в ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» возможность применения наружного досмотра (А. К. Дубровин [17, с. 114]);

– закрепить понятие наружного досмотра в ч. 1 ст. 24 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», озаглавив статью как «Гарантии личной безопасности сотрудника полиции», в Уставе ППСП отразить тактические особенности безопасного и эффек-

тивного проведения наружного досмотра (А. В. Равнюшкин [17, с. 114]);

– дополнить содержание ст. 27.7 КоАП РФ возможностью применять личный досмотр для обнаружения предметов, которые «могут быть использованы для побега или нападения на представителя власти» (Д. В. Пивоваров [19, с. 90]);

– к порядку личного досмотра применять правила, «позволяющие задействовать видеозапись в качестве альтернативы понятием» (О. Н. Гапонов [15, с. 157–158]).

Интересным представляется мнение А. Ю. Лубенкова и А. Ю. Свириденко, которые предлагают включить в ст. 8.6 Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь [22] следующее положение, по своей правовой природе аналогичное ст. 27.7 КоАП РФ: «В исключительных случаях при наличии достаточных оснований полагать, что при задержанном находятся оружие либо иные, пригодные для причинения вреда себе, жизни и здоровью других лиц предметы, лицом, осуществившим задержание, на месте задержания без участия понятых может быть проведен обыск верхней одежды задержанного и находящихся при нем вещей. При обнаружении оружия либо иных пригодных для причинения вреда себе, жизни и здоровью иных лиц предметов составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе об административном правонарушении или в протоколе административного задержания физического лица» [21, с. 95].

А. Ю. Лубенков и А. Ю. Свириденко приходят к выводу о необходимости по делу об административном правонарушении проводить три вида личного обыска:

1) «поверхностный» обыск верхней одежды задержанного и находящихся при нем вещей (прощупывание без нарушения конструктивной целостности);

2) «полный» обыск задержанного и находящихся при нем вещей (с нарушением их конструктивной целостности);

3) «обыск тела задержанного лица» (с осмотром естественных полостей человека) [21, с. 92–94].

К аналогичному выводу приходит и Ф. В. Безгачев, выделяя следующие виды личного досмотра:

1) внешний (поверхностный);

2) со снятием одежды;

3) внутренний (с участием специалистов-медиков, применением рентгена и других методов внутреннего обследования) [23, с. 810].

Подводя итог, резюмируем, что для устранения путаницы в терминах целесообразнее было бы закрепить за рассматриваемыми в настоящей статье поисковыми действиями общее название «обыск» и выделить его разновидности. К каждой разновидности обыска следует установить основания, условия и порядок его производства, определить круг лиц, его осуществляющих и имеющих право принимать участие в обыске. Термин «наружный досмотр», употребляемый в подзаконных нормативных актах, привести в соответствие с измененным законодательством и именовать наружным или поверхностным обыском. Правила производства поверхностного обыска закрепить в ст. 27.7 КоАП РФ, соответствующие изменения о праве сотрудника полиции осуществлять поверхностный обыск в порядке, установленном в КоАП РФ, внести в Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Исключить требование об участии при поверхностном обыске понятых. Следует разрешить производство поверхностного обыска любым сотрудником, осуществившим ограничение свободы передвижения лица (а не только уполномоченным осуществлять доставление и административное задержание), в отношении любых лиц с момента их фактического задержания сотрудниками полиции, не привязывая это к слишком

узко рассматриваемой в нынешнем законодательстве цели «обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения». Указанные изменения будут способствовать легитимности процедуры поиска в одежде

задержанных лиц предметов, при помощи которых последние смогут причинить вред самому себе, окружающим или сотрудникам полиции, оказать сопротивление или совершить побег во время доставления в служебное помещение.

ЛИТЕРАТУРА

1. О чрезвычайном положении: федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. О военном положении: федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. О Федеральной службе безопасности: федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
7. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
8. Воздушный кодекс РФ от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
9. О транспортной безопасности: федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
10. Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции (вместе с Уставом патрульно-постовой службы полиции): приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 80 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 5 мая 2018 № 275 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Об утверждении Наставления по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел: приказ МВД России от 29 июля 1996 г. № 412 // СПС «КонсультантПлюс».
14. О мерах по совершенствованию организации патрульно-постовой службы милиции: приказ МВД России от 18 января 1993 г. № 17 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Гапонов, О. Н. Личный досмотр, досмотр вещей как мера административного принуждения и средство предотвращения террористической угрозы // Юридическая наука. 2017. № 4.
16. Лавров, В. Н., Лавров, В. В. Задержание и наружный досмотр в оперативно-служебной деятельности сотрудников полиции // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: материалы 17-ой Всероссийской научно-методической конференции (г. Иркутск, 1 марта 2012 г.). Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2012.
17. Дубровин, А. К. Наружный досмотр как мера личной безопасности сотрудника полиции // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов 20-й Международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 28–29 мая 2015 г.). Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2015.
18. Равнюшкин, А. В. Наружный досмотр как мера обеспечения личной безопасности сотрудника полиции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3.

19. Пивоваров, Д. В. Личный досмотр и досмотр вещей, находящихся при физическом лице, как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемая сотрудниками полиции // Совершенствование законодательства о полиции и полицейской деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Омск, 12 ноября 2015 г.). Омск: Омская академия МВД России, 2012.

20. Бабин, С. В. К вопросу о законности применения полицией наружного досмотра // NOVAUM.RU. 2018. № 15.

21. Лубенков, А. В., Свириденко, А. Ю. Осмотр, досмотр и обыск, предусмотренные административным законодательством Республики Беларусь: теория и практика реализации // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 3.

22. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. № 194-3 // Эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь. URL: <https://www.m.etalonline.by/?type=text&Hk0600194#scrollinto#&Article=8.6> (дата обращения: 01.04.2019).

23. Безгачев, Ф. В. Проблемы применения специальной техники при досмотре, осмотре, личном обыске // Научно-практический электронный журнал «Аллея науки». 2018. № 5.

© Гусак В. В.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.63:343.614(470)

А. В. ВАРДАНЯН, *начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (Ростов-на-Дону)*

A. V. VARDANYAN, *head of the Chair of Criminalistics and Operational-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (Rostov-on-Don)*

**ФИКТИВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЕ КРИМИНАЛЬНЫЕ
СРЕДСТВА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ:
ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

**FICTITIOUS ORGANIZATIONS AS A SPECIFIC CRIMINAL MEASURE FOR
COMMITTING CRIMES IN THE ECONOMIC SPHERE:
LEGAL AND FORENSIC ASPECTS**

Аннотация. Автор исследует актуальные вопросы борьбы с таким получившим повсеместное распространение негативным явлением в отечественной экономике, как создание фиктивных организаций. Данные деяния обладают высокой общественной опасностью не только сами по себе, сколько тем, что в условиях современных реалий экономической преступности они представляют собой специфические порталы в теневую экономику и организованную преступность. Это побудило автора выразить рекомендации касательно повышения результативности установления обстоятельств, связанных непосредственно с незаконным образованием юридических

лиц, а также роли данных фикций в структуре всей противоправной деятельности, объединенной общим преступным умыслом.

Ключевые слова и словосочетания: экономика, организация, юридические лица, фиктивные организации, незаконное образование юридических лиц, подставные лица, номиналы, преступность.

Annotation. The author investigates topical issues of struggle with such widespread negative phenomenon in the domestic economy as the creation of fictitious organizations. These acts have a high social danger not so much by themselves as by the fact that in the conditions of modern realities of economic crime they represent specific portals to the shadow economy and organized crime. This prompted the author to make recommendations on improving the effectiveness of the establishment of circumstances directly related to the illegal formation of legal entities, and the role of these fictions in the structure of all illegal activities, United by a common criminal intent.

Keywords and phrases: Economics, organization, legal entity, a fictitious organization, illegal education legal entities, surrogates, values, crime.

Стимулирование свободных рыночных отношений в процессе проведения глобальных реформ по обновлению российской экономики, наряду с комплексом позитивных тенденций, повлекло ряд ранее неизвестных государству и обществу деструктивных явлений [1, с. 45–49; 2, с. 97–104; 3; 4, с. 26–34; 5, с. 230–233; 6, с. 60–65; 7, с. 38–40; 8, с. 89–95; 9, с. 34–39]. Среди указанного негативного наследия последствий смены общественно-экономической формации особое место занимает повсеместное распространение фиктивных организаций [10, с. 130–134] на фоне заметно возросшего количества официально зарегистрированных юридических лиц [11, с. 3–7; 12, с. 9–15; 13, с. 61–66], независимо осуществлявших предпринимательскую и иную разрешенную законодательством деятельность в соответствии с Уставом и иными учредительными документами.

Примечательно, что, несмотря на то что первое упоминание в отечественной литературе о фиктивных организациях, а также их роли в экономических отношениях принадлежит бессмертному произведению советской сатиры, а именно роману И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», реалиям советской правоприменительной практики не были свойственны подобные явления теневой экономики. Отсутствовали и уголовно-правовые предпосылки борьбы с

таким видом преступности, что вполне закономерно коррелировало с административно-командной моделью отношений между хозяйствующими субъектами времен советского периода. Поэтому массовое возникновение фиктивных организаций, совпавшее с ранним постсоветским периодом нашего общества как своеобразная реакция «беловоротничковой» преступности на провозглашенную свободу экономической деятельности, обнажило ряд проблем теоретического и практического характера, к которым оказались не готовы правоохранительные органы.

Прогрессирование данного явления в постсоветский период побудило государство разрабатывать соответствующие меры уголовно-правового воздействия. Опыт криминализации лжепредпринимательства в первоначальной редакции Уголовного кодекса РФ 1996 г. показал неудачность конструкции данной нормы, по сути предусматривающей двойное вменение за единое деяние, а также обусловил проблемы в формировании доказательственной базы по делам о данной категории преступлений. Декриминализация лжепредпринимательства Федеральным законом РФ от 07.04.2010 № 60-ФЗ вовсе не означала победы над указанным явлением, а потребовала поиска новых и более результативных путей борьбы с ним.

Практически спустя полуторогодовалый период Федеральным законом РФ от 07.12.2011 № 419-ФЗ были введены новые уголовно-правовые нормы: ст. 173.1 УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица» и ст. 173.2 УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица», чем ознаменовался качественно иной подход к борьбе с отмеченной проблемой. Законодатель связывает незаконность образования юридических лиц не столько с самим по себе фиктивно-декларативным имиджем таких организаций, которые изначально, по замыслу субъектов преступления, не предназначены для осуществления предпринимательской или иной разрешенной законом деятельности, сколько с участием в этом процессе номинальных руководителей.

Но и очередной виток криминализации деяний, связанных с созданием фиктивных организаций, не решил всех проблем в сфере борьбы с обозначенной побочной тенденцией, а оставил открытыми ряд вопросов. Первоначальная редакция ст. 173.1 УК РФ предусматривала уголовную ответственность, собственно, за образование юридического лица через подставных лиц; квалифицирующие признаки охватывали те же действия, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору. Вместе с тем осталась неясной роль номиналов в создании фиктивных организаций, а также связь их участия в образовании юридических лиц с наступлением общественно опасного и противоправного деяния. Примечание к данной норме (в первоначальной редакции) понимало под подставными лицами лиц, позиционируемых как учредителей (участников) или органов управления юридического лица, введение в заблуждение которых актуализировало возможность создания юридического лица.

Разумеется, незаконное создание юридических лиц (в особенности так называемых «фирм-однодневок») действительно нередко сопровождается введением в заблуждение фиктивных руководителей. Однако конструкция данного состава не давала однозначного ответа относительно:

– содержания введения в заблуждение номиналов со стороны теневых руководителей или иных заинтересованных лиц: реальность руководства (будущего руководства) организацией либо временное решение формально-кадрового характера; иной повод, якобы требующий предоставления документов; заведомо ложное разъяснение об отсутствии противоправности действий потенциального номинала;

– роли подставного лица в государственной регистрации данной организации;

– наличия состава данного деяния в случаях так называемого «пассивного введения в заблуждение» и т. д.

Введение в заблуждение, согласно буквальному пониманию данного словосочетания, предполагает дезинформацию, то есть сообщение потенциальному номиналу сведений, касающихся его трудоустройства и круга служебных обязанностей, не соответствующих действительности. Однако также встречаются ситуации, когда потенциальному номиналу под благовидным предлогом предлагают предоставить необходимые документы, удостоверяющие личность, а также поставить подпись в различных документах (а то и в бланках документов), не разъясняя их сущности, значения и содержания, злоупотребляя доверием этого лица либо используя фактор его недостаточной правовой компетентности.

Предполагается, что в случаях, если потенциальный номинал сознательно предоставляет заинтересованным лицам документы, удостоверяющие личность, понимая фактический смысл своих дей-

ствий, руководствуясь корыстной или иной заинтересованностью, то такие действия подпадают под характеристику ст. 173.2 УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица». Однако сложности в доказывании состава названного деяния проявлялись в необходимости установления факта осознанного предоставления номиналом документа, удостоверяющего личность, либо выдачи соответствующей доверенности не только для образования юридического лица, но и в целях совершения одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иными материальными ценностями. Зачастую такая конечная цель, как опосредованная причастность (путем предоставления документов, позволивших зарегистрировать юридическое лицо) к совершению преступлений экономической направленности в виде незаконных финансовых операций, изначально не охватывается умыслом номинала. Более того, такие лица нередко остаются вне ведения относительно характера, содержания, финансовых результатов функционирования юридических лиц, в которых они фиктивно заявлены в качестве руководителей.

Поэтому указанные конструкции ст.ст. 173.1, 173.2 УК РФ потребовали дальнейшей работы по их модернизации, что воплотилось в принятии Федерального закона от 30.03.2015 № 67-ФЗ, регламентировавшего действующую редакцию данных норм.

Обновленные редакции названных уголовно-правовых императивов, сохраняя дальнейшую идею об общественной опасности и противоправности образования юридических лиц именно через подставных лиц и/или принадлежащих им личных документов (а не самого по себе фиктивно-декларативного характера данных юридических лиц), акцентируют внимание на государственной

регистрации в едином государственном реестре юридических лиц сведений о подставных лицах.

Представляется, что данное уточнение вполне закономерно, поскольку именно с момента государственной регистрации сведений об учредителях (участниках) либо органах управления юридического лица указанные противоправные действия считаются не только завершенными, но и приобретают публичный характер.

Не менее существенной новеллой является более расширенное понимание подставных лиц, изложенное в примечании к ст. 173.1 УК РФ. Помимо распространения своего действия на обе анализируемые нормы указанная дефиниция предусматривает не только факт введения в заблуждение номиналов, но и оставление их вне ведения об их юридической роли в образовании (создании, реорганизации) организаций.

Действительно, номинальные руководители являются одним из существенных признаков, указывающих на фиктивный характер деятельности самого формально возглавляемого ими юридического лица. Однако этот признак вовсе не образует прямую, однозначную коррелятивную зависимость с фиктивным, тем более криминогенным характером функционирования самого юридического лица.

Следует констатировать, что материалы следственно-судебной практики подтверждают, что, наряду с номинальными руководителями классических «фирм-однодневок», под действия данной нормы подпадают субъекты, фиктивно задекларированные как лица, выполняющие управленческие функции в организации, в действительности осуществляющей производственную, финансово-хозяйственную или иную деятельность в соответствии с учредительными документами. Однако при этом фактическое руководство организацией осуществляется иными лицами (теневи-

ми руководителями), которые по той или иной причине (неполное соответствие каким-либо демографическим, образовательным, квалификационным, обще-социальным или иным критериям: от отсутствия необходимого высшего профессионального образования либо неподтверждения профессиональной квалификации, наличия судимости до службы в государственных органах) не могут быть официально оформлены. Решение проблемы невозможности либо нежелательности официального юридического оформления заинтересованные лица видят в формально-декларативном руководстве этими организациями подставных лиц.

Тем не менее, с точки зрения нынешнего уголовного законодательства, такие действия также подпадают под уголовную ответственность, поскольку они способствуют дезорганизации нормальной организации учета и функционирования юридических лиц, реализации установленной законом ответственности за действия юридических лиц как самостоятельных хозяйствующих субъектов в структуре гражданского общества.

Вопреки прогнозам ученых и практиков, уголовно-правовые нормы, криминализирующие уголовную ответственность за деяния, связанные с незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридических лиц, не оказались бездействующими либо применяющимися только по совокупности с иными деяниями экономической направленности. Следственно-судебная практика свидетельствует о вменении данных норм как по совокупности с более опасными деяниями (преимущественно экономической направленности), так и самостоятельно.

В то же время, безусловно, сами по себе действия по незаконному созданию юридических лиц не являются «вещью в себе», а преследуют достижение гораздо более существенных (к сожалению, в подавляющем большинстве случаев – в

негативном ключе) целей: от нарушения налогового, таможенного или иного законодательства и хищений (путем мошенничества) до финансирования деятельности транснациональных экстремистских сообществ [14, с. 37–44]. Соответственно, является совершенно верным представление о том, что фиктивные организации выступают своеобразными порталами в теневую экономику, обеспечивая вывод из законного оборота капитала, недвижимости и иных ценностей, а также подпитывая организованную преступность и коррупцию.

Поэтому даже сами по себе факты выявления организаций, зарегистрированных на имя подставных лиц и имеющих признаки фиктивности своей деятельности, выступают тревожными «звоночками», на которые, к сожалению, не всегда осуществляется своевременное и тщательное реагирование.

Так, материалы некоторых уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 173.1, 173.2 УК РФ, свидетельствуют о том, что далеко не всегда проводится тщательная работа по выявлению ценной доказательственной информации, касающейся установления причастности к данным деяниям теневых руководителей, а также связи данной фиктивной организации с организованной и серийной теневой экономической деятельностью. Допрашиваемые в качестве подозреваемых или обвиняемых номиналы, в том числе признавая себя виновными и соглашаясь с обвинением, сообщали, что приняли данное предложение от ранее неизвестных лиц, испытывая финансовые трудности. При этом дача ими подобных показаний сопровождается минимумом информации относительно реальных (теневых) руководителей организации, будь они организаторами либо заказчиками создания фирмы-однодневки. Явно формальный характер носят также иные действия, направленные на установление всего масштаба преступной деятельности. Недостаточно тщательно осущест-

вляется исследование образа жизни и социально значимых связей номиналов, включая взаимоотношения с лицами, причастными к теневой экономической деятельности (в рамках следственных и оперативно-разыскных действий, в том числе направленных на получение и исследование информации, касающейся частной жизни, личной и семейной тайны, контактов с другими лицами, которые осуществляются с помощью средств связи и т. д.).

Таким образом, при установлении, согласно исходным данным, факта создания и существования фиктивных организаций посредством подставных лиц в большинстве случаев необходимо в числе выдвигаемых общих версий рассматривать версию о вовлеченности (интегрированности) данного фиктивного образования в организованную теневую экономическую деятельность, а в числе частных версий – версии о противоправной специализации данного криминального образования, структурным элементом которого выступает выявленная организация-фикция, и о причастности к данной деятельности конкретных лиц.

Привлечение номинальных руководителей и иных лиц (прежде всего осуществляющих эпизодические роли в организованной преступной деятельности, а также других субъектов по психологи-

ческим качествам либо иным причинам, более склонным к компромиссному поведению) к уголовной ответственности по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 173.1, 173.2 УК РФ, целесообразно сочетать с заключением с ними досудебного соглашения о сотрудничестве, устанавливающего для них взаимовыгодные условия для всестороннего содействия раскрытию и расследованию преступлений. Безусловно, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве может послужить ценным ресурсом для установления всей преступной цепочки, в том числе характеризующейся организованностью и систематичностью преступных действий по теневому перераспределению недвижимости, финансовых капиталов, иных товарно-материальных ценностей.

В этой связи следует выразить рекомендацию о более продуктивном использовании потенциала досудебного соглашения о сотрудничестве (как разработанного на базе одноименного уголовно-процессуального института комплекса криминалистических рекомендаций [15]) применительно к расследованию преступлений экономической направленности, элементом, инструментом и необходимым этапом которых выступает создание фиктивных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазова, О. В., Варданян, Г. А. Преступления в сфере производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств: социально-правовой и криминалистический аспекты // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 1 (68). С. 45–49.
2. Варданян, Г. А. Криминалистически значимые особенности организованных групп, осуществляющих серийное производство и оборот фальсифицированных лекарственных средств, как информационный ориентир для организации раскрытия и расследования указанных преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 97–104.
3. Варданян, А. А. Особенности расследования преступлений, связанных с торговлей людьми: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2012. 208 с.

4. Головин, А. Ю. Задачи криминалистики в сфере защиты предпринимателей от незаконного уголовного преследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 26–34.
5. Аминев, Ф. Г. Проблемы использования специальных знаний в защите прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 1. С. 230–233.
6. Аминев, Ф. Г. Об особенностях проведения отдельных следственных действий при расследовании преступлений, связанных с приобретением, хранением, перевозкой, переработкой в целях сбыта или сбытом заведомо незаконно заготовленной древесины (ст. 191.1 УК РФ) // Юристъ-Правоведь. 2018. № 2 (85). С. 60–65.
7. Кулешов, Р. В. Психолого-криминалистические особенности субъектов преступлений экстремистской и террористической направленности как объект научного изучения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 1 (64). С. 38–40.
8. Еремин, С. Г., Домовец, С. С. Способы совершения преступлений в сфере дистанционно-банковского обслуживания и следы-признаки их образования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 2 (45). С. 89–95.
9. Коновалов, С. И., Крачун, Ю. В. Общие положения криминалистической характеристики легализации денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 3-2. С. 34–39.
10. Малянова, К. П. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица. Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица // Юристъ-Правоведь. 2016. № 3 (76). С. 130–134.
11. Айвазова, О. В. Юридические лица как объект криминалистического исследования // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2018. С. 3–7.
12. Айвазова, О. В. Криминалистические аспекты изучения юридических лиц как адекватное реагирование на современные тенденции преступности служебно-экономической направленности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4 (83). С. 9–15.
13. Коновалов, С. И., Никулин, А. Ю. Юридическое лицо как субъект уголовно-процессуальных правоотношений: дискуссионные вопросы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 61–66.
14. Бертовский, Л. В., Образцов, В. А. Выявление и расследование экономических преступлений. Москва: Изд-во «Экзамен», 2003.
15. Грибунов, О. П., Степанова, В. Г. Особенности уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: учебное пособие. Иркутск, 2018. 80 с.

© Варданян А. В.

УДК 343.140.02:343.359(470)

А. А. ГОВОРОВ, адъюнкт Ростовского юридического института МВД России (Ростов-на-Дону)

A. A. GOVOROV, adjunct of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Rostov-on-Don)

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕЦЕЛЕВЫМ РАСХОДОВАНИЕМ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ И СРЕДСТВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ, КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР РАССЛЕДОВАНИЯ

THE SUBJECT OF EVIDENCE IN CASES ON CRIMES ASSOCIATED WITH UNAUTHORIZED EXPENDITURE OF BUDGETARY FUNDS AND STATE EXTRABUDGETARY FUNDS, AS ORGANIZATIONAL AND TACTICAL GUIDE INVESTIGATION

Аннотация. Автор признает особенности предмета доказывания по делам о преступлениях, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, в качестве одного из самостоятельных элементов одноименной частной криминалистической методики расследования, которая на современном этапе продолжает находиться в состоянии формирования. Обосновав свою позицию по существу общих положений названного элемента частной криминалистической методики, автор обратился к исследованию вопросов установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делам об обозначенной категории преступлений, которые характеризуются отсутствием единообразия в понимании учеными и практиками. Это позволило автору выразить рекомендации по нейтрализации проблем, возникающих в связи с разрешением задач, поставленных перед следователями требованиями ст. 73 УПК РФ.

Ключевые слова и словосочетания: бюджетные средства, нецелевое расходование, использование, должностное лицо, доказывание, установление, предмет доказывания обстоятельства, субъект, преступление.

Annotation. The author recognizes the features of the subject of proof in cases of crimes related to misuse of budgetary funds and funds of state extra-budgetary funds as one of the independent elements of the private forensic investigation technique of the same name, which at the present stage continues to be in the state of formation. Having substantiated his position on the essence of the General provisions of the named element of private forensic techniques, the author then turned to the study of the establishment of the circumstances included in the subject of proof in cases of the designated category of crimes, which are characterized by a lack of uniformity in the understanding of scientists and practitioners. This allowed the author to Express recommendations for neutralization of the problems arising in connection with the resolution of the tasks set in front of the investigators the requirements of article 73 of the criminal procedure code of the Russian Federation.

Keywords and phrases: budget funds, non-targeted expenditure, use, official, proof, establishment, the subject of proof of the circumstances, the subject, the crime.

Современные представления о структуре и содержании частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений в каче-

стве самостоятельного элемента предусматривают особенности предмета доказывания при расследовании соответствующей группы преступлений,

которые также в криминалистической литературе могут именоваться синонимично: совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию; особенности перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию; предмет установления по уголовному делу; особенности перечня обстоятельств, подлежащих установлению (применительно к рассматриваемой группе деяний) и т. п. [1, с. 38–42; 2, с. 47–53; 3, с. 23–35; 4, с. 53–55; 5, с. 60–62; 6, с. 37–39]. Не вступая в дискуссию относительно предпочтительности употребления того или иного варианта наименования данного элемента частных криминалистических методик, поскольку каждый из них, воплощая авторскую научную позицию, тем не менее отображает собой определенное множество сведений, которые необходимо выяснить процессуальным путем в рамках предварительного расследования по уголовному делу, поясним свою позицию по некоторым общим вопросам разработки данного термина, а также по прикладным вопросам его реализации применительно к рассматриваемой частной криминалистической методике.

В литературе встречаются точки зрения, считающие более удачным в рамках разработки частных криминалистических методик указание на то, что названные обстоятельства подлежат установлению (а не доказыванию), чем, как представляется сторонникам такой позиции, подчеркивается, во-первых, криминалистический, а не уголовно-процессуальный аспект исследования; во-вторых, расширенный перечень таких обстоятельств, не только адаптированный для расследования определенной группы преступлений, но и включающий, наряду с обстоятельствами, непосредственно нуждающимися в доказывании (исходя из ст. 73 УПК РФ), различные факторы промежуточного характера. Установление этих фактов хотя и не усматривается непосредственно из обозначенных положений процессуального законодатель-

ства, но тем не менее выступает необходимым этапом, средством для этого.

Не критикуя такой подход, отметим, что в любом случае система доказательств по уголовным делам и их источников достаточно четко определена в ст. 74 УПК РФ. Поэтому, несмотря на то, идет ли речь об установлении факта, непосредственно предусмотренного общим предметом доказывания (ст. 73 УПК РФ, например, каким способом совершено преступление, либо установление смежного и взаимосвязанного факта, например, какие действия совершались на подготовительном этапе либо в процессе сокрытия преступления), установление этих данных осуществляется процессуальным путем, т. е. посредством производства следственных действий. В результате производства следственных действий, как известно, формируются доказательства, которые также по своим разновидностям могут быть первоначальными и производными; прямыми и косвенными и т. д. Иными словами, взаимосвязанные с преступлением факты, не входящие непосредственно в предмет доказывания, предусмотренный в ст. 73 УПК РФ, по сути, могут являться косвенными доказательствами. Следовательно, вопрос о выборе наиболее точного термина «обстоятельства, подлежащие доказыванию» или «обстоятельства, подлежащие установлению» носит достаточно условный характер. Мы считаем целесообразным все же следовать уголовно-процессуальному закону, употребляющему в данном случае термин «доказывание», чем подчеркивается специфика деятельности по формированию доказательственной базы по уголовному делу.

Как известно, содержательно предмет доказывания (установления) при расследовании преступлений определенной категории представляет собой интеграцию положений ст. 73 УПК РФ, устанавливающей универсальный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по

любому уголовному делу, и соответствующей статьи (статей) Особенной части УК РФ. Мы солидаризируемся с исследователями, рассматривающими данную теоретическую конструкцию в качестве самостоятельного элемента частной криминалистической методики, не исключаяющего и не подменяющего собой криминалистическую характеристику преступлений [7, с. 55–59].

Предмет доказывания по делам об определенной группе преступлений и криминалистическая характеристика этих же деяний структурно рассматривают ряд аналогичных элементов: способ преступления, время и место совершения преступления, личность лица, совершившего деяние, его цели и мотивы, предмет преступного посягательства. Однако не все структурные элементы указанных теоретических конструкций совпадают, также они рассматриваются с точки зрения совершенно различных ракурсов, predetermined сущностью и задачами указанных криминалистических категорий. Так, например, в рамках перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, в отличие от криминалистической характеристики преступлений, не рассматриваются обстоятельства, исключющие преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание, и т. д. Однако такие обстоятельства нередко носят типичный характер для соответствующей группы деяний, поэтому их рассмотрение в рамках криминалистического перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, является актуальным. В свою очередь, не все элементы, рассматриваемые в рамках криминалистической характеристики преступлений, раскрываются и с точки зрения обстоятельств, подлежащих доказыванию, что заметно на примере типичных следов совершения преступления.

Кроме того, традиционно системный характер криминалистической характеристики преступлений predetermined

наличием выявленных коррелятивных взаимосвязей ее элементов, причем на уровне закономерностей [8, с. 153–157; 9, с. 13–16; 10, с. 9–17]. Выявление данных закономерностей возможно в результате тщательного обобщения эмпирических источников, прежде всего материалов уголовных дел, процессуальные документы которых содержат соответствующую репрезентативную информацию. Поэтому не случайно в литературе криминалистическая характеристика преступлений нередко именуется ретроспективной криминалистической моделью преступления, отображающей результат изучения достаточного количества эмпирических источников относительно типичных обстоятельств и условий совершения определенных преступных деяний. Содержательно криминалистической характеристикой преступления охватываются типичные обстоятельства данного деяния: типичные способы, а также средства их совершения, типичные условия места и времени, предмета преступного посягательства и т. д.

Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, в рамках расследования конкретного уголовного дела выступает специфическим ориентиром по организации и планированию расследования, выдвижению и проверке следственных версий, проведению отдельных следственных действий, но не на основе выявленных типичных закономерностей (типичных способов совершения преступления, типичных качеств лиц, склонных к совершению данных деяний и пр.), а на основе конкретных исходных данных, имеющихся именно по данному уголовному делу, которые могут быть как типичными, так и атипичными. Поэтому перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, хотя и служит средством познания преступления как социального явления, имевшего место в прошлом, тем не менее он представляет собой совокупность задач, которые требуется непосредственно решить по конкретному

уголовному делу в ходе его предварительного расследования и судебного рассмотрения.

Напомним, что в соответствии со ст. 73 УПК РФ универсальный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, включает следующие элементы: событие преступления (время, место, способ и другие значимые обстоятельства); виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, обуславливающие возможность освобождения от уголовной ответственности и наказания; обстоятельства, подтверждающие наличие оснований для конфискации имущества; обстоятельства, способствующие совершению преступления.

В криминалистической литературе ранее проводились исследования, посвященные разработке предмета доказывания при расследовании преступлений названной категории [11, с. 52–55; 12, с. 147–157]. Вместе с тем анализ эмпирических данных в виде уголовных дел по обвинению в нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов свидетельствует о том, что доказательственная база нередко страдает различными пробелами и недочетами, что актуализирует значимость рассмотрения типичного предмета доказывания по уголовным делам. Поэтому, не претендуя в рамках данной публикации на разработку полного и расширенного перечня данных обстоятельств, обратим внимание на ряд проблемных вопросов правоприменительной деятельности в данной сфере, связанных с доказыванием типичных аспектов нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов.

Итак, способы совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 285.1, 285.2 УК РФ, так или иначе связаны с расходованием бюджетных средств либо средств государственных внебюджетных фондов на цели, не соответствующие условиям их получения, которые определены официальными документами (утвержденным бюджетом, бюджетной росписью, сметой доходов и расходов и другими документами). Это проявляется, например, в приобретении различных активов, финансировании капитального ремонта, выплате работникам организации непредусмотренных вознаграждений, превышении норм, установленных руководящими документами при осуществлении деятельности, предусмотренной бюджетной документацией, финансировании одних статей расходов за счет других и т. д. Однако инструментальной составляющей данных способов в любом случае является оформление и подписание конкретных подлежащих установлению и исследованию документов, содержание которых противоречит существующим нормативам и стандартам.

Безусловно, для расследования преступлений важное значение имеет точное установление способов осуществления преступной деятельности, взаимосвязанное с определенными пространственно-временными условиями. Причем установление времени совершения преступления важно в аспекте как момента подписания финансовых документов, дачи подчиненным сотрудникам соответствующих указаний, противоречащих бюджетной политике, непосредственного перечисления (выплаты) денежных средств, периода осуществления противоправной деятельности (если нецелевое расходование имело сложный завуалированный характер, совершалось неоднократно и/или по совокупности с иными деяниями, например, со злоупотреблением полномочиями), так и периода, прошедшего с момента совершения данного деяния, что важно для определения

возможности прекращения уголовного преследования (уголовного дела) в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности, освобождением от уголовной ответственности по амнистии. Поэтому установление временного периода совершения данных деяний может находиться во взаимосвязи с установлением наличия или отсутствия обстоятельств, позволяющих принять решение о прекращении уголовного преследования (уголовного дела) в соответствии с предусмотренными сроками давности. Поскольку неквалифицированные составы ст.ст. 285.1, 285.2 УК РФ относятся к разновидности преступлений небольшой тяжести, установление указанного обстоятельства является весьма актуальным.

Местом совершения данных деяний в большинстве случаев является служебный кабинет подозреваемого, обвиняемого – должностного лица, незаконно подписавшего соответствующие финансовые документы. В то же время не следует механически отождествлять (без непосредственного исследования конкретных обстоятельств преступления) служебное помещение, находящееся в ведении должностного лица – субъекта преступления, с местом совершения им преступления, поскольку составление и подписание данных документов, как показывает практика, может происходить и в иных пространственных условиях, тем более с учетом современных технических возможностей дистанционной связи. Иначе налицо пробел в доказывании одного из существенных обстоятельств преступления.

Наибольший резонанс в плане состоятельности сторон обвинения и защиты как принципа уголовного судопроизводства вызывают вопросы доказывания виновности должностного лица, распорядившегося о нецелевом расходовании бюджетных средств или средств государственных внебюджетных фондов. Дело в том, что установление лица, приняв-

шего данное решение (в плане выяснения его персональных и служебных данных, а также идентификации), зачастую не представляет серьезных проблем. Служебный статус и перечень полномочий такого лица не только известны коллегам, сослуживцам, курирующим и контролирующим организациям, но и подтверждается соответствующими кадровыми и иными документами, что характерно в целом для должностных преступлений [13, с. 72–77].

Зачастую и сам подозреваемый, обвиняемый не отрицают факта принятия ими решения о расходовании бюджетных средств или средств государственных внебюджетных фондов на цели, изначально не предусмотренные бюджетной документацией, но настаивают на отсутствии у них намерений (умысла) на нарушение бюджетного законодательства, тем более на причинение вреда, объясняя свои действия остро возникшей служебной необходимостью, внезапным возникновением проблем, требующих безотлагательного решения, действиями, исходя из социально значимых побуждений. Например, Х., будучи главным врачом больницы, принял решение о проведении ремонта родильного отделения за счет средств территориального фонда обязательного медицинского страхования (относящегося к средствам государственных внебюджетных фондов), которые не были предназначены для проведения капитального ремонта [14]. Не признавая себя виновным, Х., во-первых, приводил доводы о необходимости проведения ремонта родильного отделения, во-вторых, ссылаясь на устное разрешение Минздрава Республики Дагестан о проведении ремонта, которое он понял как руководство к действию.

Отечественное уголовное законодательство предусматривает виновность как обязательный принцип преступных деяний, конструкция которых предусматривает формальный состав, может проявляться только в форме прямого умысла,

доказывание которого является обязанностью стороны обвинения. Понимание этого фактора защитниками подозреваемых, обвиняемых, а также самими подсудимыми, обладающими достаточно высоким уровнем общей и правовой грамотности, стимулирует распространность их позиции по отрицанию прямого умысла именно на нецелевое расходование бюджетных средств или средств государственных внебюджетных фондов, обусловленность их действий ситуациями, близкими к крайней необходимости и т. д. Разумеется, данные доводы подозреваемого, обвиняемого подлежат принятию с целью проверки и оценки, по результатам которой на основе собранных доказательств возможно их принятие либо аргументированное опровержение.

В отличие от формы вины, которая может быть только в виде прямого умысла, мотивы действий должностных лиц по нецелевому расходованию бюджетных средств или средств государственных внебюджетных фондов не влияют на квалификацию. Тем не менее их установление является обязательным, поскольку они входят в содержание универсального предмета доказывания, а также могут повлиять на назначение наказания. Проведенный анализ эмпирических источников показал, что далеко не всегда виновные действуют исходя из корыстной заинтересованности (что, вероятно, обусловлено наличием пробелов в доказательственной базе по конкретным делам). Наличие корыстной заинтересованности нередко обуславливает совершение нецелевого расходования бюджетных средств и/или средств государственных внебюджетных фондов в совокупности с иными деяниями (например, злоупотреблениями должностными полномочиями). Более распространены в действиях субъектов преступления ложно понятые интересы службы, когда принятие решения о выделении денежных средств на цели, не предусмотренные для этого, продиктовано все же желанием решить

какие-либо служебные проблемы, пусть и в нарушение действующего законодательства.

Разумеется, представляется важным точное установление размера вреда, причиненного в результате данного произвольного перераспределения бюджетных средств или средств государственных внебюджетных фондов, поскольку законодатель предусматривает наступление уголовной ответственности, а также ее дифференциацию в зависимости от того, совершено ли деяние в крупном или особо крупном размере. Напомним, что крупным размером в целях привлечения к ответственности за указанные деяния признается сумма, превышающая один миллион пятьсот тысяч рублей, а особо крупным – семь миллионов пятьсот тысяч рублей. Подозреваемые, обвиняемые, занимающие позицию, направленную на активную защиту от уголовного преследования, нередко приводят доводы того, что потраченные ими денежные средства не превышают указанные пределы, что исключает их привлечение к уголовной ответственности, в том числе инициируя в этих целях обращение к специалистам. Учитывая данный фактор, необходимо своевременное назначение и проведение комплекса соответствующих судебных экспертиз, исчерпывающе поясняющих размер неправомерно потраченных денежных средств, конкретные цели (объекты расходования) и виды проведенных работ или оказанных услуг, а также степень соответствия (несоответствия) этих аспектов бюджетной документации. Дело в том, что, настаивая на невиновности, подозреваемые и обвиняемые иногда ложно заявляют о проведении таких видов работ, которые не противоречат бюджетным документам: например, пытаюсь выдать капитальный ремонт за текущий ремонт, строительство нового здания, предназначенного для отдыха – за реконструкцию существующего здания и т. д. Поэтому, наряду с экспертизами экономического содержания, в ряде случаев тре-

буется назначение иных экспертиз, исходя из конкретных обстоятельств деяний (так, в приведенных примерах актуализируется потребность в назначении строительно-технических экспертиз и т. д.).

Таким образом, несмотря на то, что современный уголовно-процессуальный закон отказался от прямого регулирования принципа всесторонности, полноты и объективности расследования по уголовному делу, потребность в достоверном установлении всех существенных для расследования обстоятельств преступления нельзя признать исчерпанной. Во многом она восполняется посредством

обращения к универсальному предмету доказывания, научная интерпретация которого в аспекте самостоятельного элемента частных криминалистических методик придает ему роль организационно-тактического ориентира, выступающего средством формирования добротной доказательственной базы по уголовным делам. Это весьма актуально для расследования уголовных дел обозначенной категории, характеризующихся конфликтным характером следственных ситуаций и зачастую неопределенной судебной перспективой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурданова, В. С. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, как важнейший элемент частных криминалистических методик // Вестник криминалистики. 2001. Выпуск 2. С. 38–42.
2. Павлин, Д. С. Соотношение обстоятельств, подлежащих доказыванию и установлению // Право. Законодательство. Личность. 2011. № 1 (11). С. 47–53.
3. Варданян, А. В., Грибунов, О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 23–35.
4. Варданян, А. В., Иванов, М. Е. Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, как элемент криминалистической методики расследования указанных деяний // Юрист-Правоведь. 2014. № 6 (67). С. 53–55.
5. Варданян, А. В. Формирование перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании злоупотреблений полномочиями в коммерческих и иных организациях: гносеологический и криминалистический аспекты // Юрист-Правоведь. 2013. № 3 (58). С. 60–62.
6. Варданян, А. В. Обстоятельства, подлежащие установлению по делам о преступлениях в сфере земельных правоотношений, как элемент частной криминалистической методики расследования указанных деяний // Юрист-Правоведь. 2013. № 4 (59). С. 37–39.
7. Гриненко, А. В., Овчаренко, Е. И. Криминалистическая характеристика преступлений и обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу: проблемы соотношения и разграничения // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник материалов III Всероссийского круглого стола (17–18 июня 2004 г.). Ростов-на-Дону, 2004. С. 55–59.
8. Айвазова, О. В. Криминалистическая характеристика преступлений как систематизированное отражение механизма преступной деятельности: результаты научной полемики // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 153–157.
9. Варданян, А. В., Андреянченко, Д. В. Общие положения учения о криминалистической характеристике преступлений как теоретико-методологическая основа для формирования криминалистической характеристики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции // Юрист-Правоведь. 2015. № 1 (68). С. 13–16.
10. Варданян, А. В., Ларионов, И. А. Научные основы формирования криминалистической характеристики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 4-2. С. 9–17.

11. Буюкова, Г. А. Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании уголовных дел о нецелевом расходовании бюджетных средств // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 3 (17). С. 52–55.

12. Частнов, К. С. Особенности предмета доказывания по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов // Вестник НГИЭИ. 2011. Т. 1. № 2 (3). С. 147–157.

13. Варданын, А. В., Айвазова, О. В. Должностные преступления в сфере экономики как объект криминалистического научного анализа // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 72–77.

14. Уголовное дело № 1-20/2018. Хасавюртовский городской суд Республики Дагестан.

© Говоров А. А.

УДК 343.985.7:343.3/.7:004.77-051-053.6(470)

С. А. ЕВСЕЕВА, начальник отдела морально-психологического обеспечения Уфимского юридического института МВД России; адъюнкт Рязанского юридического института МВД России (г. Уфа)

S. A. EVSEEVA, head of the Department of Moral and Psychological Support of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; adjunct of Ryazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КИБЕРПРЕСТУПНИКОВ

SOME PROBLEMS INVESTIGATIONS OF CRIMINAL CASES WITH RESPECT TO MINORS CYBER CRIMINALS

Аннотация. Настоящая статья посвящена определению ряда проблем, возникающих при доказывании преступлений, совершаемых несовершеннолетними в информационно-телекоммуникационной среде. Актуальность темы обусловлена отсутствием систематизации опыта расследования уголовных дел данной категории и ее отражением в соответствующей методике. Автор останавливается на основных проблемах, с которыми сталкиваются следователи при расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних киберпреступников.

Ключевые слова и словосочетания: информационные технологии, киберпреступность, киберпространство, несовершеннолетние, электронная среда, информационная среда, латентность, подростки, преступление, расследование, следователь.

Annotation. This article is devoted to the definition of a number of problems that arise when proving crimes committed by minors in the information technology environment. The relevance of the topic is due to the lack of systematization of the experience of investigating criminal cases of this category and its reflection in the relevant methodology. The author dwells on the main problems that investigators face when investigating criminal cases involving juvenile cybercriminals.

Keywords and phrases: information technology, cybercrime, cyberspace, minors, electronic environment, information environment, latency, adolescents, crime, investigation, investigator.

Человечество в своем развитии использует, накапливает и передает информацию. Этот процесс непрерывен. Информационные технологии внедряются практически во все сферы деятельности человека и общества, особенно в межличностное общение, здравоохранение, образование, национальную безопасность и др. Особенностью прогресса явились новые формы информационной преступности. Эта форма связана со сферой высоких технологий, где в качестве средств преступления выступают персональные компьютеры, планшеты, смартфоны, телефоны, другие современные гаджеты и вирусные программы.

В настоящее время постоянный технический прогресс на рынке смартфонов, а также всевозможные мобильные акции, проводимые операторами мобильной связи, привлекают внимание несовершеннолетних. Все чаще с помощью информационных технологий совершаются кражи денежных средств со счетов, мошенничества с использованием мобильных средств сотовой связи, незаконное распространение наркотических средств в сети «Интернет», взломы компьютерных систем и др.

Рост киберпреступности набирает обороты в основном посредством совершения краж и мошеннических действий. Согласно статистическим данным МВД России, всего совершено преступлений с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий в 2017 году – 90 587, а уже в 2018 году – 174 674 преступления, что составило 92,8 % от общего числа зарегистрированных преступлений. Часто совершаемые преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий – это преступления, предусмотренные ст.ст. 272, 273 УК РФ [1].

Вопросы борьбы с компьютерной преступностью в отечественной науке уже поднимались в работах Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, В. С. Бурдановой, И. А. Возгина, А. Ф. Волынского,

М. Б. Вандера и других известных специалистов. Проблемы методики расследования неправомерного доступа к компьютерной информации исследовались в работах А. Б. Агапова, Ю. М. Батурина, В. Б. Вехова, В. С. Горбатова, А. В. Касаткина, В. Е. Козлова, В. В. Крылова, В. Я. Колдина, в которых авторы рассмотрели важные аспекты и, безусловно, внесли вклад в изучение киберпреступности, однако проблема методики расследования киберпреступлений, совершаемых несовершеннолетними, комплексно и в общем масштабе в них не поднималась.

Преступления несовершеннолетних в данной сфере чаще всего характеризуются активными действиями, направленными на достижение преступного результата. На способ совершения конкретного посяательства влияют такие факторы, как возраст несовершеннолетнего, его умственное и физическое развитие, недостаточность жизненного опыта, наличие и количество соучастников, в том числе взрослых, материальные возможности.

При расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних киберпреступников наибольшие трудности возникают при проведении таких следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск, допрос подозреваемых, обвиняемых, выемка электронной информации у поставщика услуг, следственный эксперимент, назначение судебных экспертиз.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что, как правило, осмотр места происшествия киберпреступления не проводится по причине его отсутствия в реальности. Только система киберпространства определяет место совершения и, не имея необходимых технических и теоретических знаний, невозможно определить обстановку совершения киберпреступления. Максимальная скрытность деяний достигается благодаря выходу в сеть через «чужие» компьютеры, например в Интернет-кафе. Следователю

приходится фиксировать и распознавать кибернетическое пространство, обнаруживать виртуальные следы, для восприятия которых необходимы наличие специального аппаратного обеспечения и подготовительные действия.

Социальные сети постоянно накапливают и сохраняют значительный объем информации. Ценным, а порой и единственным источником доказательственной базы является информационно-телекоммуникационное пространство. В социальных сетях аккумулируются сведения о действиях каждого пользователя, его сообщения, контакты, фото-, видеоматериалы, изображения, звуковые сообщения и т. д. В связи с этим на первоначальном этапе расследования необходимо обратить внимание на сведения об абонентских номерах или месте нахождения средств связи, используемых несовершеннолетним киберпреступником. В настоящее время получение информации о действиях подростка в сети «Интернет» возможно с использованием информационных ботов, которые в автоматическом режиме способны отслеживать действия несовершеннолетнего. Такие программы являются коммерческими и используются все чаще заботливыми родителями в целях контроля за своими детьми, но не правоохранительными органами. Следовательно, обладая информацией об аккаунте несовершеннолетнего киберпреступника, мог бы иметь доступ к цифровому инструменту, позволяющему оперативно получить значимую по уголовному делу информацию. Однако вопрос о процессуальных формах фиксации деятельности следователя при расследовании киберпреступлений, совершенных несовершеннолетними, не разработан, законодательно не закреплён.

При изъятии переписки, находящейся в мессенджерах, логично провести арест почтово-телеграфных отправок, их выемку, а также осмотр, предусмотренные ст. 185 УПК РФ. Проблемой является то, что ч. 7 ст. 185 УПК РФ не со-

держит четкого порядка ее применения при изъятии электронной переписки. Перечень изымаемого путем обыска или выемки в последние годы получил определенное расширение. Так, Федеральным законом от 31.12.2014 № 530-ФЗ в ч. 1 ст. 182 УПК РФ были внесены изменения, согласно которым в результате проведения обыска могут быть обнаружены и изъяты не только необходимые для установления обстоятельств преступного деяния предметы, документы, ценности и/или обнаружены разыскиваемые лица и трупы, но и орудия, оборудование или иные средства совершения преступления. Действительно, ранее существовавший перечень (ограниченный предметами, документами и ценностями) не мог охватить собой все то, что зачастую изымается при обыске. Иными словами, далеко не все объекты материального мира могут быть охвачены понятиями предметов или документов [2, с. 16–21]. Например, технические средства, принадлежащие поставщику услуг, где хранится информация, используемая как средство совершения киберпреступления и являющаяся доказательством по уголовному делу.

Учитывая изложенное, возникает необходимость процессуального закрепления и самого процесса изъятия информации в сети «Интернет», социальных сетях и мессенджерах. В настоящее время информация, как правило, подлежит правовой охране как тайна переписки, телефонных и иных сообщений либо банковская тайна или тайна личной жизни. В связи с этим действия следователя по получению такой информации должны строиться в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом.

Что касается следственного эксперимента, здесь, как и при осмотре места происшествия, невозможно определить обстановку совершения киберпреступления. Поскольку это никак не влияет на кибернетическое пространство, постольку необходимость в определении обстанов-

ки отсутствует. При определении круга участников следственного действия необходимо учитывать, что понятые должны ориентироваться в информационной среде, владеть навыками работы с компьютерной техникой. Также обязательно участие переводчика, педагога и специалиста для разъяснения содержания действий несовершеннолетнего.

При назначении компьютерно-технической экспертизы трудности у следователей вызывает постановка специфических вопросов эксперту. Отсутствие у следователя специальных технических и теоретических знаний в этой области, также практики расследования данной категории дел является важным препятствием в определении методики расследования касательно несовершеннолетних.

Возникает потребность в создании автоматизированной системы учета и фиксации киберпреступлений, которая могла бы восстанавливать события совершенного из любого места земного шара преступления с использованием информационных технологий. Для повышения компетентности следователей необходимо регулярное квалификационное обучение, доведение до следственного аппарата новых прогрессивных методик расследования данной категории дел, а также своевременная профессиональная переподготовка экспертов-криминалистов органов внутренних дел.

Нельзя не согласиться с мнением профессора А. В. Варданяна о том, что «необходимо избежать декларирования популистских и трудновыполнимых мер, особенно в рамках расследования следователями конкретных уголовных дел, как и превращения профилактической деятельности в деятельность исключительно формальную и неэффективную» [3, с. 3–9].

Подводя итог, следует отметить, что расследование уголовных дел в отношении несовершеннолетних киберпреступников является сложной задачей. Трансграничность, латентность, отсутствие законодательных актов, регулирующих процессуальные действия, нестандартное поведение несовершеннолетних преступников, отсутствие актуальных методик по организации расследования киберпреступлений, недостаточный уровень подготовки следователей в высших образовательных учреждениях – все это не только затрудняет процесс расследования, но и делает его неэффективным. Недостатки применения информационных и цифровых технологий при расследовании киберпреступлений обусловлены общими организационными вопросами применения криминалистической техники, а также научно-техническими, тактическими и методическими вопросами, определяющими возможности использования средств и методов, основанных на информационно-цифровых технологиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения: 20.06.2019).
2. Варданян, А. В. Новеллы в регламентации обыска и выемки как потребность в модернизации тактико-криминалистических приемов // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2019.
3. Варданян, А. В. Современные проблемы учения о криминалистическом предупреждении преступлений: гносеологические и правовые аспекты // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник трудов участников Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2017.

© Евсева С. А.

УДК 343.985.1

И. А. ЛАРИОНОВ, адъюнкт Ростовского юридического института МВД России (Ростов-на-Дону)

I. A. LARIONOV, adjunct of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Rostov-on-Don)

**ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ И ЕЕ УЧЕТ
ПРИ ПОДГОТОВКЕ ДОПРОСОВ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ)**

**THE SITUATION OF CRIMES IN THE SPHERE
OF ILLEGAL MIGRATION AND ITS MAINSTREAMING
IN THE PREPARATION OF INTERROGATIONS OF SUSPECTED (ACCUSED)**

***Аннотация.** В статье рассмотрен комплекс факторов, характеризующих обстановку совершения преступлений в сфере организации незаконной миграции, значимых для успешной организации и осуществления допроса подозреваемых и обвиняемых по делам об указанной категории преступлений. С учетом типичных криминалистически значимых особенностей личности субъектов данных деяний сформулирован предмет допроса этих лиц.*

***Ключевые слова и словосочетания:** преступления, миграция, организация незаконной миграции, мигранты, иностранные граждане, лица без гражданства, подозреваемые, обвиняемые, миграционные органы, допрос.*

***Annotation.** The article considers a set of factors characterizing the situation of crimes in the field of illegal migration, important for the successful organization and implementation of the interrogation of suspects and accused in cases of this category of crimes. With the typical forensically significant features of the identity of the data subject acts formulates the subject of the interrogation of these individuals.*

***Keywords and phrases:** crimes, migration, organization of illegal migration, migrants, foreign citizens, stateless persons, suspects, accused, migration authorities, interrogation.*

Одним из направлений обеспечения безопасности и защищенности гражданского общества от различных вызовов и угроз, продуцируемых современной действительностью, является реализация миграционной политики, отражающей сбалансированность интересов нашего государства, российских граждан и лиц, прибывающих в нашу страну из других регионов. Признавая и реализуя такие безусловные и принятые цивилизованным обществом достижения международной правовой мысли, как уважение и защита прав и законных интересов личности, независимо от ее гражданства, происхождения, вероисповедания и т. д., Российской Федерацией разработа-

ны правила осуществления миграционного учета прибывающих в нашу страну иностранных граждан и лиц без гражданства.

Данные правила предписывают мигрантам, временно прибывшим в Российскую Федерацию, в установленный срок встать на миграционный учет и получить право законного пребывания в Российской Федерации, а принимающей стороне (которой могут являться как граждане Российской Федерации, так и юридические лица) – предоставить сведения о месте фактического пребывания мигрантов. Кроме того, законодательством предусмотрен ряд запретов, ограничений и санкций за ненадлежащее выполнение

миграционных правил, включая выдворение мигрантов за пределы Российской Федерации, а также привлечение к уголовной ответственности надлежащих субъектов за организацию незаконной миграции.

Согласно положениям ст. 322.1 УК РФ, под организацией незаконной миграции понимаются три варианта противоправных действий: 1) организация незаконного въезда иностранных граждан или лиц без гражданства в Российскую Федерацию; 2) организация незаконного пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации; 3) организация незаконного транзитного проезда иностранных граждан или лиц без гражданства через территорию Российской Федерации.

Квалифицированные составы указанного посягательства усиливают уголовную ответственность за совершение тех же действий группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой в целях совершения преступления на территории Российской Федерации.

В настоящее время частная криминалистическая методика расследования преступлений в сфере миграции продолжает разрабатываться [1, с. 13–16; 2, с. 5–10; 3, с. 9–17], в связи с чем далеко не все аспекты представляются широко и всесторонне разработанными. Более того, указанные посягательства продолжают сохранять высокую латентность, что, наряду с другими неблагоприятными последствиями, способствует сохранению сложной социально-демографической ситуации, продуцирующей неконтролируемый приток мигрантов из социально-неблагополучных регионов, выступая своеобразной питательной средой для совершения целого ряда преступлений как самими мигрантами, так и в их отношении.

Анализ эмпирических источников в виде архивных уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 322.1

УК РФ, свидетельствует о том, что среди названных разновидностей преступных действий, подпадающих под признаки организации незаконной миграции, существенно преобладает именно организация незаконного пребывания иностранных граждан [4, с. 58–61] (чаще всего из республик ближнего зарубежья), которая проявляется в обеспечении мигрантов жильем и иными коммунально-бытовыми условиями, трудоустройстве (в том числе на заведомо невыгодных для мигрантов условиях), юридическом сопровождении оформления прав их пребывания на территории Российской Федерации, вопреки грубым нарушениям миграционного законодательства. Очевидно, что организация незаконного пребывания мигрантов на территории Российской Федерации немыслима без предшествующего их въезда в нашу страну, который, как отмечают исследователи [5, с. 79–81], зачастую является неконтролируемым, хотя и сравнительно редко выявляемым.

Общеизвестно, что трудовые мигранты из стран ближнего зарубежья прибывают в нашу страну вынужденно, по причине ненадлежащей обстановки на рынке труда в родном государстве, отсутствия возможности достойной трудовой самореализации, невозможности финансового обеспечения себя и своих семей хотя бы на уровне стандартных бытовых потребностей. Находясь в сложной жизненной ситуации, по прибытии в Россию они нередко готовы откликнуться на любые, пусть далеко не выгодные для них трудовые или жилищно-бытовые условия, даже за ничтожное вознаграждение. При этом многие из них испытывают трудности в адаптации к новым социально-территориальным условиям, в толковании, понимании и соблюдении российского законодательства, общении на русском языке на уровне средства коммуникации с другими участниками гражданского общества и т. д. [6, с. 3–9].

Закономерно, что указанные обстоятельства привлекают в сферу миграционных процессов также субъектов, которые, оказывая некоторое содействие данным мигрантам в обустройстве на территории Российской Федерации, преследуют, прежде всего, собственные корыстные или иные низменные интересы. Так, дешёвая рабочая сила, преимущественно тяжелого и неквалифицированного труда, в сочетании с минимальным уровнем социальных гарантий для мигрантов обеспечивает широкий спрос у работодателей в отношении таких лиц в строительном бизнесе, в жилищно-коммунальном хозяйстве, при проведении сельскохозяйственных работ и т. д. Данные работодатели нередко готовы предоставить мигрантам определённый фронт работ (часто на кабальных условиях) с грубыми нарушениями миграционного законодательства.

Материалы уголовных дел включают не только единичные случаи оказания незаконного содействия иностранным гражданам в их пребывании на территории нашей страны, но и серийную организованную деятельность субъектов данных деяний, систематически и продолжительно осуществляющих преступные действия, способствовавшие организации незаконного пребывания на территории Российской Федерации многих сотен мигрантов из ближнего зарубежья.

Особенно беспокоит тот факт, что в серийной и организованной деятельности в данной сфере нередко участвуют должностные лица подразделений Федеральной миграционной службы, по роду своей деятельности призванные реализовывать миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших на территорию Российской Федерации. В состав группы лиц по предварительному сговору или организованной группы входят представители фиктивной «принимающей стороны», от имени которой могут выступать организации, не осуществляющие реальной экономиче-

ской деятельности, либо лица, согласившиеся на определенных условиях предоставить свои персональные данные. Наконец, серийный и многоэпизодный характер данной деятельности невозможен без активного участия посредников (которыми часто становятся пользующиеся авторитетом представители определенных диаспор, имеющие связи в правоохранительных органах и иных институтах гражданского общества), лично контактирующие с мигрантами и должностными лицами.

Материалы уголовных дел также свидетельствуют об использовании должностными лицами подразделений органов Федеральной миграционной службы в качестве имитации надлежащих действий от имени принимающей стороны паспортов и иных персональных данных умерших граждан, ставших им доступными в связи с осуществлением служебных функций [7], а также граждан, введенных в заблуждение относительно истинного характера указанной деятельности.

Закономерно, что преследующие корыстные интересы должностные лица миграционных органов, участвующие в организованной преступной деятельности, нередко способствуют созданию волокиты и искусственных проблем в реализации прав и законных интересов иностранных граждан или лиц без гражданства в сфере миграционного законодательства, чем сознательно побуждают данных лиц, и без того нередко находящихся в сложной жизненной ситуации, участвовать в данных преступных схемах в нарушение действующего законодательства.

Указанные факторы, иллюстрирующие обстановку организации незаконной миграции, не могут не способствовать высокой латентности данных посягательств. Особенно это относится к деяниям, совершенным в организованных формах с участием должностных лиц миграционных органов, на профессиональном уровне владеющих знаниями в сфере миграционного законодательства,

включая его пробелы и противоречия, специфику практической реализации, в том числе ненадлежащий контроль за исполнением миграционного законодательства. Материалы проанализированных уголовных дел свидетельствуют о принятии соучастниками различных мер конспиративного характера: от согласования и координации незаконных действий в сфере миграционного учета вне места службы до использования при телефонных переговорах и в электронной переписке условных обозначений. Поэтому успешному выявлению и разоблачению организованных форм преступлений в сфере нарушений миграционного законодательства нередко предшествует осуществление оперативно-розыскной деятельности [8, с. 61–64; 9, с. 57–60; 10, с. 73–79; 11, с. 32–39] с целью выявления обстоятельств совершаемых деяний, установления образа жизни фигурантов и их связей, организации планирования задержания с поличным с учетом фактора внезапности.

Организованный характер противоправной деятельности субъектов указанных деяний обуславливает выбор ими различных вариантов линии поведения: от полного признания своей причастности к совершению преступлений, оказания содействия расследованию в изобличении соучастников и установления всех обстоятельств противоправного деяния до непризнания вины и осуществления противодействия расследованию. Выбор подозреваемыми или обвиняемыми тактики защиты от уголовного преследования во многом обусловлен наличием и состоянием доказательственной базы по уголовному делу. Поэтому допрос подозреваемых или обвиняемых по делам об организации незаконной миграции требует достаточной подготовки, позволяющей следователю в процессе общения с допрашиваемым успешно маневрировать доказательственной информацией, тактически своевременно и психологически грамотно формулировать различ-

ные уточняющие, детализирующие и контрольные вопросы, предъявлять в качестве изобличающих доказательств различные предметы и документы, включая результаты экспертиз, иных следственных действий, не допуская вместе с тем преждевременного разглашения содержания установленной информации в ходе расследования.

Как известно, общность процессуального положения подозреваемого и обвиняемого в отечественном УПК РФ предопределяется их отнесенностью к стороне защиты. Более того, по общему правилу, подозреваемый и обвиняемый – есть два хронологически сменяющих друг друга статуса, в которых пребывает одно и то же лицо в зависимости от этапа расследования и состояния доказательственной базы по уголовному делу.

При наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления, в отношении данного лица формулируется обвинение, что обуславливает переход лица, подвергаемого уголовному преследованию, в процессуальное положение обвиняемого. Это наделяет подозреваемого и обвиняемого общностью прав, связанных с защитой от уголовного преследования допустимыми законом способами, включая как активные способы защиты: собирание и представление доказательств, свидетельствующих в пользу данных лиц, так и относительно пассивные способы: отказ от дачи показаний, дача показаний, не соответствующих реальным обстоятельствам соответствующих событий, отсутствие ответственности за дачу ложных показаний и т. п.

Разрабатывая план допроса конкретного подозреваемого или обвиняемого в организации незаконной миграции, следователю необходимо принимать во внимание универсальный предмет допроса указанных субъектов, который формируется посредством интеграции следующих аспектов: объективных и субъективных признаков организации незаконной ми-

грации в соответствии с конструкцией данного деяния в уголовном законе сквозь призму предмета доказывания согласно ст. 73 УПК РФ; процессуального статуса допрашиваемого, его отношения по существу выраженного подозрения либо предъявленного обвинения, ориентации на оказание содействия либо противодействия расследованию; содержания и объема доказательственной базы по уголовному делу, наличия пробелов или противоречий согласно имеющимся доказательствам; отношения допрашиваемого к тем или иным обстоятельствам, указывающим на его причастность к совершению преступления, а также на групповой, согласованный и сплоченный характер организации незаконной миграции.

Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным изложить следующий вариант вопроса подозреваемого (обвиняемого) по делам об организации незаконной миграции с целью установления:

1) служебного статуса допрашиваемого: должность, перечень его служебных полномочий, непосредственно или опосредованно связанных с осуществлением миграционной политики, либо иной род занятий, в связи с которым осуществлялись противоправные действия в сфере миграционной политики (руководитель организации, незаконно эксплуатирующий труд мигрантов, собственник, арендатор или арендодатель помещения, предоставленного мигрантам для проживания или трудовой деятельности, вопреки законодательству и т. п.);

2) действий допрашиваемого, соучастников, иных лиц в предкриминальной ситуации: данные о соучастниках и их взаимоотношениях, статус и роль каждого в приготовлении, совершении и сокрытии преступления; какие обстоятельства побудили на совершение преступления, кто являлся инициатором преступления, кем и каким образом была разработана стратегия деятельности группы лиц (организованной группы) по

организации незаконной миграции; кем и каким образом устанавливался контакт с мигрантами, желающими прибыть в Российскую Федерацию – добровольно либо вследствие введения в заблуждение; кем и каким образом были предварительно созданы условия для пребывания мигрантов на территории Российской Федерации; какие именно мигранты и с какой целью прибывали в Российскую Федерацию при содействии данных допрашиваемых (имеются ли данные, указывающие на прибытие мигрантов с целью совершения преступления); какие существовали между соучастниками и/или мигрантами меры конспиративного характера;

3) действий допрашиваемого на непосредственном этапе совершения преступления: кем и каким образом осуществлялось содействие во въезде конкретных мигрантов на территорию Российской Федерации; кем и каким образом мигрантам создавались жилищно-бытовые условия и их трудоустройство; кем, каким образом, на каких условиях осуществлялся миграционный учет, какие именно нарушения миграционного учета были допущены;

4) обстоятельств, указывающих на заведомый характер преступных нарушений миграционного законодательства (осведомленность об установленном порядке осуществления миграционного учета, сознательный характер тех или иных действий, например, фальсификация документов миграционного учета; принятие должностным лицом миграционного органа положительного решения на основании заведомо подложных документов; реализация конкретных мер конспиративного характера);

5) цели и мотивов преступных действий (корысть в виде незаконного вознаграждения за оказание содействия в оформлении документов миграционного учета; корысть в виде трудовой эксплуатации мигрантов за ничтожное вознаграждение их деятельности с последующим присвоением денежных средств в размере

реальной рыночной стоимости аналогичных видов работ или без такового);

б) конкретного стоимостного выражения вреда, причиненного преступлением: размер денежного вознаграждения, получаемого разово или систематически за определенные действия, связанные с организацией незаконной миграции (от самих мигрантов, посредников либо заинтересованных работодателей); размер денежных средств, выплаченных соучастникам и/или мигрантам и т. д.).

Таким образом, несмотря на то что в соответствии с принципом презумпции невиновности подозреваемый и обвиня-

емый не обязаны доказывать свою невиновность, традиционно в интересах установления истины по делу представляется важным получить правдивые и достоверные показания. Ведь состязательность сторон сама по себе не является самоцелью (подобно соревнованиям с победой сильнейшего), а согласно современным представлениям выступает средством всестороннего, полного и объективного расследования преступлений и способствует реализации публичных функций по признанию, охране и защите прав и законных интересов личности, общества, государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреевченко, Д. В., Варданын, А. В. Общие положения учения о криминалистической характеристике преступлений как теоретико-методологическая основа для формирования криминалистической характеристики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции // Юристъ-Правоведь. 2015. № 1. С. 13–16.
2. Андреевченко, Д. В., Варданын, А. В. Сущность организации незаконной миграции как информационный потенциал для формирования частной криминалистической методики расследования данной категории преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3 (13). С. 5–10.
3. Варданын, А. В., Ларионов, И. А. Научные основы формирования криминалистической характеристики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 4-2. С. 9–17.
4. Варданын, А. В., Ларионов, И. А. Актуальные проблемы расследования организации незаконной миграции // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35). С. 58–61.
5. Бирюков, С. Ю. Сведения о личности мигранта как один из элементов криминалистической характеристики преступлений об организации незаконной миграции // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 79–81.
6. Варданын, А. В., Ларионов, И. А. Правовые и тактико-криминалистические особенности проведения следственных действий с участием мигрантов в контексте проблемы формирования системы полных и непротиворечивых доказательств по уголовным делам об организации незаконной миграции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2-2. С. 3–9.
7. Уголовное дело № 1-17/2019. Вахитовский районный суд г. Казани.
8. Варданын, А. В. Результаты оперативно-разыскной деятельности как источники доказательственной информации по уголовному делу // Юристъ-Правоведь. 2010. № 6. С. 61–64.
9. Варданын, А. В. Когнитивно-тактический потенциал оперативно-разыскных подразделений как субъектов профилактического воздействия // Философия права. 2011. № 4 (47). С. 57–60.
10. Варданын, А. В. Результаты оперативно-розыскной деятельности как повод для возбуждения уголовного дела в контексте проблемы соотношения уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017. С. 73–79.

11. Варданян, А. В. Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, как повод для возбуждения уголовного дела: исторические и современные проблемы его реализации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3 (82). С. 32–39.

© Ларионов И. А.

УДК 343.985.7:343.378(470)

К. А. ПЛЯСОВ, начальник Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Ростов-на-Дону)

K. A. PLYASOV, head of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Rostov-on-Don)

ОСОБЕННОСТИ СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ПЕРЕМЕЩЕНИИ ТОВАРНО-МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ КАК ЭЛЕМЕНТ ТЕНЕВОЙ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

FEATURES OF CONCEALMENT OF CRIMES IN THE SPHERE OF CUSTOMS CONTROL WHEN MOVING INVENTORY ITEMS ACROSS THE CUSTOMS BORDER AS A PART OF THE SHADOW FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY

***Аннотация.** В настоящей работе автор продолжает рассматривать вопросы формирования комплексной криминалистической методики расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности. Считая системообразующей группой внешнеэкономических преступлений именно посяательства в сфере таможенного контроля при перемещении товарно-материальных ценностей через таможенную границу, автор рассматривает типичные действия субъектов преступлений по сокрытию данных деяний, интерпретируя положения криминалистической науки о сокрытии преступления как специфической разновидности преступной деятельности и обращаясь к эмпирическим материалам.*

***Ключевые слова и словосочетания:** преступления, внешнеэкономическая деятельность, криминалистика, Евразийский экономический союз, сокрытие, фальсификация, товарно-материальные ценности, таможенная граница, таможенные органы.*

***Annotation.** In this paper, the author continues to consider the formation of a comprehensive forensic methodology for the investigation of crimes in the field of foreign economic activity. Considering the system-forming group of foreign economic crimes is attacks in the field of customs control when moving inventory across the customs border, the author considers the typical actions of the subjects of crimes to conceal these acts, interpreting the provisions of forensic science on the concealment of crimes as a specific type of criminal activity and referring to empirical materials.*

***Keywords and phrases:** crimes, foreign economic activity, criminalistics, Eurasian economic Union, concealment, falsification, commodity-material values, customs border, customs authorities.*

Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности образуют стройную систему, дифференцированную в юридической литературе на ряд критериев и элементов. Системный характер противоправной внешнеэкономической деятельности предопределен присутствием в ее механизме общих и специфических закономерностей, в совокупности обеспечивающих соответствующий единый преступный результат в виде причинения вреда охраняемым законом правоотношениям.

Предлагая в предыдущих своих работах классификацию данных деяний, исходя из научного инструментария, разработанного в недрах учения о криминалистической классификации [1, с. 5–10], мы одновременно пришли к выводу о том, что системообразующей группой преступлений указанной категории выступают деяния, посягающие на установленный порядок перемещения товаров и иных ценностей через таможенную границу Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) (преступления в сфере таможенного контроля при перемещении товаров и иных ценностей через таможенную границу) [2, с. 3–10].

Системообразующий характер данных деяний обусловлен сущностью внешнеэкономической деятельности, трактуемой в качестве деятельности внешнеторговой, инвестиционной или иной, в том числе производственной кооперации по международному обмену товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (а равно правами на них), что подразумевает под собой перемещение товарно-материальных ценностей и взаимосвязанных объектов через государственную и/или таможенную границу.

Законодательством предусмотрен комплекс норм, регулирующих порядок и условия перемещения товарно-материальных ценностей через государственную границу Российской Федерации, а также через таможенную границу

ЕАЭС как международной организации региональной экономической интеграции, характеризующейся единством или скоординированностью экономической политики, свободным движением товарно-материальных ценностей и человеческих трудовых ресурсов (производительных сил).

Кроме того, в ряде случаев предусмотрены различные запреты и ограничения, нацеленные на защиту охраняемых законом интересов граждан и организаций, общества и государства, а также на обеспечение общественной безопасности от глобальных вызовов и угроз, стоящих перед современным человечеством.

Таможенный кодекс ЕАЭС в п. 25 ст. 2 представляет определение незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, понимая под ним перемещение товаров через таможенную границу:

- вне мест, через которые в соответствии с данным нормативным актом должно или может осуществляться перемещение товаров через таможенную границу;
- вне времени работы таможенных органов, находящихся в этих местах;
- с сокрытием от таможенного контроля;
- с недостоверным таможенным декларированием или недекларированием товаров;
- с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации.

Преступные посягательства на установленный порядок перемещения товаров и иных ценностей через таможенную границу (преступления в сфере таможенного контроля при перемещении товарно-материальных ценностей через таможенную границу) представляют собой достаточно обширную группу, включающую, в том числе деяния: ст. 189 УК РФ «Незаконный экспорт из РФ или передача сырья, материалов, оборудования, техно-

логий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники», ст. 190 УК РФ «Невозвращение на территорию РФ культурных ценностей», ст. 193 УК РФ «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ», ст. 194 УК РФ «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица», ст. 200.1 УК РФ «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов», ст. 200.2 УК РФ «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий» и т. п.

Очевидно, что конструкция данных деяний в качестве неотъемлемого элемента предполагает совершение действий по сокрытию преступлений как приемов, имманентно присущих всему процессу данной криминальной деятельности, так как достижению преступных целей способствует по возможности наиболее продолжительное необнаружение уполномоченными сотрудниками таможенных и иных государственных органов факта незаконного (или в нарушение существующего порядка) перемещения через государственную границу РФ либо таможенную границу ЕАЭС товарно-материальных ценностей.

С точки зрения криминалистического учения о способе преступления [3, с. 66–69; 4, с. 82–84; 5, с. 35–39], сокрытие преступления как деятельность, по общему правилу, интегрированная в предопределенную едиными преступными целями и условиями окружающей среды систему действий по приготовлению, совершению и сокрытию преступления, проявляется в приемах, направленных на воспрепятствование установлению самого факта противоправного деяния и его конкретных обстоятельств.

Исследователями-криминалистами действия по сокрытию преступления

традиционно дифференцируются на утаивание, уничтожение, маскировку, фальсификацию следов преступления и иной информации. Выделяя названные разновидности, прежде всего в познавательных целях, т. е. в теоретическом аспекте, в то же время в криминалистической литературе признается, что в современных условиях зачастую наблюдается сочетание этих приемов при выполнении единых действий в целях достижения преступного результата, которое принято именовать инсценировками (преступными инсценировками). Вместе с тем в криминалистической литературе инсценировки и иные действия по сокрытию преступления более подробно и разносторонне на протяжении ряда десятилетий небезуспешно разрабатывались применительно к преступлениям общеуголовной, и в особенности насильственной направленности.

Что же касается современных деяний экономической направленности, то вследствие актуализации данных посягательств лишь по мере наступления и дальнейшего становления постсоветского этапа нашего государства такие направления на данный момент продолжают пребывать в состоянии формирования. Очевидно, что реализация новых идей и руководящих положений по интеграции постреформенной России в мировое сообщество в качестве побочных тенденций привлекла в сферу внешнеэкономической деятельности специфический сегмент преступности, в данный момент продолжающей являться объектом исследований ряда наук криминального цикла, включая криминалистику.

Интерпретируя базовые положения криминалистики о сокрытии преступления как разновидности противоправной деятельности применительно к рассматриваемой группе деяний, уместно отметить следующее. Утаивание следов преступления и иной доказательственной информации визуализируется в оставлении в неведении следователя (дознава-

теля), сотрудников таможенных органов и иных лиц относительно реальных обстоятельств деяния (например, наименования, вида, количества, ассортимента, объема, стоимости, а также иных характеристик ввозимых на таможенную территорию товарно-материальных ценностей), которое может проявляться как в пассивной форме (собственно умолчание субъектом о нарушении им существующих правил и порядка перемещения товарно-материальных ценностей через таможенную границу), так и в активной (в виде дачи ложных пояснений, сообщении уполномоченным лицам (устно или письменно) информации, не соответствующей действительности).

Например, З., создав предприятие по производству светодиодных светильников и приобретя за рубежом по контракту необходимое оборудование (согласно имеющимся в распоряжении следствия банковским документам: паспортам сделок, ведомостям банковского контроля и т. д.), вступил в преступный сговор с лицами, оставшимися неустановленными, которые осуществили ввоз товаров на территорию Российской Федерации без документов, свидетельствующих об их декларировании, пытаясь таким образом утаить внешнеэкономический характер сделок [6]. Однако само по себе утаивание недостаточно эффективно вне сочетания с иными обозначенными приемами, что побуждает субъектов преступления на осуществление иных взаимосвязанных действий, обеспечивающих достижение преступного результата.

Уничтожение может проявляться в замывании следов, указывающих на специфическую разновидность незаконно транспортируемой продукции (в вагоне, контейнере, салоне автомобиля и т. п.), утилизацию ее фирменной упаковки, сопроводительных документов и т. д. Уничтожение следов и иной доказательственной информации по общему правилу (тем более с учетом специфики рассматриваемых деяний) нередко тесно

граничит и взаимообусловлено с маскировкой как искусственным внесением в обстановку места, связанного с осуществлением теневой внешнеэкономической деятельности, различных элементов с целью видоизменения внешнего облика обстановки данного места, а также отдельных присущих ему объектов (предметов, документов, следов-отображений). Примечательно, что в отношении рассматриваемой группы внешнеэкономических преступлений (связанных с незаконным перемещением товарно-материальных ценностей через таможенную границу ЕАЭС) именно маскировка является весьма востребованным приемом сокрытия, что проявляется как типичная тенденция в использовании иной, нежели предоставленной поставщиком (или посредником) оптовой тары с целью создания впечатления о транспортировке товарно-материальных ценностей, разрешенных в свободном обороте либо требующих уплаты при ввозе на таможенную территорию ЕАЭС таможенных платежей в существенно сниженном размере.

Например, Г., приняв на себя обязательства по перевозке партии товаров народного потребления – столовой посуды различных наименований, задекларировал данную продукцию как химическое сырье, достоверно зная о том, что таможенные платежи за ложно декларированный вид продукции существенно ниже реально транспортируемого. Однако уполномоченными сотрудниками таможенных органов был проведен таможенный досмотр, в ходе которого установлено, что прибывшие в полуприцепе товары – посуда столовая – не соответствуют представленным в декларации товарам (полистирол и др.) [7].

В то же время таможенным законодательством предусмотрены составление и предоставление в надлежащем порядке таможенных деклараций и иных документов, сопровождающих процесс и результаты осуществления таможенных

операций, а также меры реализации таможенного контроля. Соответственно, именно данные документы нередко подвергаются фальсификации как приему сокрытия в виде внесения в них сведений, не соответствующих действительности.

Например, И., являясь директором организации, занимающейся ввозом на таможенную территорию ЕАЭС различных товаров, будучи осведомленным о фактической стоимости ввозимых товаров, изготовил подложные дополнительные соглашения к контрактам и инвойсы (международные документы, составляемые зарубежными экспортерами, в данном случае – японской компанией, направляемые покупателю вместе с приобретенной им продукцией), содержащие недостоверные сведения о стоимости товаров, необходимые для совершения таможенных операций при перемещении товаров под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления [8].

Рассматривая общую сущность действий по сокрытию внешнеэкономических преступлений, относимых к группе преступлений в сфере таможенного контроля при перемещении товарно-материальных ценностей через таможенную границу, следует отметить, что, с точки зрения криминалистических закономерностей механизма преступления, единство совершения таких действий проявляется в дезинформации:

а) относительно внешнеэкономического характера реализуемой деятельности как такового, подтверждая при этом осуществление предпринимательской или иной разрешенной законом деятельности на внутрироссийском рынке;

б) относительно реальной стоимости, ассортимента, различных характеристик товарно-материальных ценностей, не отрицая ведение внешнеэкономической деятельности;

в) относительно неосуществления предпринимательской деятельности как

таковой, тем более на внешнеэкономическом уровне.

При этом сокрытие данных деяний нередко осуществляется путем сочетания и взаимопроникновения рассмотренных выше приемов, а не их выборочного применения виновными, образуя таким образом специфические инсценировки (комплексы действий по сокрытию), predeterminedные механизмом этих посягательств.

Среди типичных разновидностей комплексов действий по сокрытию деяний указанной группы, отличающейся особой сложностью и завуалированностью, особое место занимает так называемая лжевнутрироссийская экономическая деятельность. Сущность такой модели деятельности по сокрытию преступлений проявляется в том, что, не отрицая осуществления предпринимательской или иной разрешенной законом деятельности в рамках созданного юридического лица либо в качестве индивидуального предпринимателя, подозреваемые или обвиняемые пытаются осуществить сокрытие именно ее внешнеэкономического характера, выдавая за деятельность, ограниченную пределами Российской Федерации. Причем осуществление оптовой или розничной торговли товарами импортного производства, полученными от зарубежных поставщиков в нарушение установленных процедур, представляется как их получение от отечественных производителей либо от отечественных посредников, ранее приобретших данные товары за рубежом в целях совершения с ними дальнейших гражданско-правовых сделок.

Для реализации такой противоправной схемы субъекты преступления зачастую используют предварительно зарегистрированные на номинальных руководителей фиктивные организации, якобы осуществляющие импорт и оптовую поставку соответствующей продукции, а также в ряде случаев фик-

тивных посредников, служащих средством имитации длительного нахождения и оборота товарно-материальных ценностей в пределах Российской Федерации.

Выдавая себя за добросовестных участников гражданско-правовых сделок по приобретению партий продукции импортного производства (которые, как показывают проанализированные материалы уголовных дел, являются весьма разнообразными: от одежды/обуви до автобусов или иных транспортных средств, средств производства) и настаивая на своей невинности, такие лица приводят доводы о неосведомленности в отношении ненадлежащего оформления необходимых таможенных процедур и уплаты таможенных пошлин лицами, которым были вверены данные товарно-материальные ценности в период их транспортировки.

Кроме того, ими отстаивается позиция о недоказанности обвинения, непредставлении следствием (дознанием) изобличающих доказательств, неустранении якобы сомнений в их виновности, следовательно, несоблюдении принципа презумпции невинности и иных гарантий уголовного судопроизводства [9, с. 136–140], что отражает общие тенденции расследования экономических преступлений [10, с. 127–136].

Изложенная следственная ситуация, характеризующаяся активными и комплексными действиями причастных лиц по сокрытию преступлений путем инсценирования внутрироссийской экономической деятельности, отличается особой сложностью и напряженностью. Своевременное ее распознавание и тактически верное реагирование повышает шансы правоохранительных органов на всестороннее установление механизма преступления.

В этих целях требуется тщательный анализ не только показаний подозреваемого (обвиняемого) и широкого круга свидетелей, осведомленных относи-

тельно всей совокупности значимых для доказывания событий и действий, но и реализация оперативно-тактических операций, направленных на поиск и установление носителей материально-фиксированной информации (путем системы тщательно спланированных обысков, выемок [11, с. 16–21], осмотров в сочетании с оперативно-разыскными мероприятиями), а также выявление криминалистически значимых связей между субъектами преступления и иными фигурантами оперативным и следственным путем, включая контроль телекоммуникационных контактов, мониторинг компьютерной информации.

Особого внимания заслуживает исследование документов, отражающих все этапы деятельности в отношении соответствующих товарно-материальных ценностей:

а) выбор (приискание) потенциально-го предмета преступного посягательства за пределами территории ЕАЭС;

б) приобретение товарно-материальных ценностей заинтересованными лицами (в том числе от имени фиктивных организаций или частных лиц);

в) транспортировка;

г) регистрация (псевдорегистрация) на имя подставных лиц («транзитных владельцев»), которые в целях маскировки противоправной деятельности могут располагаться в пределах иных регионов России, нежели место завершающего этапа реализации преступного умысла;

д) фиктивное оформление теневыми субъектами (фактически являющимися приобретателями) права аренды или иных имущественных прав;

е) последующее переоформление права собственности либо сбыт третьим лицам, минуя оформление права собственности на имя теневых владельцев.

Приведенная схема, разумеется, может сопровождаться нюансами в зависимости от разновидности товарно-материальных ценностей, выступающих предметом внешнеэкономической дея-

тельности и иных сопутствующих обстоятельств.

Однако в целом представляется, что ее криминалистическая сущность получила достаточное отображение, что позволяет выразить направления и рекомендации по повышению результативности деятельности в сфере выявления и разоблачения неочевидных форм внешнеэкономических посягательств.

В общих чертах обозначенные в настоящей работе, они будут подлежать в дальнейшем специальному рассмотрению в следующих наших научных трудах прикладного характера, посвященных вопросам преодоления конкретных форм противодействия расследованию преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варданян, А. В., Кулешов, Р. В. Криминалистические классификации преступлений и их системообразующая роль в формировании частных криминалистических методик расследования преступлений как научно-обоснованных комплексов криминалистических рекомендаций // Российский следователь. 2015. № 21. С. 5–10.
2. Варданян, А. В., Плясов, К. А. Полномочия органов дознания как субъектов расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1-2. С. 3–10.
3. Варданян, А. В. Роль теоретических положений криминалистического научного знания в формировании классификации способов совершения и сокрытия преступлений в сфере земельных правоотношений // Философия права. 2013. № 5 (60). С. 66–69.
4. Варданян, А. В. Методологическое значение криминалистического учения о способе преступления для формирования классификации приемов по приготовлению к совершению преступлений в сфере земельных правоотношений // Философия права. 2013. № 4 (59). С. 82–84.
5. Варданян, А. В., Алексиев, О. Н. Использование знаний о способах преступлений против жизни и здоровья в выявлении и разоблачении ложного алиби // Юристы-Правоведы. 2008. № 6 (31). С. 35–39.
6. Уголовное дело № 1-789/2017. Приволжский районный суд г. Казани.
7. Уголовное дело № 1-734/2017. Кировский районный суд г. Санкт-Петербурга.
8. Уголовное дело № 1-289/17. Фрунзенский районный суд г. Владивостока.
9. Варданян, А. В. Назначение уголовного судопроизводства: историко-гносеологический подход // Юристы-Правоведы. 2018. № 3 (86). С. 136–140.
10. Варданян, А. В., Говоров, А. А. Общие положения допроса подозреваемых, обвиняемых по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 1 (88). С. 127–136.
11. Варданян, А. В. Новеллы в регламентации обыска и выемки как потребность в модернизации тактико-криминалистических приемов // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2019. С. 16–21.

© Плясов К. А.

**СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.14:004.63(470)

В. Н. ГРИГОРЬЕВ, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России; профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

V. N. GRIGORYEV, leading researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Russia, Doctor of Law, Professor (Moscow)

**О РЕГУЛИРОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ
И ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ**

**ON THE REGULATION OF DIGITAL RELATIONS IN THE FIELD OF CRIMINAL
PROCEDURE ACTIVITIES OF JUDICIAL AND EXECUTIVE AUTHORITIES**

Аннотация. Отмечаются проявляющиеся тенденции в регулировании цифровых отношений в сфере уголовно-процессуальной деятельности органов судебной и исполнительной власти, среди которых: сопровождение формирования цифрового законодательства появлением соответствующих научных исследований; своеобразная «кривизна» стратегической линии в развитии цифрового законодательства в сфере уголовного судопроизводства, отсутствие ее внятной концепции; отсутствие системности и полноты в регулировании цифровых элементов уголовного судопроизводства. Обращается внимание на недостатки в подготовке текста нормативных правовых актов, проявляющиеся в несуразности текста новых норм уголовно-процессуального права, регулирующих цифровые отношения.

Ключевые слова и словосочетания: цифровое законодательство, концепция развития, уголовное судопроизводство, системность, цифровые отношения.

Annotation. The emerging trends in the regulation of digital relations in the field of criminal procedure of the judicial and executive authorities are noted, among which are: support for the formation of digital legislation by the appearance of relevant scientific research; the peculiar «curvature» of the strategic line in the development of digital legislation in the field of criminal justice, the absence of its intelligible concept; lack of consistency and completeness in the regulation of digital elements of criminal proceedings. Attention is drawn to the shortcomings in the preparation of the text of regulatory legal acts, which is manifested in the absurdity of the text of the new norms of criminal procedure law governing digital relations.

Keywords and phrases: digital law, development concept, criminal justice, systematic, digital relations.

В 2012 году Федеральный закон от 28.07.2012 № 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] внес в УПК РФ ряд изменений и дополнений, направленных на регулирование в сфере уголовно-процессуальной деятельности органов судебной и исполнительной власти, возникающих в связи с электронными носителями информации [2, с. 33–44]. В последующие годы был принят еще ряд законодательных актов с тем же предметом регулирования. К числу таких актов относятся, в частности:

– Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3];

– Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» [4];

– Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [5];

– Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [6];

– Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [7].

В целом, на наш взгляд, заслуживает одобрения как общая тенденция к урегу-

лированию цифровых отношений в сфере уголовного судопроизводства, так и периодическое внесение в Государственную Думу законопроектов о закреплении таких новейших технических разработок, как полиграф, видеоконференцсвязь, тензометрическая платформа для оценки стрессового психофизического состояния человека, система для ведения «электронных» уголовных дел, видеопrotocol, «электронный судья», технология «блокчейн» и криптовалюты [8, с. 19].

Вместе с тем нельзя не заметить и отсутствие единообразия в понимании норм, регулирующих цифровые отношения в сфере уголовного судопроизводства. Это служит поводом для того, чтобы отследить некоторые тенденции в развитии цифрового законодательства в сфере уголовно-процессуальной деятельности органов судебной и исполнительной власти.

Пожалуй, без преувеличения можно сказать, что уголовное судопроизводство оказалось не вполне готовым к «электронным» изменениям в общественной жизни. В практическую и научную деятельность вводятся новые явления материального мира, что влечет формирование новых понятий. Понимание любых новых объектов различными людьми зависит от уровня вовлеченности, интересов, профессиональной принадлежности и т. д. Электронное доказывание сейчас находится «в стадии осмысления и теоретического обоснования».

Исследователи аргументированно отмечают, что в развитии цифрового законодательства в сфере уголовного судопроизводства многие страны ушли вперед. Это относится, например, к Саудовской Аравии, Южной Корее, Республике Казахстан и др. [9, с. 118]. Проблемы, связанные с регулированием электронных процессов, не специфичны для российского уголовного процесса. Законы некоторых государств не признают доказательств, полученных электронным способом, считают их вторичными [10].

В результате исследования, проведенного Международным союзом электросвязи (International Telecommunication Union), отмечено, что допустимость электронных доказательств в Европейских судах регулируется общими положениями, касающимися также и традиционных доказательств. Имеются лишь отдельные элементы регулирования, касающиеся данной сферы. Ни одна из стран в Европе не предусматривает в своих нормативных правовых актах конкретного определения того, что является электронным доказательством. Также отсутствуют конкретные национальные правила, связанные с допустимостью электронных доказательств. Подавляющее большинство Европейских судей воспринимают электронные доказательства эквивалентом традиционных доказательств [11].

В исследованиях российских процессуалистов обоснованно отмечается изменение познавательной ситуации в уголовном судопроизводстве, в соответствии с которой для человека – субъекта доказывания – уже недоступна цифровая информация о следах преступления без работающего компьютера, а при обращении правоприменителя с цифровой информацией заключения эксперта, специалиста их содействие признается обязательным [12, с. 10]. В этой связи представляется излишне недружелюбной оценка предпринимаемых попыток исследований в этом направлении как спекулятивное использование идеи развития цифровых технологий для продвижения своих представлений о будущей модели уголовного процесса или его институтов [19].

Полагаем, что исследования специалистами возможностей применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве находятся еще в самом начале своего пути, не без оснований первые их результаты окрещены как «научная фантастика» [14, с. 7, 15]. Любые попытки конкретизации, продвижения вперед

здесь есть благо. Вместе с тем представляются несколько преждевременными некоторые заявления специалистов с претензией на коронование, например о том, что «нижегородской школой процессуалистов» уже создана новая доктрина уголовного процесса и новая теория доказательств [16, с. 180].

Исследования, посвященные информационным технологиям в уголовном судопроизводстве, представлены в настоящее время в трех основных направлениях: 1) разработка теоретических основ и научного обоснования системы информационного обеспечения уголовного процесса; 2) внедрение в классическую модель уголовно-процессуальных средств доказывания «электронных доказательств»; 3) технико-криминалистическое обеспечение использования информационных технологий в уголовно-процессуальной деятельности [9, с. 118–119]. Заметным явлением в этом направлении является подготовка и издание доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации [14], основ теории электронных доказательств [17].

На этом фоне особенно удручающей представляется своеобразная «кривизна» стратегической линии в развитии цифрового законодательства в сфере уголовного судопроизводства. Пока она отражает в большей мере очевидные корпоративные интересы по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, а не концепцию данного направления законотворчества.

Нетрудно заметить, что цифровые элементы в уголовном-процессуальном законодательстве появляются преимущественно в пакете с нормами, устанавливающими особенности производства по уголовным делам об экономических преступлениях. Вытекающие из этого факта предположения о том, что у нас, возможно, есть концепция особого экономического производства, и со-

вершенно отсутствует концепция цифровизации уголовно-процессуального законодательства, к сожалению, подтверждаются. Это яркая иллюстрация того, как корпоративные интересы в развитии российского уголовно-процессуального законодательства могут взять верх над общегосударственными, отражающими запросы всех слоев российского общества.

Задушенность корпоративными интересами влечет за собой отсутствие системности и полноты в регулировании цифровых элементов уголовного судопроизводства. В юридической печати уже отмечались пробелы в регулировании ситуаций, связанных с участием понятых, специалиста в изъятии электронных носителей информации, ее копированием [18, с. 48–54; 19, с. 7–11; 20, с. 1–8]. При повторном обращении законодателя к данной теме нормативный материал оказался переформатированным, однако к полному решению отмеченных пробелов приблизиться не удалось.

Ситуация усугубляется невысоким уровнем правовой культуры, недостаточностью профессиональных навыков авторов текста законов о внесении изменений и дополнений в УПК в работе с нормативным материалом при подготовке нового цифрового законодательства в сфере уголовного судопроизводства. Как следствие сложившейся ситуации – несуразность новых норм уголовно-процессуального права, доходящая в силу непрофессионального владения законодательной техникой до очевидных ляпов.

Наглядным примером являются недавние изменения УПК РФ, при которых авторы текста Закона, исключая из УПК определенные статьи, забыли одновременно исключить упоминание о них в других его статьях. Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» признаны утратив-

шими силу ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ, предусматривавшие изъятие электронных носителей информации при производстве, соответственно, обыска и выемки. Тем не менее применительно к случаю выемки в норме ч. 1 ст. 170 об обязательном участии понятых продолжает содержаться отсылка к ч. 3.1 ст. 183; сохраняется упоминание в ч. 3.1 ст. 183 и в ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ.

Другой пример. В ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ предусмотрено, что при производстве следственных действий по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности «не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации, за исключением случаев, предусмотренных частью первой статьи 164.1 настоящего Кодекса». Стало быть, по логике авторов текста Закона, в ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ предусмотрены случаи, когда допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации, т. е. изъятие может производиться при отсутствии оснований. Между тем анализ нормы, содержащейся в ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ, убеждает в обратном, поскольку содержит перечень оснований для изъятия электронных носителей информации по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности.

Вряд ли можно признать удачной архитеконику введенной Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ нормы об особенностях изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий (ст. 164.1 УПК РФ), которая начинается с перечня исключительных случаев, когда при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности допускается изъятие электронных носителей информации (ч. 1 ст. 164.1), после которого следует установление порядка изъятия электронных носителей информации в ходе производства следственных действий (ч. 2 ст. 164.1). Исходя

из элементарных правил законодательной техники, по которым регулируются сначала общие отношения, а затем – более частные, можно утверждать, что указанный порядок изъятия электронных носителей информации установлен для производства по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности [21]. Однако вопреки правилам законодательной техники приходится утверждать, что этот порядок (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ) установлен для

производства по уголовным делам о преступлениях всех категорий.

Современная процессуальная форма уголовного судопроизводства – слишком хрупкое явление, не просто она далась российскому обществу, чтобы допустить ее «размывание», позволить столь вольно с ней обращаться. Она требует более квалифицированного и бережного подхода, исключения из этой работы суеты, конъюнктуры, непрофессионализма [22, с. 86].

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 28.07.2012 № 143-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4332.
2. Григорьев, В. Н., Максимов, О. А. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2 (84). С. 33–44.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 49. Ст. 6752.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (часть I). Ст. 3889.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.
7. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8459.
8. Медведева, М. О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2018. 29 с.
9. Зуев, С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4 (83). С. 118–123.
10. Can Electronic Documents Be Used As Evidence International Law Essay. URL: <https://www.lawteacher.net/free-law-essays/international-law/can-electronic-documents-be-used-as-evidence-international-law-essay.php> (дата обращения: 09.08.2019).
11. The admissibility of electronic evidence in court: fighting against high-tech crime. URL: http://www.itu.int/osg/csd/cybersecurity/WSIS/3rd_meeting_docs/contributions/libro_aeec_en.pdf (дата обращения: 09.08.2019).
12. Власова, С. В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–18.

13. Экспертная квалифицированная оценка. URL: http://www.expertugproc.ru/news/ehkspertnaja_ocenka_stati_vlasova_s_v_k_voprosu_o_prisposablivanii_ugolovno_processualnogo_mekhanizma_k_cifrovoj_realnosti/2018-04-11-7 (дата обращения: 08.08.2019).

14. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А. С. Александрова. Москва: Юрлитинформ, 2015. 304 с.

15. Розовский, Б. Г., Зинченко, И. А. К дискуссии о Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права // Международная ассоциация содействия правосудию. URL: <http://www.iauaj.net/node/2005/> (дата обращения: 08.08.2019).

16. Муравьев, М. В. Актуальность реформирования уголовно-процессуального доказательственного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2 (44). С. 174–182.

17. Основы теории электронных доказательств / под ред. С. В. Зуева. Москва: Юрлитинформ, 2019. 400 с.

18. Першин, А. Н. Электронный носитель информации как новый источник доказательств по уголовным делам // Уголовный процесс. 2015. № 5. С. 48–54.

19. Забавина, А. Ю., Киселев, Е. А. Проблемы законодательной регламентации использования данных спутниковых навигационных систем в раскрытии и расследовании преступлений // Российский следователь. 2015. № 4. С. 7–11.

20. Григорьев, В. Н., Максимов, О. А. Некоторые вопросы использования электронных носителей информации при расследовании уголовных дел // Полицейская деятельность. 2018. № 1. С. 1–8.

21. Правила подготовки нормативных правовых актов Федеральной таможенной службы и их государственной регистрации: приказ ФТС России от 01.12.2016 № 2266 // СПС «Консультант-Плюс».

22. Григорьев, В. Н. О бережном, профессиональном отношении к уголовно-процессуальной форме и некоторых современных тенденциях в ее развитии // Право и жизнь. 2010. № 143 (5). С. 76–86.

© Григорьев В. Н.

УДК 004.056

З. И. ХАРИСОВА, доцент кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат технических наук (г. Уфа)

Z. I. KHARISOVA, associate professor of the Chair of Management in the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Russia, Candidate of Technical Sciences (Ufa)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ
ПРЕСТУПНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

**CURRENT ISSUES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF CRIME
COUNTERACTION IN THE GLOBAL «NETWORK»**

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы и методы противодействия преступности в цифровом пространстве, приводится динамика преступлений, совершенных в сети «Интернет» за последние 6 лет. Автором показана необходимость развития компьютерной криминалистики, приводятся ключевые методы раскрытия преступлений в сети «Интернет».

нет», предлагаемые для включения в программы подготовки специалистов в области расследования киберпреступлений.

Ключевые слова и словосочетания: информационная безопасность, киберпреступность, выявление информационных угроз, конфиденциальность данных, нарушение целостности информации, перехват информации, предотвращение киберпреступности.

Annotation. The main problems and methods of cybercrime counteraction in the digital space and the dynamics of cybercrime over the past 6 years are considered in the article. The author shows the need for the development of computer forensics, provides key methods for solving crimes on the Internet, proposed for inclusion in training programs for specialists in the field of investigation of cybercrime.

Keywords and phrases: information security, cybercrime, detection of information threats, data confidentiality, information integrity violation, information interception, cybercrime prevention.

Согласно статистическим данным за 2018 год правоохранными органами Российской Федерации было зарегистрировано более 100 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [1]. По сравнению с 2017 годом количество такого рода преступлений возросло более чем на 33 %. За последние 6 лет киберпреступность, согласно статистике, демонстрирует десятикратный рост. Так, в 2013 году подобных преступлений было порядка 11 тыс., в 2014 г. – 44 тыс., в 2016 г. – более 66 тыс. Динамика совершенных за указанные годы преступлений в цифровом пространстве показана на рисунке 1.

По опубликованным данным, следует, что только с 2015 по 2016 год число мошенничеств в области информационных технологий выросло в 6 раз (с 2,2 до 13,4 тыс.), число краж возросло более чем в 3 раза (с 2,3 до 8,5 тыс.), количество преступлений с использованием глобальной сети «Интернет» и иных инфокоммуникационных технологий возросло в 5,5 раз (с 995 до 5,5 тыс.). Наносимый материальный ущерб только по сравнению с предыдущим годом возрос на 33,4 %.

Кроме того, отмечается тенденция снижения уровня раскрываемости преступлений правоохранными органами (в среднем на 2 %), что является следствием вновь организующихся форм правонарушений в этой области и недостатком применения мер по противодей-

ствию им. Удельный вес преступлений с использованием инфокоммуникационных технологий от общего числа зарегистрированных за 2018 год преступлений составляет 8,1 %.

Данная статистика наглядно показывает необходимость решения проблем противодействия преступности в глобальной сети «Интернет» и своевременного принятия мер по предупреждению киберпреступлений.

Актуальность данной темы также обусловлена множеством выявленных фактов нарушения целостности и конфиденциальности данных, в том числе утечкой информации в сеть «Интернет». Так, в апреле 2019 года согласно сведениям информационного портала «ItSec – Информационная безопасность» [2], неправомерно был обнародован реестр лиц, сформированный банковскими структурами в соответствии с требованиями Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Сложившаяся ситуация негативно может сказаться на статусе лиц, входящих в обнародованный список, а также подорвать экономическую ситуацию страны в целом.

Решение проблемы кроется не только в шифровании информации и использовании сертифицированных средств криптографической защиты информации, но и в грамотном подходе к проектированию систем защиты информации,

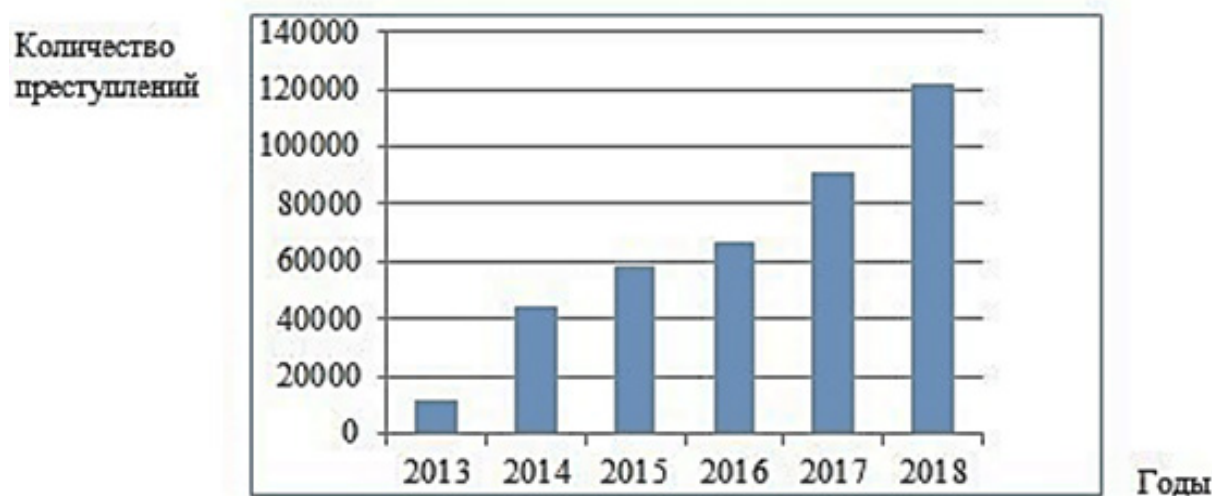

Рис. 1. Динамика совершаемых киберпреступлений за последние 6 лет

повышению ответственности за несоблюдение условий конфиденциальности. Преступления такого рода подпадают под статью о незаконном получении и разглашении сведений, составляющих банковскую тайну, и влекут за собой ответственность в виде лишения свободы сроком до семи лет.

Основными проблемами противодействия преступности в сети «Интернет» на сегодняшний день являются:

1. Низкое количество сообщений от потерпевших в правоохранительные органы о совершении преступлений с использованием инфокоммуникационных технологий.

2. Недостаточный уровень квалификации сотрудников, привлекаемых к раскрытию преступлений в области информационных технологий.

3. Недостаточное финансирование сферы противодействия киберпреступлениям (проблема оснащения подразделений, занимающихся раскрытием киберпреступлений, современными техническими средствами).

4. Нарушение прав на неприкосновенность частной жизни при расследовании киберпреступлений.

5. Наличие лишь общезаконодательных мер и отсутствие положений, наи-

более полно рассматривающих порядок расследования преступлений в сети «Интернет».

6. Идентификация преступников в случаях, когда преступление совершено с использованием незащищенной сети передачи данных (открытые Wi-Fi сети, локальные сети предприятий, облачные хранилища и пр.).

7. Недостаточный уровень стратегически спланированных мер по предотвращению преступлений в сети «Интернет».

Согласно опубликованному Всестороннему исследованию проблем киберпреступности Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступлениям (далее – УНП ООН) [3] в среднем по всему миру в правоохранительные органы обращается лишь 1 % жертв преступных посягательств в области информационных технологий, в ряде международных исследований частного сектора приводится статистика об обращении лишь 20 % лиц, ставших жертвами киберпреступлений.

Часто бездействие потерпевших обусловливается безосновательным предположением о крайне низкой вероятности раскрытия преступления. Кроме того, в случае обращения в правоохранитель-

ные органы потерпевшие зачастую не могут предоставить минимально необходимые данные и электронные доказательства для создания картины расследования (точки доступа к данным, параметры входа в сеть, учетные данные и пр.), что является следствием пока еще низкого уровня просвещенности населения в области информационно-коммуникационных технологий, в частности, в странах с низким показателем индекса человеческого развития. Также, как отмечается в некоторых источниках, крупные компании и корпорации не желают сообщать в правоохранительные органы о совершенных преступлениях в сети «Интернет» в связи с действующей репутационной политикой.

В связи с этим предлагается повышать уровень информированности населения, активизировать просветительскую деятельность, отдельные виды преступлений, в частности, расследования в отношении крупных корпораций и компаний следует брать под особый контроль с учетом сохранения репутационной политики.

Недостаточный уровень квалификации сотрудников, привлекаемых к раскрытию преступлений в области информационных технологий, обусловлен цифровой революцией. Часто обучение специалистов осуществляется с большим временным отрывом, что особенно заметно в данной области в условиях глобализации. Для определения уровня развития ведомств по раскрытию преступлений в глобальной сети «Интернет» введен показатель – количество специалистов на 100 тыс. пользователей [3]. Так, в развитых странах, согласно данным, приводимым УНП ООН, показатель варьируется в пределах от 0,4 до 1, в менее развитых странах показатель достигает 0,2. Отдельной проблемой является отставание стран в сфере высоких технологий (например, по индексу развития человеческого потенциала), как следствие, уровень национальной информационной

безопасности таких стран обеспечивается недостаточно.

Решение данной проблемы кроется в разработке образовательных программ с учетом необходимости изучения не только основ информационной безопасности на правовом и организационном уровнях, но и с учетом специфики киберпреступлений на техническом уровне – физическом, аппаратном, программном и криптографическом. При подготовке специалистов отдельно следует рассматривать компьютерную криминалистику (форензику), уделять внимание методам сбора цифровых доказательств, изучению фреймворков для криминалистического анализа и проведения оперативных исследований на удаленных конечных точках, анализу сетевого взаимодействия, средств извлечения информации с исследуемых образов операционных систем, жестких дисков и энергозависимой памяти, средств изучения машинных носителей информации, цифровых устройств и тому подобных элементов.

Отдельной проблемой является недостаточный уровень оснащения подразделений, занимающихся раскрытием киберпреступлений, современными техническими средствами, например:

- средствами выемки аппаратного обеспечения и электронных доказательств;
- средствами создания электронных образов и хэш-кодов, восстановления данных по «отпечаткам» в памяти жестких дисков, обработки и расшифровки данных;
- средствами удаленной экспертизы оборудования и уничтожения информации.

Увеличение финансирования этой области является, пожалуй, неотъемлемым условием повышения качества раскрытия киберпреступлений. Кроме того, получение правоохранительными органами электронных доказательств от поставщиков услуг сети «Интернет» часто требует дополнительных вмешательств, связан-

ных с оформлением документов, разрешающих сбор, обработку и перехват интересующей информации. В Российской Федерации признание электронных доказательств введено лишь с 1 января 2017 года. Так, в качестве доказательств допустимо использовать письменные и вещественные доказательства, сведения в виде аудиозаписей и видеоматериалов, в том числе электронную переписку.

Согласно ч. 3 ст. 75 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ в качестве письменных доказательств допускаются документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием глобальной сети «Интернет». Также в качестве доказательств допустимо использовать документы, подписанные электронной цифровой подписью [4].

Использование клавиатурных шпионов, программного обеспечения удаленного администрирования и программ сбора данных является вмешательством в частную личную жизнь, лишь ряд международных документов (МСЭ/КАРИКОМ/КСЭ) предусматривает порядок проведения удаленной судебной экспертизы сотрудниками правоохранительных органов и экспертами. Для исключения трудностей передачи данных от оператора-обработчика конфиденциальных данных целесообразно пересмотреть механизм предоставления данных.

Отдельной проблемой является невозможность или сложность получения экстерриториальных данных, информации, хранящейся на серверах иностранных государств и находящейся вне юрисдикции следственных органов [5]. В этих целях целесообразно налаживать связь с поставщиками услуг и разработчиками информационных систем, обладающими правами использования, хранения и обработки данных о пользователях, в том числе о совершаемых ими действиях.

Часто при получении запросов от правоохранительных органов Интернет-провайдеры и поставщики услуг ссылаются на нормы права, ограничивающие передачу конфиденциальных данных. Под передаваемыми данными понимаются IP-адреса, истории соединений, точки доступа, истории сеансов, идентификационные данные, переписки, cookie-файлы, информация об используемом пользователем устройстве и его параметрах, данные о местоположении, так называемые артефакты. Как правило, передача данных производится на основании официальных запросов, что требует значительных усилий специалистов по оформлению всех необходимых для этого документов и продолжительного времени.

Встречаются случаи, когда невозможность причисления отдельных форм преступлений в цифровом пространстве к существующим правовым нормам весьма затрудняет и затягивает ход расследуемого дела. Так, невзирая на наличие общезаконодательных мер, отсутствуют положения, рассматривающие подкатегории киберпреступлений в отдельности, по степени нанесения вреда и пр., в связи с этим намечается необходимость проведения мониторинга совершаемых киберпреступлений с целью выработки объективных законодательных мер.

Отдельной проблемой является идентификация преступников в случаях, когда преступление совершено с использованием незащищенной сети передачи данных (открытые Wi-Fi сети, локальные сети предприятий, облачные хранилища и пр.).

Несмотря на то что на сегодняшний день практически все общественные сети используют идентификацию абонента, вероятность подмены учетных данных все равно остается. Ежедневно совершаются сотни преступлений с использованием подменных учетных данных, как правило, ситуации такого рода

возникают по халатности самих пользователей-потерпевших.

В качестве примера можно привести сохраненные связки учетных данных в общественной точке доступа, использование несертифицированного программного обеспечения персональных компьютеров, а также мобильных устройств. Определенную опасность несут неаттестованные информационные системы предприятий, нешифрованные локальные и облачные хранилища без использования специализированного криптографического программного обеспечения.

Как показывает статистика, раскрытие преступлений, связанных с внедрением злоумышленников в локальные сети и облачные хранилища при отсутствии защищенного с помощью сертифицированных технических и программных средств сегмента сети и несоблюдении требований информационной безопасности, практически сводится к нулю.

Поскольку сеть «Интернет» посредством глобального адресного пространства связывает между собой множество информационных систем и сетей электросвязи всех стран и предоставляет возможность коммуникации лиц с помощью протокола передачи данных, постольку важно обеспечивать надлежащее функционирование данной сети для предотвращения в целях, противоречащих концепциям информационной безопасности.

Кроме того, важна своевременность введения поправок в Стратегию национальной безопасности [7] и План реализации мероприятий по ее укреплению. В этих целях разработана концепция безопасного функционирования и развития сети «Интернет» (проект концепции Конвенции ООН) [8], где приводятся принципы поведения государств по управлению глобальной сетью «Интернет» и оказанию содействия.

В последние годы виды преступлений в сфере информационных технологий качественно меняются и продолжают непрерывно эволюционировать, становясь высокоорганизованными и более изощренными. Возрастает также техническая оснащенность преступников, в связи со стремительным развитием информационных технологий появляются новые способы совершения противоправных деяний, а это диктует необходимость принятия незамедлительных и адекватных мер по противодействию преступлениям в сфере обращения цифровой информации, развития компьютерной криминалистики (форензики) и своевременно внесению изменений в программы обучения специалистов по раскрытию преступлений в области инфокоммуникационных технологий, в частности, в глобальной сети «Интернет».

Рассмотренные методы раскрытия наиболее часто встречающихся в настоящее время киберпреступлений предлагаются для включения в программы подготовки специалистов в области защиты информации, в том числе специалистов в области правоохранительной деятельности, что будет способствовать решению одной из заявленных проблем противодействия преступности в сети «Интернет» в части обеспечения достаточного уровня квалификации сотрудников, привлекаемых к раскрытию преступлений в области информационных технологий. Кроме того, одним из доступных на сегодняшний день методом противодействия киберпреступности является повышение уровня информированности населения в этой сфере. В этих целях возможно решение проблемы, например, в виде размещения на рекламных площадках региона социально направленных баннеров и проведения плановой просветительской работы среди граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 12.04.2019).
2. Информационная безопасность. Информационный портал. URL: <http://www.itsec.ru/news/v-set-utiok-chiorniy-spisok-klientov-bankov-podozrevaemih-v-otmivanii-dohodov> (дата обращения: 12.04.2019).
3. Всестороннее исследование проблемы киберпреступности. Официальный Интернет-портал Управления ООН по наркотикам и преступлениям. URL: www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/cybercrime_study_210213.pdf (дата обращения: 12.04.2019).
4. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».
5. Харисова, З. И. Международно-правовые основы информационной безопасности в целях устойчивого развития // Правовое обеспечение развития социального государства в свете целей устойчивого развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018.
6. Харисова, З. И. О некоторых проблемах обеспечения информационной безопасности государства и общества от современных киберугроз // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 18 апреля 2019 г.). Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2019.
7. Проект-концепция конвенции ООН – концепции безопасного функционирования и развития сети «Интернет». Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/36739/> (дата обращения: 12.04.2019).

Харисова З. И.

УДК [343.1.046+347.932](470)

А. Р. ШАРИПОВА, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, кандидат юридических наук (г. Уфа)

A. R. SHARIPOVA, associate professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of Institute of Law of Bashkir State University, Candidate of Law (Ufa)

**О МЕЖОТРАСЛЕВОЙ УНИФИКАЦИИ ПРАВИЛ
О СРОКАХ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ**

**ON THE INTERBRANCH UNIFICATION OF THE RULES
ABOUT THE TERM OF JUSTICE**

Аннотация. Определена универсальность института сроков для всех процессуальных отраслей права. Выявлены необоснованные различия в части установления сроков отправления правосудия между отраслями. Среди них особо отмечено отсутствие законодательно установленного срока рассмотрения дела судом первой инстанции в уголовном процессе. С привлечением статистического и сравнительно-правового материала рассмотрено межпроцессуальное соотношение «разумных сроков». Аргументировано, какие существенные условия института сроков должны быть едиными для всех судебных отраслей, а какие – могут иметь различия в силу специфики отдельных судопроизводств.

Ключевые слова и словосочетания: суд, уголовный процесс, процессуальные сроки, срок рассмотрения дела, разумный срок судопроизводства, межотраслевая унификация.

Annotation. *The universality of the institution of terms for all procedural branches of law is defined. Unreasonable differences are revealed in terms of establishing the terms of administration of justice between the branches. Among them, the absence of a statutory period for consideration of the case by the court of first instance in the criminal process was particularly noted. With the involvement of statistical and comparative legal material, the inter-procedural ratio of «reasonable terms» has been considered. It is argued that the essential conditions of the institution of terms should be the same for all judicial branches, and which may have differences due to the specifics of individual legal proceedings.*

Keywords and phrases: *court, criminal procedure, procedural deadlines, term of consideration of the case, reasonable term of legal proceedings.*

Задачи всех процессуальных отраслей, сформулированные по-разному в соответствующих законах, по умолчанию подразумевают или даже называют в своем составе быстроту рассмотрения дела. То, что любой процесс должен быть настолько скорым, насколько это будет не в ущерб его качеству, в доказывании не нуждается, это очевидно. Окончания отдельных процессуальных этапов и рассмотрения дела в целом всегда кто-то ожидает, а следовательно, необходимыми для уголовного, гражданского, арбитражного и административного процессов, бесспорно, являются сроки как меры этого ожидания.

Мы полагаем, что институт сроков является универсальным для упомянутых отраслей, по крайней мере, в их судебной части. Рассмотрим детали регламентации отдельных видов сроков, их продолжительности, сходства и обоснованные различия в процессуальных отраслях.

Первое знаковое отличие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от остальных процессуальных законов состоит в том, что в нём не устанавливается срок для рассмотрения дела судом первой инстанции по существу. Принято оправдывать это странное, по нашему мнению, явление традиционными аргументами о том, что все дела разные, предвидеть законодатель разброс их сложности не может, поэтому устанавливать единый срок нельзя. Возразить на это можно.

Во-первых, дела различаются сложностью, количеством эпизодов, числом участников, составом доказательств и их характеристиками во всех процессуальных отраслях. Тем не менее все они устанавливают единый срок рассмотрения дела: в арбитражном процессе в исковом производстве он составляет 3 месяца со дня поступления заявления в суд (ч. 1 ст. 152 Арбитражного процессуального кодекса РФ), причем статья, в которой закреплена соответствующая норма, открывает главу, посвященную судебному разбирательству, что отражает осознание ее важности законодателем. Гражданский процесс устанавливает в качестве основного для искового производства 2 месяца со дня поступления заявления в суд (ч. 1 ст. 154 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ)). Обычным сроком согласно ч. 1 ст. 141 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) для административного судопроизводства являются 2 месяца.

Во-вторых, если сторонники отсутствия нормы о рассматриваемом сроке в уголовном процессе так опасаются установления временного лимита для «сложных» дел, то можно в качестве ординарного установить как раз такой срок, который будет достаточен именно для них. Менее сложные дела будут рассматриваться судами до истечения этого срока. Другой вариант определения оптимального срока следует исходя из данных статистики Судебного департамента

при Верховном Суде РФ за 2018 год, по результатам которых более 80 % уголовных дел (не считая рассмотренных в особом порядке) разрешено судами первой инстанции менее чем в трехмесячный срок (исключая срок приостановления), 19 % – в срок от 3 месяцев до года и менее 1 % – в больший срок. Арбитражными судами первой инстанции нарушение трехмесячного срока допущено в 3,7 % случаев [1].

Если принять 3–5 % за величину доли дел, по которым просрочка рассмотрения неизбежна в любом виде судопроизводства, то нужно предположить, что нормальный срок рассмотрения уголовного дела находится где-то в промежутке между 3 месяцами и 1 годом, причем ближе он к 3 месяцам.

В-третьих, мы осознаем, что установленные процессуальными отраслями сроки рассмотрения дела судом являются только дисциплинирующими, а не пресекательными (или «сроки, продолжительность которых не может быть продлена» [2, с. 55–56], а не наоборот, или «условными», а «некатегоричными» [3, с. 16] и т. д.). Ни для кого не секрет, что они нарушаются во всех видах судопроизводств с разной степенью частоты по объективным и субъективным причинам. Но мы полагаем, что судебной системе лучше иметь 5 % дел, рассмотренных с нарушением срока, чем 100 % дел, рассматриваемых бессрочно.

Важнейшее межпроцессуальное значение сроков осуществления тех или иных юридических процедур, связанных с отправлением правосудия, состоит в понятии, сформировавшем новый процессуальный принцип, – в разумном сроке судопроизводства, которому с момента его появления в 2010 г. посвящено много работ в разных отраслях юридической науки [4–6].

Процессуальные законы перечисляют набор факторов, влияющих на определение разумного срока в каждом

конкретном деле. Это правовая и фактическая сложность дела, поведение участников процесса, достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела, а также общая продолжительность судебного разбирательства (ст. 6.1 АПК РФ, ст. 6.1 ГПК РФ, ст. 10 КАС РФ). В этом контексте применительно к уголовному процессу необходимо сделать оговорку: судопроизводством здесь называется не только собственно судебное производство по уголовному делу, но и обеспечивающая его деятельность властвующих субъектов досудебного производства – прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, согласно ст. 6.1 УПК РФ.

Наличие регламентированного уголовно-процессуальным законом досудебного производства определяет существенную и вполне понятную специфику реализации принципа разумного срока отправления правосудия по уголовным делам. Однако принимая эту реальность, нельзя не подчеркнуть, что после передачи уголовного дела в суд эта специфика существенно сглаживается в сравнении с другими видами судопроизводства и в части установления сроков не всегда может объяснять радикальное отличие уголовного процесса от любого другого.

Более того, полагаем, что актуальность требования «скорого суда» по уголовным делам даже выше, чем в других отраслях правосудия в силу привязки этих сроков к срокам содержания человека под стражей, к принципу неотвратимости уголовной ответственности, который не может не страдать от самого факта временного удаления момента возмездия за преступление от момента его совершения.

Единый межпроцессуальный подход к определению разумного срока следует и из положения Федерального закона от

30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», предусматривающего возможность обращения в суд за присуждением компенсации по любому судебному делу до окончания производства по нему, если оно рассматривается более 3 лет (п. 5 ст. 3 УПК РФ).

Мы считаем, что законодатель, предусматривая 3 года как срок, достаточный для возникновения у стороны по судебному делу оснований считать его «неразумным», исходил из определенного соотношения его с ординарным сроком рассмотрения дел. Под ординарным мы понимаем предусмотренный в качестве основного для традиционного хода судебного разбирательства в разных процессуальных отраслях дисциплинирующий срок, составляющий, как мы указывали, 2 или 3 месяца.

Если исходить из справедливости данного суждения, то при равенстве величины разумного срока в разных судопроизводствах следует предположить и необходимость равенства ординарных сроков судебного рассмотрения дел в них же. А если учесть также то, что в «трехлетний» разумный срок уголовного судопроизводства, в отличие от иных отраслей, входит еще и срок досудебной стадии процесса, то получится, что срок судебного рассмотрения должен быть едва ли не меньше, чем в остальных процессуальных отраслях.

Необходимость установления какого-либо срока для судебного рассмотрения дела даже при распространенных опасениях последствий нарушения этих сроков все же осознается. Так, в УПК Республики Казахстан установлен срок судебного разбирательства дела в сокращенном порядке, который составляет 10 или 20 дней (ст. 382). Аналогично в ст. 382 УПК Украины установлен пятидневный срок упрощенного производства. В соответствии со ст. 405 УПК Республи-

ки Узбекистан продолжительность судебного разбирательства по уголовному делу не должна превышать двух месяцев со дня начала разбирательства. В срок разбирательства уголовного дела не входит время, в течение которого рассмотрение дела было приостановлено. Данный срок может быть продлен до 4 месяцев вышестоящими судами, а в «исключительных случаях только по сложным и многоэпизодным делам» – до 5 и 6 месяцев – заместителем председателя и председателем Верховного Суда Республики Узбекистан соответственно.

Таким образом, несмотря на общность проблем всех стран с различным уровнем сложности уголовных дел, законодатель Узбекистана решился провести какую-то черту (пусть даже «пунктирную») под сроком рассмотрения дела судом по существу.

Интересно, что гражданские дела в Узбекистане должны рассматриваться, включая время подготовки к судебному разбирательству, за 1 месяц и 10 дней, а срок этот может быть продлен максимум вдвое (ст. 131 ГПК Республики Узбекистан). Аналогичный срок по Экономическому процессуальному кодексу Республики Узбекистан составляет 1 месяц и 5 дней и может быть увеличен максимум на 1 месяц (ст.ст. 163–164). Ровно такие же правила установлены в ст.ст. 140–141 Кодекса Республики Узбекистан об административном судопроизводстве.

Полагаем, что двукратное соотношение ординарных сроков рассмотрения дела судом в уголовном и остальных процессах учитывает большинство различий между уголовным и гражданским, арбитражным (экономическим) или административным делом, обуславливающих более долгое рассмотрение уголовных дел. Применительно к отечественному законодательству использование опробованной в Узбекистане пропорции привело бы к установлению шестимесячного ординарного срока рас-

смотрения уголовного дела судом первой инстанции.

Несмотря на то что ни в УПК РСФСР, ни в УПК РФ не было и нет сроков рассмотрения дела судом первой инстанции, а многие процессуалисты даже не видят такую ситуацию в числе проблем уголовно-процессуального права [2, с. 166–173], у нас все же есть некие представления о том, сколько должно длиться судебное разбирательство. В основном эти представления связаны с шестимесячным сроком заключения под стражу на период рассмотрения дела судом, установленным ст. 255 УПК РФ. И это является дополнительным подтверждением обоснованности установления подобного срока рассмотрения уголовного дела судом на законодательном уровне.

Нужно понимать, что проблема соотношения стремления к скорости судопроизводства и к его качеству характерна для всех процессуальных отраслей, а не только для уголовного процесса. Но возможный конфликт между быстротой и качеством рассмотрения дела по существу должен решаться в конкретном случае пропуском установленного ординарного срока (или его продлением, если такой путь выберет законодатель, подобно тому, как это происходит в предварительном расследовании), а не отказом от установления срочности судебного производства по этому уголовному делу.

Различия в законодательных решениях частных вопросов, касающихся сроков, должны быть проанализированы на предмет обоснованности. Полагаем, что во всех отраслях сроки должны исчисляться в часах, днях, месяцах и годах как универсальных и приемлемых по масштабу единицах времени. Примечательно в этом смысле, что самый длительный уголовный процесс официально не исчисляет время годами (ч. 1 ст. 128 УПК РФ), а самый быстрый арбитражный – часами (ч. 3 ст. 113 АПК РФ). При

этом во всех процессуальных законах «сутки» и «дни» используются как синонимы (что, вероятно, неправильно с точки зрения законодательной техники, но безобидно), а УПК РФ использует в качестве единицы измерения «год», который не закрепляет в упомянутой выше общей статье о сроках (например, ст.ст. 214, 326, 400, 401.6).

Единообразно, по нашему мнению, следует решать и вопрос о течении сроков в нерабочие дни. Так, согласно ст. 113 АПК РФ в сроки, исчисляемые днями, не включаются нерабочие дни. В других кодексах есть лишь указание на то, что если окончание срока приходится на нерабочий день, то последним днем срока считается первый следующий за ним рабочий день (ст. 128 УПК РФ, ст. 107 ПК РФ, ст. 93 КАС РФ).

В УПК РФ закреплён 24-часовой срок рассмотрения ходатайств об обеспечении предполагаемых имущественных взысканий путем наложения ареста на имущество (ст.ст. 115, 165), для которых допустима прямая аналогия с гражданскими отраслями правосудия. Не выглядит такая аналогия абсолютно экзотичной и применительно к другой так называемой иной мере уголовно-процессуального принуждения – к временному отстранению подозреваемого или обвиняемого от должности, ходатайство о котором рассматривается в течение 48 часов с момента его поступления в суд (ст. 114 УПК РФ). В ст. 93 АПК РФ установлено, что заявление об обеспечении рассматривается не позднее следующего дня после дня поступления заявления в суд.

Мы полагаем, что институты иных мер процессуального принуждения (гл. 14 УПК РФ), обеспечительных мер Арбитражного суда (гл. 8 АПК РФ), мер по обеспечению иска (гл. 13 ГПК РФ) и мер по предварительной защите (гл. 7 КАС РФ) являются аналогичными [7], их юридическая природа выражается также в их срочности, поэтому полагаем, что

однодневный срок рассмотрения соответствующих ходатайств (заявлений) не будет чрезмерно коротким ни для какой процессуальной отрасли.

Несколько деталей касаются сроков совершения действий, связанных с составлением протокола. Так, установленный срок составления протокола по УПК РФ – 3 суток (ст. 259), такой же срок установлен ст.ст. 230 ГПК РФ и 206 КАС РФ для гражданского и административного судопроизводства. Согласно ст. 155 АПК РФ аналогичный срок составляет 1 день.

Длительное, по сравнению с арбитражным процессом, изготовление протокола в остальных судопроизводствах логично было бы объяснить тем, что в первом в качестве основного средства фиксации данных выступает не протокол, а аудиозапись, следовательно, протокол изготовить проще и быстрее.

Однако согласно Федеральному закону от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ вносятся изменения (вступающие в силу с 1 сентября 2019 г.), устанавливающие необходимость ведения в судах, наряду с письменным протоколом, аудиопротokolирования. Но несмотря на эти изменения, срок составления протокола оставлен прежний – 3 суток, хотя появляются основания для его сокращения.

Необходимость установления процессуальных сроков настолько естественна, что обосновывать ее кажется излишним. Любые процессы, происходящие со сроками, как объективные (истечение), так и субъективные (возобновление, прерывание, приостановление, продление), требуют регламентации во всех отраслях, а поскольку связаны они с универсальным понятием времени, то и установлены должны быть одинаково.

Различными в процессуальных отраслях могут быть только величины сроков, если на это есть объективные причины (например, срок на обжалование итогового судебного акта); специфичными для отрасли будут сроки действий, которые присущи только этой отрасли, скажем, срок для ознакомления подсудимого с делом в уголовном процессе.

Здесь далеко не все различия имеют объективные основания. Сейчас уже мало кто вспоминает, что в советские годы срок принесения кассационной жалобы на приговор по уголовному делу составлял 7 суток, а на решение по гражданскому делу – 10 суток.

Понятного объективного объяснения такое различие не имело, поэтому унификация этого срока в постсоветские годы всеми воспринималась как нечто естественное и никаких возражений не вызывала. И дело не в том, что интересы каждой отрасли в отдельности пострадают, если одни и те же сроки в них будут регламентироваться по-разному, а в том, что сроки – это понятие, близкое в общеправовом смысле к категориальному – времени, должны подпадать под одни и те же стандарты. На международно-правовом уровне стандарты правосудия едины для всех отраслей судебной деятельности при том, что уголовно-процессуальная специфика оговаривается в международно-правовых документах.

Не отрицая этой специфики, полагаем всё же, что сформировавшееся веками право человека на скорый суд (упомянутое, например, в Шестой поправке к Конституции США [8], принятой в 1789 г.) само по себе нуждается в равной гарантированности в любой судебной отрасли подобно, например, принципу равенства всех перед законом и судом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // Основные статистические показатели судов общей юрисдикции за 6 месяцев 2018 г. Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов РФ в I полугодии 2018 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.06.2019).
2. Петрова, Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности. Саратов, 2006. 184 с.
3. Маслов, И. В. Правовая регламентация уголовно-процессуальных сроков (досудебное производство). Москва, 2004.
4. Малофеев, И. В. Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 217 с.
5. Мусаева, А. Г. Судопроизводство в разумный срок как гарантия конституционного права граждан на судебную защиту: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 159 с.
6. Белякова, А. В. Проблемы защиты права на судопроизводство в разумный срок в гражданском и арбитражном процессах в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 178 с.
7. Шарипова, А. Р. Сравнительно-правовой анализ обеспечительных мер в уголовном, арбитражном, гражданском и административном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 4. С. 95–100.
8. Конституция Соединенных Штатов Америки от 17 сентября 1787 г. // СПС «Консультант-Плюс».

© Шарипова А. Р.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 347.454:338.48(470)

А. В. РАДОНОВА, начальник договорно-правового отдела Алтайского государственного института культуры, кандидат исторических наук (г. Барнаул)

A. V. RADONOVA, head of the Legal Department of Altai State Institute of Culture, Candidate of Historical Sciences (Barnaul)

**О КОЛЛИЗИЯХ СОДЕРЖАНИЯ ДОГОВОРА
НА ОКАЗАНИЕ ТУРИСТСКИХ УСЛУГ В СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИСТИКЕ**

**CONFLICTS ABOUT THE CONTENT OF THE AGREEMENT ON RENDERING
OF TOURIST SERVICES IN MODERN CIVIL LAW**

Аннотация. Российская цивилистика I-ой четверти XXI в. переживает период своей актуализации на этапе формирования рыночных основ отечественной экономики, основанной на свободе предпринимательства и приоритете прав человека. Развитие рыночных отношений ставит перед нашим государством совокупность задач, среди которых важное место занимает эволюция договорных отношений с целью удовлетворения интересов народонаселения, в том числе в туристской сфере. В статье прослеживается эволюция содержания туристской услуги в правовой системе Российской Федерации. Исследуется нормативно-правовая основа, характе-

ризуются проблемы и достижения законотворческого процесса в этой области, определяются основные направления усовершенствования правового регулирования сферы возмездного предоставления туристских услуг на ближайшие десятилетия XXI века.

Ключевые слова и словосочетания: туризм, туристские услуги, туристский ресурс, туристский продукт, туристская сфера, туристическая деятельность.

Annotation. *The Russian civil law of the 1st quarter of the XXI century is going through a period of its actualization at the stage of formation of the market foundations of the domestic economy based on freedom of business and the priority of human rights. The development of market relations puts before our state a set of tasks, among which an important place is the evolution of contractual relations in order to meet the interests of the population, including in the tourism sector. The article traces the evolution of the content of travel services in the legal system of the Russian Federation. The normative legal basis is investigated; problems and achievements of legislative process in this area are characterized; the main directions of improvement of legal regulation of the sphere of paid provision of tourist services for the next decades of the XXI century are defined.*

Keywords and phrases: *tourism, tourist services, tourist resource, tourist product, tourism sphere, tourist activity.*

Механизм оказания туруслуг, основывающийся субъективные права и обязанности сторон договора, вызывает активные научные дискуссии в России. В отечественной цивилистике отсутствует легальная трактовка сущности гражданско-правового договора. С. Е. Кузахметова и А. Е. Золотарёва в своём исследовании утверждают, что условия договора в его содержании формируются по соглашению сторон [1, с. 20]. М. И. Брагинский считал, что содержание договора необходимо раскрывать через совокупность оговорённых сторонами условий. Причем именно комплекс условий, характеризующих специфику действий сторон, порядок и сроки их реализации, понимают под содержанием договора [2, с. 35].

В научных дискуссиях присутствует и другая позиция по содержанию договора. В частности, С. В. Завьялова утверждает в качестве элементов договора «предмет, участников, срок, цену (в стоимостных договорах), форму и содержание (т. е. права и обязанности сторон)» [3, с. 21]. И. В. Зорин и В. А. Квартальнов под содержанием возмездного договора предоставления услуг понимают обязанности исполнителя оказать услугу, а заказчика – выплатить вознаграждение.

Содержание договора, являясь основанием обязательственного правоотношения, включает субъективные права и обязанности. Соответственно, под содержанием договора предоставления туруслуг, по-нашему мнению, выступает совокупность условий, на которых он заключается. Это видение разделяют большинство российских теоретиков и практиков [4, с. 19].

Возможность устанавливать условия договора соглашением сторон закреплена в п. 4 ст. 421 ГК РФ, за исключением предусмотренных законом случаев [5]. На наш взгляд, это ошибочное утверждение, которое приводит к объединению двух отдельных содержаний: договора и обязательственного правоотношения как следствия заключённого договора. Наша позиция следует из работы М. И. Брагинского «Общее положение о хозяйственных договорах», в которой автор раскрывает под содержанием договора права и обязанности его сторон [2, с. 37].

В современной отечественной цивилистике отсутствует общее мнение по видам и классификации условий, составляющих содержание договора. Большинство специалистов разделяют условия договора на виды по возможным юридическим последствиям. Иными словами,

все условия (содержание договора) можно подразделить на существенные, обычные и случайные.

Мы согласны с выделением дополнительных (обычных, случайных и др.), наряду с существенными, условий договора, хотя эта позиция и не поддерживается большинством цивилистов-теоретиков. Перед внесением в текст договора любое условие, кроме существенных, по ст. 432 ГК РФ должно быть согласовано сторонами [5].

Единственным существенным условием для всех договоров законотворцы признают их предмет, включая количество и качество товаров, работ или услуг. Однако, с нашей точки зрения, предмет возмездного договора о предоставлении туристских услуг должен содержать все слагаемые этой услуги с детальной характеристикой каждого. Как правило, туристская услуга как предмет характеризуемого договора включает минимум две составляющие. Следовательно, для определения предмета требуются список всех услуг, предоставляемых по договору, а также установление их качественного уровня в нормативных документах или соглашениях сторон.

Под качеством туристских услуг понимается комплекс сопутствующих признаков, характеризующих её способность удовлетворять восстановительные потребности: надёжность, защищённость; показатели экономической эффективности; природная чистота.

ГОСТ Р 50690-2000 «Туристские услуги. Общие требования» от 01.07.2001 закрепляет квалификационные признаки туристских услуг по предназначению, порядку исполнения, соответствию правилам комплектности, удобства, пропорциональности и экономической эффективности. Специальные требования предъявляются к обслуживающему персоналу по критериям социальной адаптации [6]. В соответствии со ст. 4 Закона РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 (в ред. от 18.03.2019):

- исполнитель обязан оказать качественную услугу, соответствующую положениям законодательства или договора;
- услуга должна быть адекватной специальным требованиям, закреплённым в законодательстве;
- предоставленная услуга должна отвечать целям своего обычного использования [7].

Вышеназванные правила ст. 4 Закона РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 (в ред. от 18.03.2019) повторяют ст. 469 ГК РФ об уровне качества товара в договоре купли-продажи. Впрочем, ст. 4 Закона РФ «О защите прав потребителей» регулирует не только качество товаров, но и услуг и работ. На наш взгляд, с учётом ГК РФ, впервые закрепившего оказание услуг самостоятельно, смешение показателей качества товаров и услуг в Законе РФ «О защите прав потребителей» безосновательно [8].

В соответствии со ст. 783 ГК РФ, если это не противоречит закону, возмездное оказание услуг (в том числе туристских) регулируется положениями о подряде и бытовом подряде [8]. Характеризуя турсферу с позиций цивилистики, необходимо отметить, что на оценку полученной услуги влияет эмоциональное состояние потребителя-туриста, которое зависит от индивидуальных особенностей: общекультурных (национальных, корпоративных и др.); физиологических (возраст, состояние здоровья и др.).

Считаем возможным указать дополнительные факторы, влияющие на качественный уровень предоставляемой туристской услуги:

- дробность (неконтинуальность) предоставления туристских услуг и неразрывность (единство) их потребления;
- нереальность повторного оказания идентичной туристской услуги или протяжённость качества;
- синхронность производства и потребления туристской услуги, что блокирует возможность исправления недостатков.

Значительное влияние при оценке качества услуги, по-нашему мнению, оказывает уровень сервиса. Допущенную небрежность на этапе предоставления туруслуги исправить невозможно, так как заказчик-турист, принявший ненадлежащую туруслугу, возможности вернуть её производителю не имеет.

Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 (в ред. от 18.03.2019) в ст. 7 закрепляет право туриста-потребителя на безопасную для его жизни, здоровья и имущества услугу. ГОСТ Р ИСО/МЭК 17000-2009 «Оценка соответствия. Словарь и общие принципы» от 01.01.2011 раскрывает определение безопасности услуг через недопустимость нанесения вреда жизни, здоровью и имуществу потребителя, а также окружающей природе [9]. Это более узкая трактовка, по сравнению с зафиксированной во Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948, по которой услуга должна быть безопасной как при обычных условиях её использования, так и при любом ином разумном использовании [10]. Возмездность договора оказания туруслуг по ст. 779 ГК РФ делает существенным его условием цену (стоимость) её предоставления. Причём механизм установления стоимости гл. 39 ГК РФ не регламентирует, только ст. 424 ГК РФ утверждает исполнение договора оплатой стоимости, определённой по соглашению сторон. В исключительных случаях, зафиксированных в законе, используется преискурант, установленный компетентными госорганами.

С нашей точки зрения, вышеприведённые правила определения цены нельзя употреблять к соглашениям о предоставлении туруслуг, так как, характеризуясь признаками ст. 428 ГК РФ, он относится к категории договоров присоединения [8]. В компетенцию туроператора входит установление объёма туруслуги, времени, места, стоимости, порядка оплаты, а турист-потребитель вправе согласиться или отказаться от полученной публич-

ной оферты. Часть 1 ст. 731 ГК РФ и п. 3 ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 (в ред. от 18.03.2019) закрепляют, что заказчик-турист может отказаться от оплаты, хотя и полученной, но не вошедшей в договор дополнительной услуги.

Кроме предмета и цены, ст. 10 Закона РФ «О защите прав потребителей» относит к группе существенных:

- сведения о правовом статусе и индивидуализирующих признаках туроператора (турагента);
- индивидуализирующие признаки туриста;
- информацию об особенностях реализуемого турпродукта;
- временные рамки (срок) оказания туруслуги;
- регламент выставления претензий.

Приведённый перечень критикует в своей работе С. В. Завьялова, по мнению которой, сложно назвать существенными сведения о месте регистрации, реквизитах любой из сторон. Следует признать, потребительские характеристики турпродукта, конечно же, имеют существенное значение. Их внесение в содержание договора подтверждает заботу законотворцев о потребителе-туристе как слабозащищённой стороне соглашения.

Считаем, что увеличение количества существенных условий нельзя беспечно считать позитивным: игнорирование всего лишь одного из них делает договор незаключённым и, как следствие, может повлечь злоупотребления исполнителя (туроператора) по заранее запланированному их невключению.

Маловероятно, что отсутствие консенсуса цивилистов по вопросу преимуществ и пробелов в существенных условиях договора на оказание туруслуг может воздействовать на практику, поскольку все они закреплены в законе. В связи с этим, внесение существенных условий в соглашение является обязательным и безусловным. При этом

участники договора вправе назвать существенными дополнительные условия и по своему согласованию включить их в содержание.

Будучи одним из самых распространённых юридических фактов, договор на предоставление туруслуг выступает основанием установления прав и обязанностей его участников, регулируемых ГК РФ, Федеральным законом № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 (в ред. от 01.07.2019), Законом РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 (в ред. от 18.03.2019) и постановлением Правительства РФ № 1025 «Правила бытового обслуживания населения в РФ» от 15.08.1997 (в ред. от 04.10.2012) [7–8, 11–12].

Общеупотребимые права и обязанности исполнителя и заказчика закреплены в ст. 779 ГК РФ: исполнитель обязан по заданию заказчика оказать услуги (совершить определённые действия или осуществить определённую деятельность), а заказчик обязуется оплатить стоимость этих услуг [8]. Права сторон заключаются в возможности требовать исполнения обязанностей контрагентом. Кроме того, из этой трактовки следует целый комплекс самостоятельных элементов в составе туруслуги. Особенность алгоритма предоставления туристских услуг заключается в том, что туроператор не оказывает их лично, а привлекает на договорной основе третьих лиц. Однако ответственность за действия привлечённых субъектов лежит на туроператоре.

Ещё одним существенным условием выступает срок предоставления туристу оговорённой услуги. Статья 310 ГК РФ не позволяет односторонний порядок изменения срока, за исключением согласования сторон в договоре. В этой ситуации заказчик (турист) вправе потребовать снижения стоимости за предоставленные услуги, поручить услугу третьим лицам и истребовать возмещение от исполнителя либо полностью отказаться от

ещё не предоставленных услуг. Если исполнитель своевременно не приступил к предоставлению туруслуги, происходит прекращение договора об оказании туруслуги, причём исполнитель не вправе требовать возмещения своих затрат на фактически оказанный объём, а также оплату стоимости частично оказанной услуги.

Статья 6 Федерального закона № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 (в ред. от 01.07.2019) закрепляет правомочие туриста на беспрепятственное получение скорой медицинской помощи [11]. Отметим, что это правомочие является только провозглашением, так как во всех государствах медуслуги предоставляются на платной основе. Соответственно, отечественные туристы смогут получить медпомощь на территории Российской Федерации только при наличии медицинского страхового полиса, который имеется у всех граждан РФ. При возникновении потребности в медуслугах за рубежом турист будет вынужден самостоятельно их оплатить.

Закон требует обязательного медицинского страхования туриста только при выезде в некоторые государства, например, с 1993 года в Германию, Францию, Испанию, Австрию и др.

Сверх вышеназванных прав заказчика-туриста ст. 7 Федерального закона № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 (в ред. от 01.07.2019) гарантирует:

- свободу перемещения по территории РФ;
- беспрепятственный доступ к туруслугам с учётом ограничений по законодательству места нахождения;
- возможность компенсации убытков и морального вреда;
- право на поддержку органов власти страны пребывания, получение правовой и другой неотложной помощи;

– доступ к средствам связи [11].

В качестве основных обязанностей ст. 779 ГК РФ закрепляет: у исполнителя – предоставление, а у заказчика – оплату услуги [8]. В ситуации неисполнения (несоответствующего выполнения) обязанностей по договору из-за вины туриста-заказчика услуги оплачиваются полностью, т. е. риск возлежит на заказчике. Хотя законодательством или соглашением может быть предусмотрено другое.

Виновность лица констатирует и п. 1 ст. 401 ГК РФ при обстоятельствах, когда оно не воспользовалось всеми зависящими от него средствами для должного выполнения обязательства [5]. Если причиной неисполнения послужил форс-мажор, в соответствии с законодательством или соглашением турист-заказчик возмещает исполнителю фактические издержки. Иными словами, материальный риск заказчика ограничивается фактическими затратами.

По-нашему мнению, если невозможность исполнения вызвана причинами, зависящими от исполнителя, он не вправе требовать от заказчика компенсации фактически понесённых расходов. К тому же в случае внесения авансового платежа он должен вернуть его заказчику.

В дополнение к перечисленным ст. 7 Федерального закона № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 (в ред. от 01.07.2019) закрепляет ещё несколько взаимобязанностей туриста:

- не нарушать правовую систему государства своего места нахождения;
- считаться с местными традициями, обычаями, религиозными взглядами;
- деликатно относиться к природным ресурсам, памятникам природы, истории и культуры;

– подчиняться регламенту въезда и выезда из иностранного государства;

– исполнять правила личной безопасности [11].

Законодатель подчёркивает, что основой реализации этих обязанностей является предоставление туроператором необходимых сведений (информации). Договором стороны вправе закрепить дополнительные права и обязанности. В случае неисполнения или некачественного выполнения обязательств одной из сторон контрагент получает основания для использования мер ответственности к виновному субъекту.

Подводя итоги, отметим, что гл. 4 Федерального закона № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 (в ред. от 01.07.2019) необходимо дополнить личной обязанностью исполнителя по оказанию туруслуги, как это предусматривает гл. 39 ГК РФ. Хотя, по-нашему мнению, в случае реализации комплексного турпродукта допустимо привлечение третьих лиц. Тем самым будет закреплена презумпция выполнения договора возмездного оказания туруслуг третьими лицами и расширены правила ст. 430 ГК РФ о договорах в интересах третьего лица.

Заключая соглашения в пользу третьего лица, исполнитель должен принимать во внимание, что третье лицо, которое не является стороной этой сделки, может оказать влияние на правоотношение: у него появляется возможность требовать от исполнителя (турорганизации как должника по сделке), например, достоверной информации о предлагаемой услуге, а от исполнителя выполнения отдельных элементов комплексной туруслуги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузахметова, С. Е., Золотарёва, А. Е. Правовая природа и существенные условия договора о реализации туристского продукта // Право и экономика. 2015. № 5. С. 20–25.

2. Брагинский, М. И. Общее положение о хозяйственных договорах. Минск: Наука и техника, 1967. 260 с.
3. Завьялова, С. В. Проблемы гражданско-правового регулирования туристской деятельности в Российской Федерации: монография. Москва: Проспект, 2016. 112 с.
4. Зорин, И. В., Квартальнов, В. А. Туризм как вид деятельности. Москва: Финансы и статистика, 2014. 368 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. 01.06.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
6. ГОСТ Р 50690-2000 «Туристские услуги. Общие требования» от 01.07.2001 // СПС «КонсультантПлюс».
7. О защите прав потребителей: закон Российской Федерации № 2300-1 от 07.02.1992 (в ред. 18.03.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (в ред. 30.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
9. ГОСТ Р ИСО/МЭК 17000-2009 «Оценка соответствия. Словарь и общие принципы» от 01.01.2011 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Всеобщая декларация прав человека 10 декабря 1948 г. // СПС «КонсультантПлюс».
11. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (в ред. 01.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Правила бытового обслуживания населения в РФ: постановление Правительства РФ № 1025 от 15.08.1997 (в ред. 04.10.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

© Радонова А. В.

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 340.148:343.982(470)

С. В. ХОМУТОВ, аспирант кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета (г. Уфа)

S. V. KHOMUTOV, postgraduate of the Chair of Criminalistics of Institute of law of Bashkir State University (Ufa)

**О ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА
ЗАКЛЮЧЕНИЙ ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА**

**ON THE PROBLEMS OF ENSURING QUALITY CONTROL
OF EXPERT AND SPECIALIST CONCLUSIONS**

Аннотация. В статье проведен анализ проблем обеспечения контроля качества заключения эксперта и специалиста. Показаны процессуальные и непроцессуальные виды оценки качества заключений эксперта и специалиста. Рассмотрены отдельные направления криминалистической оценки качества заключений эксперта и специалиста. Представлены обоснованные предложения по изменению нормативных правовых актов. Даны рекомендации по стандартизации экспертных методик, позволяющие получить объективные выводы в заключении эксперта и специалиста и провести его оценку в строгом соответствии с требованиями.

Ключевые слова и словосочетания: судебный эксперт, заключение эксперта, процессуальная оценка, методики, контроль качества, средства и методы.

Annotation. In the article the analysis of problems of providing quality control expert opinion and the opinion of a specialist. Procedural and non-procedural types of quality assessment of expert and specialist opinions are shown. The separate directions of forensic assessment of the quality of expert and specialist opinions are considered. Justified proposals for changes in legal acts are presented. The recommendations on standardization of expert methods, allowing to obtain objective conclusions in the conclusion of the expert and specialist, to assess it in strict accordance with the requirements.

Keywords and phrases: forensic expert, expert opinion, procedural assessment, methods, quality control, tools and methods.

Проблемы качества расследования преступлений и судопроизводства зависят от уровня разработки комплекса действенных рекомендаций по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений [1, с. 53]. Представляется, что в настоящее время должны разрабатываться такие рекомендации не только по повышению качества деятельности следователей, дознавателей, сотрудников оперативных служб, участковых уполномоченных, но и судебных экспертов и специалистов. При этом особого внимания заслуживает решение проблем обеспечения качества основного результата деятельности эксперта – заключения эксперта, которое способствует установлению обстоятельств по уголовному делу, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, и является доказательством [2, с. 53].

Проведенный опрос 90 следователей органов внутренних дел Республики Башкортостан показал, что 48 % из них считают уровень проводимых судебных экспертиз удовлетворительным; 32 % – неудовлетворительным; 20 % – затруднились ответить. Такая оценка качества является общей для всех видов судебно-экспертной деятельности: государственной и негосударственной. Причем сами эксперты негосударственных судебно-экспертных организаций подходят к оценке качества своей деятельности гораздо критичнее: из 80 участвовавших в нашем анкетировании частных экспертов только 20 % признают существующий уровень экспертного обеспечения судопроизводства

достаточным, 69 % – недостаточным, 11 % – затруднились ответить. И этим еще больше подтверждается актуальность исследования проблем контроля качества заключений эксперта и заключений специалиста.

Процессуальная оценка качества заключений эксперта как одного из видов доказательств регламентирована в процессуальном законодательстве (ст. 88 УПК РФ, ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 УПК РФ, ст. 26.11 КоАП РФ) и описана в различных учебных пособиях и монографиях. Данная оценка производится следующими участниками судопроизводства: следователем, дознавателем, руководителем следственного органа, начальником подразделения дознания, прокурором, судом (судьей).

Вместе с тем процессуальные правила получения и оценки качества заключения специалиста до сих пор законодательно полностью не регламентированы [3, с. 17], поэтому и оценивается данный документ в настоящее время по общим критериям оценки доказательств – их соответствию с точки зрения допустимости, достоверности, относимости, а вся собранная система доказательств – достаточности. И хотя не все вопросы процессуальной оценки заключения специалиста решены окончательно, можно констатировать, что общие положения процессуальной оценки заключений эксперта и специалиста достаточно устоялись.

Результатом такой оценки будет принятие процессуального решения о при-

знании заключения эксперта (заключения специалиста) доказательством или недопустимым доказательством, а также решение (в виде определения или постановления) о назначении повторной экспертизы. В последнем случае процессуальное решение по окончательной процессуальной оценке заключения эксперта может быть отложено до получения результатов повторной экспертизы.

Однако становится все более очевидной необходимость решения проблем непроцессуальной оценки качества заключений эксперта и специалиста, которая чаще всего предшествует процессуальной и оказывает, в ряде случаев, решающее влияние на нее.

Из анализа следственной и судебной практики следует, что непроцессуальную оценку заключения эксперта и специалиста проводят: следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, прокурор, суд (судья), защитник, частный обвинитель, потерпевший, представители потерпевшего, подозреваемый, обвиняемый, законные представители несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, специалист, эксперт, руководитель судебно-экспертной организации, свидетель, гражданский истец, гражданский ответчик.

По нашему мнению, непроцессуальная оценка заключения эксперта и специалиста подразделяется на два вида:

1) криминалистическую оценку, осуществляемую сведущими лицами, привлекаемыми для производства судебных экспертиз и исследований, а также их руководителями и участниками процесса, обладающими процессуальными полномочиями назначать судебные экспертизы и использующими заключения эксперта и специалиста со стороны обвинения, а также их руководителями (экспертом, специалистом, руководителем судебно-экспертной организации, руководите-

лем следственного органа, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, прокурором, следователем, дознавателем, судьей);

2) некриминалистическую оценку, осуществляемую участниками процесса, не обладающими процессуальными полномочиями назначать и проводить судебные экспертизы и исследования (потерпевшим, свидетелем, подозреваемым, обвиняемым, защитником, представителем потерпевшего, законным представителем несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, гражданским истцом, гражданским ответчиком).

Причем при проведении некриминалистической оценки заключения эксперта потерпевшим, подозреваемым (обвиняемым) или защитником можно получить сведения о фактах, которые могут повлиять на принятие решения о необходимости проведения повторных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

Так, например, защитник обвиняемого при оценке результатов ситуационной экспертизы, представленной в виде заключения эксперта, может установить ошибку, допущенную в тексте заключения при определении расположения и взаиморасположения участников драки и направления выстрелов, так как установившиеся с обвиняемым лицом доверительные отношения позволяют защитнику лучше знать обстоятельства происшедшего события и распознать несоответствие описанной ситуации в заключении и в действительности [4, с. 106].

В результате этого обнаруженного защитником несоответствия им составляется ходатайство о назначении повторной экспертизы или о проведении повторных допросов участников события. В случае отказа в удовлетворении такого ходатайства защитник может сам обратиться в судебно-экспертную организацию и инициировать проведение несудебной (независимой), так называемой

альтернативной экспертизы [5, с. 84], результаты которой может представить в суд.

В вышеописанном примере, как и во многих случаях некриминалистической оценки другими субъектами (потерпевшим, свидетелем, гражданским ответчиком и др.), результатом такой оценки является обнаружение экспертных ошибок, а не их профилактика и недопущение. По нашему мнению, в получении совершенно иного конечного результата состоит проведение криминалистической оценки заключений эксперта и специалиста.

Так, при криминалистической оценке заключения эксперта (специалиста) в ходе беседы следователя и эксперта (специалиста), проводившего экспертизу (исследование), следователь пытается установить процесс извлечения новых сведений из исследуемого объекта, понять логическое обоснование результатов проведенного экспертом (специалистом) исследования. При этом производится оценка качества заключения эксперта (специалиста), в которую втягивается и сам эксперт (специалист), составивший данное заключение.

Еще большее значение в деле обеспечения контроля качества заключений эксперта и специалиста имеет организационно-методическая деятельность руководителя судебно-экспертной организации, на которого ст. 14 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» возложена обязанность обеспечения контроля за полнотой и качеством судебных экспертиз, проводимых подчиненными экспертами.

В целях повышения уровня контроля за качеством судебных экспертиз и исследований считаем необходимым вывести оценку заключения эксперта со стороны руководителя судебно-экспертной организации из непроцессуальной в процессуальную сферу и поддержать предложение А. Р. Белкина о дополнении

УПК РФ статьей 206.1 «Особенности проверки и оценки заключения эксперта» [6, с. 94–95], где необходимо закрепить следующее положение: «Проведя проверку соответствия заключения эксперта требованиям ст. 204 настоящего Кодекса и обнаружив несоответствие им, руководитель судебно-экспертной организации возвращает его эксперту для исправления или поручает вновь проведение того же исследования другому эксперту (комиссии экспертов)».

Одним из наиболее действенных рычагов решения проблем качества заключений эксперта и специалиста является рецензирование заключений коллегами данного коллектива по поручению руководителя или сотрудниками иных судебно-экспертных организаций по инициативе одной из сторон судопроизводства. Как правило, рецензирование заключения эксперта (специалиста) поручается специалисту, имеющему право производства судебных экспертиз соответствующей экспертной специальности и со стажем работы по ней не менее 7 лет.

Этот специалист должен иметь безупречную многолетнюю репутацию судебного эксперта, владеющего в своей области знаниями всех методов и методик экспертного исследования. Только обладая системой специальных знаний и практических навыков, такой специалист сможет провести оценку качества заключения эксперта (специалиста), его соответствия требованиям методики конкретного вида судебной экспертизы, выявить при этом ошибки и недостатки, установить их значение для формулирования окончательного вывода.

В результате ознакомления с рецензией автор заключения эксперта (специалиста) должен будет провести серьезную методическую работу над допущенными ошибками. Она может проводиться в виде самостоятельной подготовки путем повторного изучения экспертной методики соответствующей экспертной

специальности и вида судебной экспертизы, новых методических рекомендаций по данному виду экспертизы и путем ознакомления с лучшими образцами заключений эксперта.

Наконец, наиболее эффективной формой устранения недостатков и повышения качества судебно-экспертной деятельности является стажировка в судебно-экспертной организации, признанной передовой и ведущей по конкретной экспертной специальности. Работа рядом с лучшими специалистами в определенной экспертной специальности скажется на повышении уровня компетентности судебного эксперта, овладении практическими умениями и навыками, чем обычное чтение учебно-методических пособий.

В целях обеспечения качества заключений эксперта и специалиста необходимо потребовать, чтобы все эксперты государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций проходили подготовку в законодательно установленной системе профессионального обучения с последующей сдачей квалификационных экзаменов единой вневедомственной Высшей федеральной квалификационной комиссии судебных экспертов, состоящей из представителей государственных судебно-экспертных организаций. Наиболее квалифицированные судебные эксперты – это представители «Палаты судебных экспертов Российской Федерации (СУДЭКС)»; судьи; профессорско-преподавательский состав образовательных организаций, осуществляющих подготовку по специальности «Судебная экспертиза».

Эта Комиссия должна организовывать обучение, осуществлять прием квалификационных экзаменов, на основании результатов экзаменов выдавать сертификаты компетентности эксперта единого образца (для судебных экспертов государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций),

приостанавливать право производства судебных экспертиз экспертами, проводящими судебные экспертизы на низком уровне, давать рекомендации о внесении в единый Государственный реестр сертифицированных судебных экспертов Российской Федерации, судебно-экспертных лабораторий, прошедших аккредитацию. При этом следует предусмотреть случаи проведения квалификационных испытаний судебных экспертов учеными, обладающими специальными знаниями в крайне узких, специфических областях науки, которыми не владеет ни один член Комиссии, учеными научно-исследовательских центров Российской академии наук или государственных университетов соответствующего профиля.

Хорошо поставленная организационно-методическая работа Комиссии позволит реализовать еще один действенный рычаг: удаление из единого Реестра судебных экспертов лиц, предоставляющих заведомо ложные заключения эксперта, а также лиц, систематически допускающих экспертные ошибки, подтверждением чего являются неоднократно проводимые повторные экспертизы с противоположными выводами.

Думается, часть проблем по контролю качества заключений эксперта и специалиста будет решена в результате стандартизации научно-методического обеспечения, проводимой по инициативе Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. Необходимость в такой работе стала особенно очевидной в связи с постоянным появлением новых родов и видов судебных экспертиз и разработкой новых экспертных методик, связанной с этим процессом. Из-за того, что такие методики не прошли процесс валидации и сертификации, в некоторых случаях экспертами, применившими эти методики, могут быть получены недостоверные результаты.

В целях обеспечения единообразного контроля за качеством заключений эксперта и специалиста надо активизировать процесс стандартизации экспертных методик, который стал проводиться с созданием Технического комитета по стандартизации 134 «Судебная экспертиза» при Росстандарте Российской Федерации [7, с. 206–210].

Вышеописанными проблемами и путями их решения не ограничивается

перечень вопросов, связанных с обеспечением контроля качества заключений эксперта и специалиста. Их решение видится в проведении дальнейшей научно-методической и организационной работы по совершенствованию криминалистической оценки заключений эксперта и специалиста с последующим их нормативно-правовым закреплением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминев, Ф. Г., Нугаева, Э. Д. Особенности организованной преступной деятельности в мошенничестве при оказании оккультных услуг // Вестник УЮИ МВД России. 2019. № 1 (83). С. 49–54.
2. Варданян, А. В., Иванов, М. Е. Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, как элемент криминалистической методики расследования указанных деяний // Юрист-Правовед. 2014. № 6 (67). С. 53–55.
3. Россинская, Е. Р., Галяшина, Е. И., Зинин, А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник / под ред. Е. Р. Россинской. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2016. 384 с.
4. Амбарцумов, Р. Г. Обжалование заключений судебных экспертиз: научно-практическое пособие. Можайск, 2018. 518 с.
5. Дьяконова, О. Г. Теоретические основы судебной экспертологии: монография. Москва: Проспект, 2017. 480 с.
6. Белкин, А. Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Москва: МТУ (МИРЭА), 2016. 120 с.
7. Омелянюк, Г. Г. Концептуальные подходы к стандартизации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 января 2016 г.). Москва: Проспект, 2016. 352 с.

© Хомутов С. В.

УДК 811.161.1-243-373.225:821.161.1-43

Т. В. ГУСЕЙНОВА, старший преподаватель иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, кандидат филологических наук (г. Уфа)

T. V. GUSEYNOVA, senior lecturer of the Chair of Foreign and the Russian Languages of Ufa Law Institute of the Interior Ministry of Russia, Candidate of Philological Sciences (Ufa)

ИЗУЧЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗА БУРАНА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

THE STUDY OF GRAMMATICAL MEANS OF EXPRESSION OF THE IMAGE OF THE BURAN AT THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Аннотация. В данной статье показан вариант работы со студентами-иностранцами по изучению грамматических средств выражения образа бурана в художественном тексте. В качестве текстового материала выбран художественный очерк «Буран» С. Т. Аксакова. В нем в полной мере воплощен образ характерной для башкирской природы стихии, позволяющий иностранцу понять всю ее мощь и силу. Тема статьи актуальна в свете лингвокультурного образования. Данная разработка может быть применена преподавателем русского языка как иностранного во время ознакомления иностранных обучающихся с темой природы России.

Ключевые слова и словосочетания: русский язык как иностранный, грамматика, средство выражения, природное явление, художественный образ, художественное произведение.

Annotation. This article illustrates the case of working with international students for the study of grammatical means of expression of the image of the storm in a literary text. S. T. Aksakov's artistic essay «Buran» was chosen as a text material. It fully embodies the image characteristic of the Bashkir nature of the elements, allowing the foreigner to understand all its power and strength. The topic of the article is relevant in the light of linguocultural education. This methodical development can be applied by the teacher of Russian as a foreign language during acquaintance of foreign students with a subject of the nature of Russia.

Keywords and phrases: Russian as a foreign language, grammar, means of expression, natural phenomenon, artistic image, artwork.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать одну из возможных работ по изучению грамматических средств выражения образа бурана в художественном тексте. Мы считаем, что тема актуальна, так как знакомство иностранных студентов с природой, характерной для того региона России, в котором они проживают во время учебы, является важной частью их лингвокультурного образования.

Новизна статьи заключается в том, что впервые в методике преподавания русского языка как иностранного приведен вариант проведения занятия, знакомящего иностранных студентов с образом бурана – природного явления, характерного для башкирских и оренбургских степей. Заметим, что в научных журналах последних лет есть немало статей, касающихся анализа языковых средств, выражающих тот или иной образ. Среди

них мы обнаружили работу Н. В. Кобзевой [1], посвященную грамматическим средствам выражения образа метели в произведениях разных писателей и поэтов. В ней вскользь упоминается и очерк «Буран» С. Т. Аксакова, однако должного внимания образ бурана, созданный автором-знатоком башкирской и оренбургской природы, на наш взгляд, не получает.

Для начала укажем, что во время учебы в г. Уфе студенты-иностранцы знакомятся не только с культурой многонациональной республики, но и с климатическим своеобразием региона. Одним из удивительных явлений башкирской природы они считают буран. В современных учебниках по русскому языку как иностранному в текстах, посвященных своеобразием российской природы, об этом природном явлении не говорится. Иностранцы хотят не только понять его особенности, но и научиться выражать свои чувства, эмоции по отношению к этому явлению, разузнать, что думают об этой стихии и как относятся к ней местные люди.

Знакомясь со словом буран при объяснении данного природного явления, мы обращаемся, в первую очередь, к толковым словарям. В них дается следующее толкование: «снежная буря, метель в степи» [2]; «пурга, степная вьюга, мятелица, при северном, сильном ветре. Буран снизу, когда вихорь вздымает и крутит снежинки с земли, буран сверху, когда в то же время идет снег» [3]; «местное название метели при сильном ветре и низкой температуре воздуха» [4]; «сильная снежная вьюга или метель. Различают буран снизу – когда не идет снег, а лишь вздымается лежащий на поверхности земли снег, буран сверху – когда, кроме того, идет снег» [5]; «сильный зимний ветер, поднимающий массу сухого снега; снежная буря, метель (обычно в степи, на открытых местах)» [6]; «1) горизонтальное перемещение снежной массы в верхней части воздушного пространства;

2) местное название метели при сильном ветре и низкой температуре воздуха» [7].

Приведенные примеры краткого и «сухого» научного описания бурана, конечно же, не могут в полной мере раскрыть природное явление и передать множество тончайших физических ощущений и эмоциональных переживаний. Необходимо обратиться к художественным произведениям. Так, художественно-документальное изображение природной стихии представлено в очерке «Буран» С. Т. Аксакова. Оно, как известно, было взято в качестве образца А. С. Пушкиным при работе над повестью «Капитанская дочка» [8, с. 203; 9, с. 287–288].

С. Т. Аксаков неоднократно указывал на то, что очерк основан на невыдуманном материале, изображенная в нем ситуация взята из настоящей жизни. Во «Вступлении» к очерку, написанному в 1858 году, мы читаем: «<...> происшествие, мною рассказанное, – действительный факт, случившийся неподалеку от моей деревни, слышанный мною со всеми подробностями от самих действовавших в нем лиц». «Хотя прошло уже шесть лет, как я оставил Оренбургский край, но картины летней и зимней природы его были свежи в моей памяти. Я вспомнил страшные зимние метели, от которых и сам бывал в опасности, и даже один раз ночевал в стоге сена; вспомнил слышанный мною рассказ о пострадавшем обозе – и написал “Буран”» [10, с. 250–251].

Действительно, в очерке убедительно воспроизводится бушующий на широких степных просторах буран, во время которого путникам помогают спастись только опыт и смекалка. Через несколько лет, когда уже вышли в свет «Детские годы Багрова-внука», автор вновь, словно доказывая подлинность описанного в очерке, приводит рассказ дядьки Евсеича о том, как крестьянин Арефий Никитин попал в буран, заблудился в степи Оренбургской губернии, обессилел, весь засыпался снегом, но остался жив: на третий

день он был откопан и привезен домой случайным проезжим.

Далее мы приведем вариант работы со студентами-иностранцами по изучению грамматических средств выражения образа бурана в художественном тексте. В рассматриваемом нами очерке «Буран» стихия изображается в развитии: иностранные слушатели знакомятся с предвестниками бурана, затем им показывается его начало, далее – во всей своей силе, потом – его угасание. Очерк завершается описанием картины умиротворенной степной природы, в которой отображаются изменения после разгула природного явления.

Во время чтения очерка иностранные студенты отмечают, что в описании предвестников стихии не столько воспроизводятся реальные проявления природы, сколько передаются ассоциации, вызываемые страхом при восприятии их: снегопад видится посыпавшимся мелким снежным прахом, разгул ветра – закипанием заснеженной степи, шум ветра рождает слуховое впечатление детского плача и воя голодного волка. Считаем, что иностранным слушателям будет интересно открыть для себя (при непосредственной помощи преподавателя), как во фрагменте воя голодно[в]о волка [10, с. 254] ассонанс и аллитерация четко отображают слуховое ощущение воя. Переданные зрительные и слуховые ощущения, сопровождающие в природе приближение бурана, мастерски нагнетают эмоциональное напряжение читателя.

Самым ярким в очерке становится изображение громадной мощи стихии. В нем автор передает множество ассоциативных сравнений, рождающихся в человеке при восприятии бурана: «Ветер <...> взрыл снеговые степи, как пух лебяжий; обвивался, как змей, и душил все. Снеговая белая туча <...> последний свет красной, погорелой вечерней зари быстро задернула густою пеленою. Вдруг настала ночь <...>. Все одел белый мрак, как мрак самой темной осенней ночи!».

При помощи преподавателя студенты отмечают, что перемены в природе, предвещающие бурю, совершаются быстро, на что указывают глаголы совершенного вида и наречия времени *вдруг*, *быстро*.

При изображении стихии писатель точно передает разные чувства: зрение («Все слилось, все смешалось: земля, воздух, небо превратились в пучину кипящего снежного праха»); слух («ревел, свистал, выл, стонал»); осязание («слепил глаза, занимал дыханье, бил, трепал, обвивался и душил»); чувство равновесия («вертел со всех сторон, сверху и снизу»). Студенты-иностранцы замечают, что форма несовершенного вида глаголов в данной фразе указывает на то, что у описываемых действий бурана нет предельных моментов протекания, они даются в процессе и подчеркивают продолжительность разгула стихии. Необъятность бурана передается повтором определительного местоимения *весь* (*все, весь, всей, всеми*).

Образ бурана насыщен и эмоционально. Так, в авторском рассуждении, следующем за описанием бурана, очень ярко передается все, что происходит в душе человека, столкнувшегося в снежной пустыне со стихией: «Сердце падает у самого неробкого человека, кровь стынет, останавливается от страха, а не от холода, ибо стужа во время бурянов значительно уменьшается. Так ужасен вид возмущения зимней северной природы» [10, с. 255].

Преподавателю можно обратить внимание студентов на определенные приемы индивидуально-художественной обработки и употребления С. Т. Аксаковым общенародного фразеологического фонда. Один из них заключается в трансформации фразеологизмов: в высказывании «человек теряет память, присутствие духа, безумеет» сочетаются фразеологизмы «терять память» (утратить способность понимать, здраво рассуждать) и «присутствие духа» (спокойствие, самообладание), причем последним в грам-

матическом плане управляет компонент первого оборота.

Другая особенность фразеологического новаторства, отразившаяся в «Буране», заключается в реализации значения фразеологизма, повторения его смысла в дальнейшем тексте. Следующим образом раскрывается значение оборотов «кровь стынет» (чувство ужаса, сильный испуг) и «без памяти» (без сознания) во фрагментах: «кровь стынет, останавливается от страха, а не от холода, ибо стужа во время буранов значительно уменьшается. Так ужасен вид возмущения зимней северной природы» [10, с. 255].

В приведенных отрывках, передающих эмоциональное состояние человека, попавшего в буран в безлюдном месте, внимание студентов привлекают сказуемые, выраженные глаголами в форме настоящего времени изъявительного наклонения несовершенного вида. Показа-

телем настоящего времени является и нулевая связка при именном присвязочном члене составного именного сказуемого. Применяя ранее полученные знания, студенты отмечают, что в таком предложении выражается реальный факт, отнесенный в план настоящего, то есть данная ситуация (эмоциональное переживание) была, есть и будет актуальна всегда.

По нашему мнению, вдумчивое чтение художественного очерка «Буран» С. Т. Аксакова с применением методик громкого чтения и чтения с остановками, попутным анализом грамматических форм и их интерпретацией позволит иностранным студентам не только понять природное явление и эмоционально сопереживать застигнутым им людям, но и рассказать о буране собеседнику и выразить свое отношение к нему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобзева, Н. В. Грамматические средства выражения образа метели в тексте // Вестник Тамбовского университета. 2010. Выпуск 10.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: изд-во «Мир и Образование», «Оникс», 2012.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Вологда: ВОУНБ, 2012.
4. Большой российский энциклопедический словарь / ред. А. Е. Махов, Л. И. Петровская, В. М. Смолкин. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2006.
5. Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И. А. Энциклопедический словарь. Москва: Русское слово, 1996.
6. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1.
7. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. 2005. Т. 1.
8. Машинский, С. И. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. 2-е изд., доп. Москва: Художественная литература, 1973.
9. Поляков, А. Картина бурана у Пушкина и С. Т. Аксакова // Пушкин в мировой литературе: сборник статей / под ред. Н. В. Яковлева. Ленинград: ЛГУ, 1926.
10. Аксаков, С. Т. Собрание сочинений: в 3-х т. / комментарии В. Н. Грекова и А. Г. Кузнецовой. Москва: Художественная литература, 1986. Т. 3.

© Гусейнова Т. В.

УДК 811.161.1'276.6:351.811.12(470)

Н. А. МАРТЫНОВА, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат филологических наук, доцент (г. Орел)

N. A. MARTYNOVA, head of the Chair of Foreign and Russian Languages of Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Orel)

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА ГИБДД**

**DEVELOPMENT OF TERMINOLOGICAL LEXICON OF ADMINISTRATIVE LAW
AS A FACTOR OF COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMATION
OF FUTURE SPECIALIST OF STATE INSPECTION OF ROAD SAFETY**

Аннотация. В современной науке в понятие термина вкладывают принцип системности, что подразумевает принадлежность термина к терминологии определенной области знания. В данной статье проводится анализ юридических терминов административного права в русском языке и аналогичных понятий в английском языке. Исследование терминологической лексики права позволит специалисту понимать нормативно-правовую документацию в соответствии с профилем своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: терминологическая лексика, терминосистема, коммуникативная компетенция, правовое поле, юридические термины.

Annotation. Modern science includes the systematic principal in to the definition of a term, it presupposes the using of tern in connection with the special sphere of knowledge. This article gives analysis of administrative law terms in Russian and English languages. Studying of law terminology helps the specialist to understand law documents according to his professional sphere.

Keywords and phrases: terminological lexicon, terminological system, communicative competence, law sphere, law terms.

Каждое поколение строит свою собственную картину мира – социально-культурное пространство. Это пространство состоит из определенных концептов, системы символов, системы ценностей и норм. Именно в этом пространстве индивид идентифицирует себя как личность, социальный субъект и профессионал. Способность субъекта свободно ориентироваться в различных сферах современного социокультурного пространства предопределена системой профессиональных взглядов, норм, ценностей, символов, и это также является компонентом профессиональной культуры.

Специфика категории «общая культурная компетентность» определяется компетентным подходом, он же определяет функции и связи, входящие в эту категорию компетенций, с другими аспектами педагогического процесса и развития личности.

Данная категория включает в себя все основные функции культуры и педагогической деятельности, но со своими особенностями. Ученые называют такие функции передачи социального опыта, как коммуникативная, регулирующая, творческая, аксиологическая, функция межкультурной коммуникации.

В рамках подхода, основанного на компетенциях, широко используются понятия «компетенция» и «компетентность». Их широкое применение вполне оправдано, особенно из-за потребности в модернизации содержания образования. Стратегия модернизации организации общего образования направлена то, чтобы система навыков и ключевых знаний в интеллектуальной, гражданской, юридической, информационной и других сферах не являлась единственным результатом деятельности учебного заведения. Устаревший подход вызывает возражения у работодателей, учителей, психологов и социологов.

Понятия «компетенция» и «компетентность» рассматриваются на многих научных форумах, часто сводятся к обсуждению правильности и полноты понятия, а их связь с жизнью уходит на второй план. Существуют различные определения компетентности, поскольку научная проблема все еще не получила исчерпывающего анализа. Таким образом, широкое толкование этого понятия встречается в литературе, большая часть которой часто интуитивно использует данное понятие, чтобы выразить достаточную квалификацию и профессионализм.

Современное образование подразумевает комплексный подход к формированию будущего специалиста, то есть знания и навыки не разделяются, а представляются как общий набор образовательных компонентов, что помогает не только освоить теорию, но и использовать полученные теоретические знания для решения практических проблемных ситуаций.

В соответствии с государственным федеральным образовательным стандартом специалист должен обладать следующими общекультурными компетенциями:

- 1) обобщать и анализировать информацию, ставить цели;
- 2) логически верно, аргументированно и четко строить высказывания письменно и устно;

- 3) быть готовым к сотрудничеству, работе с коллегами;

- 4) стремиться к саморазвитию, повышению квалификации и т. д.

Особенно важно для сотрудника ГИБДД умение принимать участие в беседе, владеть основными понятиями и терминами, адекватно воспринимать информацию, исходящую от участников дорожного движения, и доступно выражать свои коммуникативные намерения.

Сотрудники ГИБДД в процессе выполнения своей деятельности практически всегда взаимодействуют с людьми, со своими коллегами и руководителями, поэтому их общение должно быть грамотным и эффективным. Само содержание вышеизложенного взаимодействия состоит из обмена информацией, познания и продуктивной деятельности лиц в отношении решения поставленных служебных задач.

Профессиональное общение данного контингента работников отличается рядом особых характеристик, оно может обладать либо личностной, либо социальной ориентацией. Что касается социально ориентированного общения, то она предполагает взаимодействие с большой аудиторией, представляя собой выступление перед большой публикой с докладом, сообщением или выступлением в СМИ. Данная ориентация характеризуется воздействием на широкий круг людей. При этом личностно-ориентированное общение подразумевает под собой воздействие на конкретного человека.

Такая количественная характеристика профессионального общения даёт возможность оценить «дистанцию» между общающимися между собой лицами. Взаимодействие людей «лицом к лицу» обычно называют непосредственным общением. Направление такого общения сводится к межличностному характеру. Но для плодотворной работы сотрудников ГИБДД характерен такой вид общения, как опосредованное общение. Для применения данного вида общения

существует ряд осведомительных документов (запросов, оперативных ориентировок, сообщений и т. д.) и нормативных правовых документов (отдельные поручения, приказы, распоряжения и т. д.).

Современная обстановка, в которой находится сотрудник ГИБДД, постоянно диктует о необходимости повышения уровня профессиональной подготовки в целях установления профессиональных контактов с различными слоями общества. Продуктивность профессионального общения напрямую связывается с уровнем развития коммуникативной компетенции, а также со знаниями особенностей данного взаимодействия.

Качество выполнения сотрудниками дорожной полиции оперативно-служебных задач во многом зависит от того, насколько высоко сформирована их языковая и социокультурная компетентность, развиты коммуникативные навыки в рамках профессиональной деятельности. Важен выбор средств общения, которыми он пользуется, проводя воспитательную работу с различными категориями граждан о необходимости соблюдения правил дорожного движения, участвуя в полицейских рейдах, инспектируя дорожное движение, выдавая предупреждения, запреты на вождение, составляя письма, судебные ордера, уведомления о штрафах, задерживая пьяного или неадекватно ведущего себя за рулём водителя. При анализе языкового общения сотрудника ГИБДД с участниками дорожного движения, являющегося коллективным взаимодействием, необходимо учитывать социально-культурный контекст, который оказывает влияние на коммуникативную ситуацию.

Одним из важных факторов формирования коммуникативной компетентности следует отметить создание терминологической базы будущего специалиста.

Вопросы организации социально стимулированной речевой деятельности, протекающей в сфере общественной коммуникации, связанной с обеспечени-

ем безопасности дорожного движения, построения лексико-семантической терминологической системы, находятся в центре внимания филологов, преподавателей русского и иностранных языков, а также представителей тех профессий, чья деятельность непосредственно связана с публичными выступлениями перед аудиторией (например, сотрудников ГИБДД).

Умение общаться с иностранными гостями и участниками крупномасштабных мероприятий на английском языке, помогать им ориентироваться в городе, оказывать помощь в случае возникновения внештатных ситуаций, а также доходчиво объяснить им права и обязанности, которые должны соблюдаться при нахождении на территории нашей страны, является неотъемлемой частью профессиональной подготовки сотрудника правоохранительных органов.

Стоит проанализировать теоретическую часть данной области, но перед этим рассмотрим определение данного термина, и в какой интерпретации он представлен в нашей проблематике. Специализированный (прил.) – предназначенный для работы или использования в одной специальной области, отрасли. Следовательно, термин «специализированный» – это предназначенные для специальной области, отрасли слово или сочетание слов, значение которых определяется соответственно научной теории или научному знанию.

Терминов немалое количество, поэтому существует определенная систематизация и классификация терминов по их различным характеристикам, которая и позволяет облегчить поиск того или иного научного термина.

Классификация – процесс сложный и требующий масштабного подхода. Термины могут классифицироваться по содержанию, формальным признакам, функциональным признакам. Не исключена классификация по внеязыковым признакам, то есть учитывается отрасль

права, в нашем случае отрасль административного права. Из этого можно сделать вывод о том, что подходов к классификации терминов большое количество. Кратко осветив несколько, становится ясно, насколько они разнообразны, и для каждого научного знания, дисциплины или деятельности приоритетнее свой вариант систематизации.

Рассматривая более детально юридические дисциплины, стоит отметить, что такое юридический термин. Итак, юридический термин – это элемент юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативных правовых предписаний государства.

Определение статуса правового термина серьезная проблема для лингвистов, которая рассматривалась в исследованиях, посвященных профессиональной лексике и терминологии [1]. Термины права в английском и русском языках имеют некоторые общие тенденции, что показал анализ фактического материала. Наблюдается активная смена маркеров, то есть переход из языковых единиц и нейтрального слоя в терминологический, возвращение архаизмов, также активный процесс при словообразовании. Еще наблюдается явление уточнения значения уже имеющихся терминов, что отражает аналитический способ терминообразования. Нельзя не отметить важность заимствования как активного способа словообразования. Основная часть заимствований представлена терминами латинского происхождения.

Мы видим, что в обеих языковых системах терминология права развивается интенсивно. Но есть и свои особенности, например, в английском языке активно используется метод конверсии, то есть использование термина и в качестве существительного, и в качестве глагола. Русский язык активно использует метод описательного перевода для терминов административного права.

Еще один активно используемый способ образования терминов – синонимия. По мере развития научной области, в нашем случае административной отрасли права, происходит изменение смысла лексической единицы, используемой для описания происходящих процессов и объектов действительности. И чем активнее развивается терминологическая система данной научной сферы, тем активнее используется синонимия как способ терминообразования на основе сходства общих значений.

В плане семантической структуры можно отметить общую тенденцию к однозначности, при которой имеется некоторый процент терминов, имеющих сложную семантическую структуру. Сформированная терминологическая база позволяет специалисту эффективно обмениваться информацией и, следовательно, эффективно взаимодействовать и выполнять свои профессиональные обязанности [2].

Семантика и синтаксис сложных терминологических единиц находятся в отношениях, существование которых предопределяет дальнейшее развитие каждой единицы [3]. В исследованном материале преобладают двухкомпонентные термины, которые характеризуются относительной полисемантической. Прслеживается тенденция уменьшения многозначности семантической единицы при увеличении количества ее компонентов.

Кроме того, отмечено, что существительные чаще, чем глаголы и прилагательные, имеют полисемантическую основу терминологической конструкции. Это отвечает основной задаче терминологической лексики, то есть лаконичности, однозначности, точности, с одной стороны, и многофункциональности – с другой. Специально-юридическую терминологию нельзя ограничивать набором особо сложных юридических выражений и слов [4].

Сформированный юридический терминологический словарь предполагает

единство входящей в него терминологии и ее универсальность. Неотъемлемый признак полноценной терминосистемы права – стабильность использования терминов в юридическом дискурсе, то есть их значение должно быть единым во всех правовых документах в рамках указанной правовой системы, что не исключает

гибкости и оценочности использования юридических терминов. В то же время мы говорим о доступности семантической структуры терминологической единицы, т. е. она должна нести в себе традиционное и общепринятое толкование правовых норм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власенко, С. В. Интерпретация социального контекста: гипотетическая референция как проблема перевода // *Problems of Sociolinguistics. Language and Social Contacts. Proceedings of the Fifth International Sociolinguistic Conference*, Sofia: INSOLICO. Bulgaria, 1995.
2. Мартынова, Н. А. Роль терминологической лексики в формировании коммуникативной компетенции специалиста // *Общество и человек*. 2014. № 1 (7). С. 67–72.
3. Галушко, Т. Г. К вопросу об эволюционной парадигме языка // *Вестник АмГУ*. 2006. Выпуск 3. С. 3–12.
4. Мартынова, Н. А. Терминология как конститутивный элемент научного текста: сопоставительный анализ англоязычного и русскоязычного юридического дискурсов // В сб.: *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. А. Г. Пастухов*. Орел, 2014. С. 158–167.

© Мартынова Н. А.

УДК 81'276.6'367.335.2:34

Е. А. ПЕТРОВА, *заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, доктор филологических наук, доцент (г. Уфа)*

E. A. PETROVA, *head of the Chair of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor (Ufa)*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНОЙ ПРЕДИКАТИВНОЙ КЛАУЗЕМОЙ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

FUNCTIONING OF COMPOUND SENTENCES WITH PREDICATE CLAUSE IN THE LEGAL DISCOURSE

Аннотация. В статье рассматривается функциональный потенциал сложноподчиненных предложений с придаточной предикативной клаузой в юридических дискурсах. Исследуется их композиционная структура и логико-семантические отношения, возникающие в диктете. Делается вывод о том, что они играют важную роль с информационной и текстоорганизующей точки зрения, где во всей полноте проявляются их семантические и экспрессивные особенности.

Ключевые слова и словосочетания: дискурс, клаузема, диктема, текстовая роль, логико-семантические связи.

Annotation. *The article discusses the functional potential of complex sentences with subordinate predicative clause in legal discourses. Their compositional structure and logical-semantic relations arising in dictation are investigated. It is concluded that they play an important role from an informational and text-organizing point of view, where their semantic and expressive features are fully manifested.*

Keywords and phrases: *discourse, clause, dictum, textual role, logical and semantic links.*

Исследования, проводимые на пересечении лингвистики и юриспруденции, обеспечивают методологическую базу для нахождения новых способов решения проблем, возникающих в области юрислингвистики. Интерес к проблемам юрислингвистики обусловлен диалектическим взаимодействием юридического и языкового аспектов, отсюда возникает необходимость глубинного проникновения в сущность языка и его функционирования в дискурсивных образованиях. Не менее важным становится вопрос о правильной интерпретации юридических текстов. По мнению Е. Ф. Тарасова, интерпретация текста – это восстановление по тексту структуры общения – реального коммуникативного акта. Так, он полагает, что «... лингвист явным или неявным образом восстанавливает с необходимой (или возможной) степенью полноты структуру коммуникативного акта, создавая экстралингвистический контекст для однозначного понимания текста» [1, с. 100].

Предметом нашего исследования являются юридические дискурсивные образования, относящиеся к так называемым документным текстам, которые обычно изучаются в рамках документной лингвистики. Документная лингвистика связана с текстами, которые представлены в рамках двух функциональных стилей, а именно: официально-деловом и научном. Официально-деловой стиль называют также административным стилем или деловой речью [2, с. 346]. Документные тексты характеризуются определенными свойствами, которые и позволяют им выполнить соответствующую коммуника-

тивную функцию в социуме. Само слово «текст» (лат. *textus*) означает «ткань, сплетение, соединение», поэтому важно установить и то, что соединяется, и то, как и зачем соединяется. Это обусловлено тем, что юридические тексты, как правило, имеют строго организованную структуру.

Наблюдения показывают, что в начале юридических текстов указаны общие положения (преамбула), которые устанавливают цели и задачи последующего текста документа, а также его обоснование. Таким образом, текст юридических документов – главная составляющая юридического дискурса. В работах по теории языка дискурс обычно определяется как сложное многофакторное явление, включающее участников коммуникации, ситуацию общения и текст, и как абстрактное инвариантное описание структурно-семантических признаков, реализуемых в конкретных текстах. Юридический дискурс нами квалифицируется как вербально-прагматическое образование, представляющее собой один из когнитивных результатов процессов категоризации и концептуализации мира человеком.

Объектом исследования являются бипредиктивное или полипредикативное сложноподчиненное предложение с придаточной предикативной клауземой (далее – СППР) – структурный элемент определенной синтаксической парадигмы. СППР представляет собой единое целое, оформленное грамматически и интонационно; его главная и придаточная клауземы характеризуются смысловой и формальной синсемантией; структурным стержнем всего предложения

выступает главная клаузема, несмотря на свою «дефектность»; придаточная предикативная клаузема выступает в качестве расширенного члена предложения, выполняя функцию предикативного члена. Предикативная линия придаточной клауземы является в иерархическом плане второстепенной, подчиняясь предикативной линии главной клауземы. Кроме того, представляя собой сложные синтаксические структуры, СППР отражают прагматическую функцию высказывания, то есть ментальные основы продуцирования речи и ее интерпретации, с точки зрения того, как структуры языкового знания участвуют в переработке информации.

В качестве материала исследования мы выбрали английские юридические дискурсы из области уголовного права и криминологии, содержащие СППР, в которых заложена важная когнитивная информация, а их прагматическая сущность, т. е. коммуникативное назначение, является главным конституирующим фактором текста и предназначена для воздействия на реципиентов.

Мы, вслед за А. Д. Швейцером, считаем, что при анализе и переводе юридических дискурсов следует уделять внимание вопросу эквивалентности двух текстов, которая предполагает не абсолютную их тождественность, а «достаточную общность для целей коммуникации в конкретных условиях» [3, с. 7]. Эквивалентный перевод сохраняет относительное равенство содержательной, смысловой, стилистической, функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе [4]. И, наконец, эквивалентность перевода зависит от ситуации порождения текста оригинала и его воспроизведения в языке перевода. Такая трактовка эквивалентности отражает полноту и многоуровневость этого понятия.

Наблюдения показывают, что достичь абсолютной эквивалентности (тождества) при переводе невозможно

из-за специфичности семантики языковых знаков в разных языках; несовместимости «картин мира», создаваемых языками; различия в самой реальности, культуре и цивилизации носителей разных языков. Понятие эквивалентности распространяется прежде всего на текст в целом, и смысл целого не равен механической сумме его частей. Вместе с тем любое сообщение состоит из языковых единиц, каждая из которых несет определенную информацию, имеет собственное значение. Содержание всего высказывания не существует помимо значений языковых единиц, из которых оно состоит, следовательно, цель любого перевода заключается в передаче смысловой информации текста. Все остальные ее виды и характеристики (функциональные, стилистические, социолокальные, эмоциональные и т. п.) не могут быть переданы без воспроизведения смысловой информации, так как все остальное содержание сообщения лишь наслаивается на смысловую информацию, извлекается из нее, подсказывается ей, трансформируется в образные ассоциации [4].

Не менее важная, на наш взгляд, является и задача исследования лексико-грамматического наполнения дискурсивных образований, то есть умение правильно воспринимать не только смысл предложения на основе словообразовательных, контекстуальных или иных признаков, но и умение устанавливать смысловые отношения между отдельными частями предложения. Отсюда возникает необходимость обратиться к прагматической связи между предложениями в рамках дискурсивных образований.

Прежде чем приступить к анализу текстовых ролей СППР, остановимся на закономерностях расположения предложения в тексте. Как указывает О. И. Москальская, «позиция предложения в тексте – понятие реляционное, так как речь идет о месте предложения в тексте и по отношению к соседним предложениям в тексте и по отношению ко всему составу

текста». Позиция предложения в тексте не является случайной, она задается коммуникативно-смысловой организацией текста. Кроме того, любое предложение занимает в тексте такое положение, которое необходимо для связности текста, «когда прединформация уже достаточна, чтобы предложение могло быть понято, и с другой стороны, еще не настолько велика, чтобы предложение оказалось пустым повторением уже сказанного» [5]. Таким образом, предложение выступает как составная часть более крупной структуры – текста.

Предложение в тексте перестает быть автономной и замкнутой единицей, так как оно связано многочисленными отношениями с соседними предложениями. Связь с другими предложениями может быть имплицитной, то есть выражаться структурными сигналами в составе самого предложения и окружающих его предложений. Возможна и эмпицитная, структурно невыраженная связь между предложениями. Если рассматривать предложение с точки зрения его структурного соотношения с предшествующими и последующими предложениями, то его можно характеризовать левосторонними (сигналами прединформации) и правосторонними (сигналами постинформации, средствами прямонаправленной функции) связями (О. И. Москальская, Т. М. Николаева, М. Пфютце). О. И. Москальская, рассматривая левосторонние связи как анафорические и правосторонние как катафорические, отмечает, что анафорические связи характерны для предложений, занимающих в сверхфразовом единстве серединную или конечную позицию, а катафорические связи характеризуют предложения, которые занимают серединную или начальную позицию.

При анализе СППР мы исходим из их роли в организации дискурса, используя функциональный анализ, который предполагает изучение «поведения» предложения в тексте. Мы имеем в виду

то, что в той или иной позиции предложение выполняет соответствующую роль в развертывании информативного содержания дискурса. Как показал анализ, сложноподчиненное предложение с придаточной предикативной клаузой играет важную роль в формировании логического стержня текста, который выявляется прежде всего во внутридиктеменной когезии (в структурном и прагматическом аспектах).

В основу анализа исследуемого типа предложения в тексте положено понятие диктемы – элементарной тематической (топикальной) единицы, формируемой как одним единственным предложением, так и союзом предложений [6, с. 111]. Изучаемые предложения рассматриваются в составе диктемы-кумуляы (отличаемой коммуникативной однонаправленностью предложений) или оккурсема (формируемой двумя или несколькими диктемами). Следует констатировать факт, что изучаемые предложения в юридическом дискурсе чаще всего встречаются в диктеме-кумуляе.

В рамках юридического дискурса в начале диктемы-кумуляы или диктемы-оккурсема СППР выполняют текстовую функцию задания темы, то есть вводят микротему диктемы; в середине диктемы сложноподчиненные предложения с придаточной предикативной клаузой выполняют текстовую функцию развития темы, являясь тематическими скрепами между предложениями; в конце диктемы исследуемые конструкции выполняют текстовую функцию завершения темы, обобщая микротему диктемы.

Особый интерес представляют диктемы, в которых употребляются сразу несколько сложноподчиненных предложений с придаточной предикативной клаузой, расположенных по отношению друг к другу либо контактно, либо дистантно. Таким образом, анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что СППР в зависимости от занима-

емой ими позиции в дискурсивных образованиях условно можно разделить на инициальные (лат. *initialis* – начальный, первичный), когезивные (лат. *cohaesus*) и финальные (лат. *finalis*)

Инициальные предложения употребляются в начале диктемы и выполняют роль задания темы, выступая в качестве зачина всей диктемы, осуществляют тем самым ввод новой информации и требуют после себя дальнейшего логического повествования. Интересен тот факт, что данный тип, вводя микротему всего отрывка, может и не заключать в себя его основную мысль, а лишь подготавливать читателя к ее восприятию. Инициальные предложения встречаются не очень часто и составляют примерно 18 %.

Например: “*Contract killing is when a private contractor hires someone to kill someone else for a large sum of money. Assassins have been hired for many different jobs, but casual society rarely sees contract killings being carried out. Usually such a contract involves a crime syndicate hiring a professional killer, termed a hit man [7].* Заказное убийство (контрактное убийство) – это когда частное лицо нанимает кого-то, чтобы убить кого-то другого за большую сумму денег. Заказных убийц нанимают для выполнения различных заказов, но общество редко осведомлено о том, что выполняются заказные убийства. Обычно такой заказ связан с преступным синдикатом, который нанимает профессионального убийцу, называемого киллером.

Приведенную кумулему предваряет исследуемая конструкция фразового типа (подлежащее выражено словосочетанием), вводя тему диктемы, выполняет функцию проспективного коррелята, связывающего воедино все ее предложения. Стилистический рисунок данного изложения факта, следовательно, отличается линейным развертыванием мысли. С одной стороны, СППР ретроспективно связано с предыдущей диктемой, поскольку оно является его продолжением.

С другой – СППР связано проспективно, в частности, катафорически и эксплицитно, с последующими предложениями диктемы и вступает с ними в квалификативные логико-семантические отношения. Таким образом, рассматриваемая конструкция осуществляет связь в рамках двух диктем.

Когезивные предложения располагаются в середине диктемы, выступая в роли развития темы. Они продолжают тему предшествующих предложений, связывая их с последующими. Само придаточное предикативное предложение имеет своего рода «отсылочный» характер. Основная информация находится либо в предшествующей, либо в последующей частях диктемы, а иногда и за ее пределами. Поэтому когезивные предложения выполняют роль «скрепов» между всеми предложениями, развивая и уточняя основную идею дискурсивного образования. Такие предложения составляют большинство и насчитывают 60 % примеров от общего количества примеров.

Например: “*When prints are found? An expert compares them with samples known to have been made by a suspect. He/she first compares ridge patterns and then looks for ridge characteristics. The general rule in America is that prints must match at least twelve points of comparison before an identification can be regarded as positive. The prints you find at a crime scene aren't always complete. This doesn't keep them from being used for comparison [9].* Когда находят отпечатки? Эксперт сравнивает их с образцами, которые были оставлены подозреваемым. Он/она сначала сравнивает бороздки, а затем исследует их характеристики. Общее правило в Америке состоит в том, что отпечатки должны соответствовать по крайней мере двенадцати пунктам сравнительного анализа, прежде чем идентификация может считаться положительной. Отпечатки, которые Вы находите на месте преступления, не всегда полные. Это не мешает их использовать для сравнения.

В приведенном отрывке СППР субстантивного типа (подлежащее главной части выражено существительным) располагается в середине, продолжая тему предшествующих предложений и связывая их с последующими. Таким образом, анализируемое предложение анафорически и катафорически связано с контекстом двусторонними логико-семантическими отношениями с предшествующими и последующими предложениями. Далее рассматриваемое предложение дает постановку проблеме, обоснование которой осуществляется в ходе последующего изложения информации. Семантические отношения между предложениями в данном случае носят пояснительный характер. И наконец, исследуемое предложение выполняет функцию проспективного коррелята, скрепляя воедино все предложения диктемы и осуществляя тем самым когезию в ее пределах.

Финальные СППР в юридических дискурсивных образованиях имеют характер завершения темы, подытоживая какой-нибудь факт или делая вывод из того, о чем шла речь на протяжении всего повествования. Следовательно, в этом случае СППР выполняет еще одну текстообразующую функцию, а именно – завершение темы, когда полностью обобщается информация, заложенная в диктеме. Наряду с инициальными предложениями, финальные предложения встречаются довольно редко и составляют всего 20 % примеров.

Например: *The wealth, unscrupulousness, and international connections of many organized criminal groups suggest the difficulty of control by any one country. The danger is that, rather than being a stage of development that will wither away over time, criminal activity becomes so intertwined with politics that it is difficult to tell them apart* [8]. Богатство, беспринципность и международные связи многих организованных преступных групп предполагают трудности контроля

со стороны какой-либо одной страны. *Опасность заключается в том, что преступная деятельность, вместо того чтобы быть стадией развития, которая со временем отомрет, настолько переплетена с политикой, что их трудно отличить друг от друга.*

Приведенная диктема представляет собой повествование. Сложноподчиненное предложение с придаточной предикативной клаузой субстантивного типа (подлежащее главной части выражено существительным) завершает ее микротему. Исследуемая конструкция осуществляет когезивную функцию, связывая между собой по смыслу две диктемы. С семантической точки зрения она ретроспективно скреплена с предшествующими предложениями, одновременно имея и проспективную направленность.

При изучении языкового материала нам встретились примеры, в которых сложноподчиненные предложения с придаточными предикативными клаузами могут обрамлять диктему, занимая ее интродуктивную и конечную позиции, либо находиться в ее середине и в конце. Однако следует признать, что такие примеры встречаются крайне редко и составляют около 2 % от исследуемого материала.

Например: *There are two aspects of most serious crimes. The first, and the most important, is that the defendant has done an act which has caused a prohibited kind of harm. The second is that the defendant is culpable, worthy of censures, for having caused harm. We will now consider these aspects separately* [8]. Есть два аспекта наиболее тяжких преступлений. *Первый и самый важный – это когда ответчик совершил деяние, причинившее запрещенный вид вреда. Второй – это когда подсудимый виновен и заслуживает поощрения за причинение вреда.* Теперь мы рассмотрим эти аспекты по отдельности.

В приведенном отрывке анализируемые конструкции нумерального типа

(подлежащее выражено числительным) следуют одно за другим и связаны между собой эксплицитно. Первая исследуемая конструкция зачинает микротему, а последующая – развивает микротему констатируемого факта (существуют два аспекта самых серьезных преступлений), изложенного в предыдущем предложении. Исследуемые конструкции характеризуются квалификативными логико-семантическими отношениями и коррелируют по отношению друг к другу проспективно. Обратим внимание, что данная текстовая роль является специфической для исследуемых конструкций. Это еще раз свидетельствует о том, что данный тип предложений используется для повествования и констатации наиболее важных моментов.

Как мы указывали, исследуемые конструкции могут встречаться и в оккурсемах. Приведем пример из произведения Агаты Кристи «Десять негрятят»:

– Mr. Justice Wargrave said: “You are assuming hearsay to be evidence. We do not know that Rogers and his wife conspired to murder their employer. That may have been a false statement, made so that Rogers should appear to be in the same position as ourselves. Mrs. Rogers’ terror last night may have been due to the fact that she realized her husband was mentally unhinged”.

– Lombard said: “Well, have it your own way. Owen is one of us. No exceptions allowed. We all qualify”.

– Mr. Justice Wargrave said: “*My point is that there can be no exceptions allowed on the score of character, position, or probability. What we must now examine is the possibility of eliminating one or more persons on the facts*”.

В приведенной диктете-оккурсе СППР субстантивного типа («Мысль моя такова: ни хорошая репутация, ни положение в обществе, ничто другое не освобождают от подозрений») выполняет роль двустороннего коррелята, поскольку связано ретроспективно с предыдущими предложениями («Подозреваются все

без исключения») и проспективно с последним предложением диктеты («Сейчас нам необходимо в первую очередь выяснить, кого из нас можно освободить от подозрений на основании фактов»). Следовательно, анализируемое предложение является тематическим стержнем всего представленного отрывка, поскольку одновременно и подытоживает мысль, высказанную первым героем, и поясняет финальную фразу второго героя.

Итак, проведенное исследование показывает, что сложноподчиненные предложения с придаточной предикативной клаузой играют важную роль в аранжировке юридических дискурсов, в которых могут располагаться в начале, в середине либо в конце диктеты, выполняя при этом текстовые функции: задание темы, развитие темы и завершение темы.

Задание темы. В этом случае сложноподчиненное предложение с придаточной предикативной клаузой находится в инициальной позиции. Оно вводит новую тему всего абзаца, а последующие предложения развивают тему придаточной предикативной клаузы, то есть уточняют и конкретизируют ее.

Развитие темы. В данной текстовой роли выступают когезивные сложноподчиненные предложения с придаточной предикативной клаузой, находящиеся в середине диктеты, которые уточняют и продолжают тему предшествующих предложений, скрепляя их с последующими предложениями. Следовательно, в этом случае сложноподчиненное предложение с придаточной предикативной клаузой характеризуется двусторонними логико-семантическими связями с предшествующими и последующими предложениями.

Завершение темы. Данную текстовую роль выполняют финальные сложноподчиненные предложения с придаточной предикативной клаузой, которые резюмируют общую тему, обсуждаемую в дискурсе.

Итак, текст является основной единицей коммуникации. Порождение текста, а также его функционирование прагматически ориентированы, поскольку любой текст, в том числе и юридический,

создается при возникновении определенной целевой установки и функционирует в определенных коммуникативных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарасов, Е. Ф. Некоторые основания социолингвистической интерпретации текста // Лингвистика текста. Москва, 1974. С. 97–103.
2. Голуб, И. Б. Риторика: учитесь говорить правильно и красиво. Москва: Омега-Л, 2012. 405 с.
3. Швейцер, А. Д. Предисловие: текст и перевод. Москва, 1988.
4. Виноградов, В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы: учебное пособие. 2-е изд., перераб. Москва: КДУ, 2004. 240 с.
5. Москальская, О. И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка): учебное пособие. Москва: Высшая школа, 1981. 175 с.
6. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики. Москва: Высшая школа, 2005. 160 с.
7. Cremona, M., Herring J. Criminal Law. Great Britain: Macmillan Press LTD. 2007. 466 pp.
8. McLaughlin, J., Muncie, J., Hughes, G. Criminological Perspectives: Essential Readings. Open University, 2007. 612 pp.
9. Roberts, P., Zuckerman, A. Criminal evidence. 2nd ed. Oxford University Press, 2010. 776 pp.

© Петрова Е. А.

**ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ.
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

УДК 159.947.016:37.013.73

К. А. ДАЛЛАКЯН, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, доктор философских наук (г. Уфа)

K. A. DALLAKIAN, professor of the Chair of Social-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy (Ufa)

МЕСТО И РОЛЬ ВОЛИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

PLACE AND ROLE OF PERSONAL WILL IN MODERN RUSSIAN EDUCATION

Аннотация. Статья посвящена выявлению сущности феномена воли, определению ее места и роли в современном российском образовании. Также анализируются существующие представления о воли, предлагается авторская концепция воли. Подчеркивается недостаточность

лишь психологического подхода к воле, являющейся целостным биопсихосоциальным феноменом. Отмечается необходимость осуществления наряду с онтогенетическим исследованием и филогенетического анализа эволюции воли. Предпринимается попытка преодоления преобладающего в современной психологической литературе функционального подхода к исследованиям воли посредством субстанционально-персонального анализа. Аргументируется невозможность адекватного понимания индивидуальной воли личности без системно-социального и социоприродного исследования. Предлагается дифференцировать истинную волю личности от своеволия и «чужеволия». Подчеркивается, что рождение истинной воли предполагает предварительную самоидентификацию личности, осознание ею собственной сущности. Именно на это должно быть направлено современное российское образование, нацеленное на формирование доброспорядочных, сильных и творческих граждан.

Ключевые слова и словосочетания: воля, своеволие, «чужеволие», мотивация, цель, интерес, личность, свобода, творчество, современное российское образование.

Annotation. The article is devoted to revealing the essence of the phenomenon of will, determining its place and role in modern Russian education. Analyzes the existing ideas about the will. The author's concept of the will is presented. The insufficiency of only psychological approach to the will, which is a holistic biopsychosocial phenomenon, is emphasized. The necessity of implementation along with the study of ontogenetic and phylogenetic analysis of the evolution of will is underlined. An attempt is made to overcome the functional approach prevailing in modern psychological literature in research of will by means of substantial-personal analysis. It is argued that it is impossible to adequately understand the individual will of the person without the system-social and socio-natural research. It is proposed to differentiate the true will of the individual from self-will and «alienation». It is emphasized that the birth of the true will presupposes the preliminary self-identification of the person, the realization of his own essence. This is what modern Russian education should be aimed for the formation of respectable, strong and creative citizens.

Keywords and phrases: will, self-will, «alienation», motivation, purpose, interest, personality, freedom, creativity, modern Russian education.

Одним из ярких подтверждений значимости образования в жизни общества принято считать слова Отто фон Бисмарка о том, что франко-прусскую войну выиграл прусский школьный учитель. Российскому, а тем более советскому человеку, не понаслышке знакомому со всеми ужасами войны, о роли духа народа и месте образования в Победе, говорить особо нет необходимости. Речь, конечно же, идет не о современном образовании, нацеленном скорее на запоминание и воспроизводство информации, а о формировании духовных ценностей, когнитивных способностей, чувственно-эмоциональных и волевых качеств учащихся. С каждым годом все сложнее преподавателям образовательных организаций удастся преподнести бывшим школьникам, практически прошедшим «дрессировку» ЕГЭ на единственно верные ответы, нестандартные мысли, требующие творче-

ского осмысления. Случайна ли подобная трансформация учащихся?

Рационализм, техницизм и консюмеризм современной эпохи окончательно привели людей к отчуждению собственной сущности, поместив в их душе «экзистенциальную пустоту», порождающую апатию, безразличие, что нередко приводит к безволию и агрессии [1, с. 19]. Если в прошлые времена человек близоруко желал господствовать над всем, что его окружает, то теперь, погрузившись в виртуальный мир, он все чаще совершает побег из непонятного, порой несправедливого, как ему кажется, и жестокого мира. Такое поведение современного человека Эрих Фромм в своей работе «Бегство от свободы» охарактеризовал как «автоматизирующий конформизм» [2, с. 143]. Внутренняя пустота и растерянность нередко толкают людей, как правило, молодых, в объятия зависимо-

сти от материальных, порой даже низменных триггеров.

Еще в 1930 году Б. Ф. Скиннером была создана «камера оперантного обусловливания», впоследствии названная «ящиком Скиннера», продемонстрировавшая зависимость поведения живого от соответствующей награды как стимула поведения. С тех пор менеджеры и маркетинологи различных уровней научились так искусно манипулировать людьми посредством всякого рода вознаграждений, что практически подвели современное общество к готовности «сыграть» в этот самый ящик. Современное российское образование, ориентирующее учащегося реагировать на оценочно-рейтинговый стимул, да и информационное общество в целом, популяризирующее всякого рода индивидуальные рейтинги граждан, во многом напоминают «ящик Скиннера».

Четвертая научно-техническая революция, создавшая беспрецедентные манипуляционные технологии, все более превращает человека из «*homo sapiens*» в «*homo habitues*». Множатся программы, подталкивающие людей к определенному поведению. В ответ на технимитации социальных взаимодействий мозг человека выделяет вещества, приносящие удовольствие и формирующие привычки. Причем, чем больше человек испытывает удовольствия, тем выше вероятность того, что используемый сервис станет его базовым выбором. Личностный тоталитаризм трансформируется в технорыночный.

Нир Эйял в книге «На крючке: как создавать продукты, формирующие привычки» показал, что триггеры находятся внутри людей. Программное приложение становится востребованным и эффективным, если отвечает бессознательному пользователю, его экзистенциальным чувствам: скуке, любопытству, одиночеству, ожиданию удовольствия, которые специально культивируются и умножаются обществом массового потребления. Вызывая у людей психологическую

зависимость, ими активно манипулируют, причем не только в экономических, но и политических целях. Не секрет, что многие «оранжевые» революции использовали подобные технологии. Поэтому не только информационные, но и новые образовательные технологии так активно внедряются в потенциально интересные манипуляторам регионы.

И это только начало. Уже известны технологии вживления чипов-имплантов в мозг людям, позволяющие управлять человеком на расстоянии. Безусловно, мозг станет мощнее, однако устраивает ли нас альтернатива – приобрести интеллектуальное «могущество», потеряв при этом свободу и волю?

Что же собой представляет эта самая воля, для чего она нужна человеку, как изменить современное образование, чтобы сохранить личность учащегося – вопросы чрезвычайно актуальные в бифуркационной точке современного техно-цивилизационного развития, когда особенно важен индивидуально-защитный механизм, противостоящий манипуляционным воздействиям на психику.

Парадоксально, но, несмотря на чрезвычайную важность, вопрос о природе и сущности такого сложнейшего феномена, как воля, является одним из наименее разработанных в современной науке. Более того, в психологии все настойчивее выступает позиция, признающая лишь отдельные составляющие воли: целеустремленность, решительность, мобилизацию усилий, процесс принятия решения, борьбу мотивов и т. д., отрицающая существование воли как целостного феномена. Хотя элементарное знание диалектики иллюстрирует очевидную нетождественность целого сумме составляющих его элементов.

Воля в психологической литературе обычно рассматривается как «сознательное регулирование человеком своего поведения и деятельности, выраженное в умении преодолевать внутренние и внешние трудности при совершении це-

ленаправленных действий» [4, с. 7]. Однако такое определение, на наш взгляд, не раскрывает сущности феномена воли, ибо ни целенаправленное действие, ни преодоление трудностей не является проявлением истинной воли. Можно привести множество случаев целенаправленного преодоления трудностей при неволевом поведении. Например, настойчивость и целеустремленность алкоголика в поисках спиртного.

Не менее ошибочной представляется распространенное понимание воли как сознательной целеустремленности на выполнение тех или иных действий. Интенциональная характеристика воли очень важна, но недостаточна для раскрытия ее природы, не говоря уже о том, что «несознательная целеустремленность» – нонсенс. Несколько ближе к истине, на наш взгляд, авторы, рассматривающие волю как уровень психического регулирования действием. Хотя воля – не просто регулирование, к тому же не только действием, да и психика включает в себя бессознательное. Очевидно, что лишь определенный уровень психической регуляции можно назвать волевым.

Некоторые авторы акцентируют внимание на отрицательной функции воли, подчеркивая в качестве одной из основных ее характеристик подавление непосредственно возникающих в конкретной ситуации желаний и импульсов [5, с. 50]. В более широком толковании волевое регулирование возникает лишь тогда, когда человек оказывается способным к осмыслению своих влечений, тому или иному отношению к ним [6, с. 128]. Такая позиция представляется более корректной, так как указывает на необходимость лишь рефлексии своих желаний, подавление которых вовсе не всегда обязательно, ведь в наших влечениях содержится мощь «энергии созидания». Широко распространена трактовка воли как формы психического отражения, регулирующего человеческое поведение. Очевидная малоэффективность такого

определения обусловлена его абстрактностью. Даже сознание не является лишь отражением действительности, не говоря уже о воле.

Не вдаваясь в более глубокий анализ существующих трактовок воли, отметим, что основным их недостатком является ограничение, во-первых, лишь психологическим подходом к воле, являющейся все же биопсихосоциальным феноменом; во вторых, лишь онтогенетическим анализом эволюции воли; в третьих, исследованием, как правило, лишь сознательных составляющих волевого процесса; в-четвертых, превалирование функционального подхода в исследованиях над субстанционально-персональным. Между тем индивидуальную волю личности невозможно понять вне системно-социального и даже социоприродного анализа.

Сущность воли наиболее ярко проявляется в ее негэнтропийном для личности и общества характере. Системно-социальная программа переплетается в человеке с духовно-ментальной, превращаясь в средство самореализации системы посредством элемента. Воля становится собственно способностью и механизмом самополагания и самореализации систем различных уровней. Предварительно, конечно, выполнив функцию самоидентификации личности. Ведь человек не столько то, что он о себе думает, сколько то, как он себя ведет.

Филогенетически воля человека сформировалась как следствие самоорганизующей, негэнтропийной потребности социума. Появление существа, обладающего значительно большей степенью свободы по отношению к своему окружению, изначально означало угрозу разрушения. Внешние биосферные механизмы регуляции видов и популяции при беспрецедентном умножении возможности индивидуализации поведения оказались недостаточно эффективными, требуя компенсации внутренне-социальными регуляторами деятельности [7].

Первоначально такими регуляторами выступали табу, нормы поведения, ритуалы, соблюдение которых было жизненно важным для сохранения целостности конкретной социальной общности: семьи, рода, племени. Поэтому нарушение этого свода законов строго каралось, как правило, смертью или изгнанием из общества.

Интерииоризация внешних социокультурных регуляторов поведения постепенно привела к формированию внутренней личностно-индивидуальной саморегуляции. Саморегуляция элемента во имя обеспечения целостности системы и есть одна из основных функций воли, предполагающей осознание личностью собственной сущности. Воля превращается в самореализационную потенцию духа, ибо прежде всего необходима самоидентификация и самоосуществление как обеспечение собственной целостности. Великие личности могут выступать средством самореализации более широких систем – класса, нации, общества и человечества в целом.

Воля человека выполняет и обратную функцию, выступая не только каналом реализации всеобщего посредством единичного, то есть средством локализации универсума, но и универсализации локального. Этапами развития воли являются: интерииоризация, индивидуализация и экстерииоризация. Стадиями ее эволюции – «чужеволлие», своеволие и, собственно, воля. Экспериментальные психологические исследования подтверждают, что саморегулированию предшествует этап внешней регуляции поведения человека. Выполняя достаточно точно инструкции взрослого, ребенок на раннем этапе своего развития не способен к самостоятельным решениям и действиям. Подобный паралич воли может наблюдаться и у взрослых людей, всегда выполняющих лишь чужие инструкции.

Зависимость воли личности от представлений о законе, должном, прекрасно показана И. Кантом в его «Критике

практического разума» [8, с. 152]. Поэтому столь важно знание учащимися нравственно-этических и правовых законов и превращение их непосредственно в мотивационную сферу поведения. Формирующийся в сознании человека категориально-нормативный каркас как индивидуально-личностная форма существования социума выступает «фильтром», проходя через который в процессе волевой регуляции сущее как отражение противоречивости и недостаточности внешней среды приобретает характер должного как полагание новой действительности.

Развитие своеволия до собственно воли представляет собой цепь, с одной стороны, самоотрицаний, отчуждений от себя (резиньяций по Артуру Шопенгауэру), субъективно-эгоистических желаний, страстей, замыкающих личность в рамках самости, а с другой – идентификации себя с более широкими системами, вплоть до осознания своего высшего «Я». В отличие от шопенгауэровской, подобная резиньяция означает не смерть воли, а, напротив, лишь предпосылку ее рождения и развития.

Следующий этап – осознание потребностей более широких систем (класс, нация, народ, человечество, биосфера и т. д.) и содействие их реализации. Масштаб личности определяется масштабом ее воли, то есть самореализацией системы какого уровня является воля личности. Причем это касается не только политических деятелей, но и ученых, деятелей искусства и многих других сфер. Не интеллект, а воля делает людей великими и бессмертными. И это необходимо объяснять учащимся, предостерегая, конечно, и об обратном эффекте – дурная и злая воля – причина вечного людского проклятия, а своеволие и чужеволлие – многих преступлений.

Важнейшей характеристикой волевой личности является целеустремленность, четкое осознание и ориентированность на достижение цели как идеального об-

раза желаемого. Особенностью цели является ее направленность в будущее, как бы проецирование потребностей, возникших в прошлом и настоящем, в будущее. Рудольф Штайнер в своих работах подчеркивает, что в мышлении мы бодрствуем, оно всегда направлено в прошлое, в чувствах мы грезим, они – наше настоящее, а в воле мы спим, она ориентирована в будущее [9, с. 2, 129; 10]. Поэтому столь важно разбудить истинную волю молодых людей. Ведь им принадлежит будущее. Негоже строить его спящими.

Важным психологическим компонентом волевой активности является интерес как ценностное отношение к предмету потребности личности. Интерес высвечивает те стороны действительности, которые ей необходимы. По справедливому замечанию Шлегеля: «Мы гениальны в том, что нам нравится». Ведь интерес есть проявление внутренней, глубинной сущности человека, его «Я». Поэтому в образовательном процессе столь важно выявление и развитие интереса учащихся. К сожалению, под гнетом стандартизированных программ многие преподаватели не уделяют этому должного внимания.

Сам по себе образ будущего результата не образует цели, он становится ею лишь в связи с мотивом, благодаря которому цель приобретает личностный смысл. В психологической литературе описано множество экспериментов, иллюстрирующих непосредственную зависимость степени волевой регуляции от значимости мотива как непосредственной побудительной причины поступка. Более высокая мотивация приводит к повышению уровня притязания личности и к постановке более сложных целей, требуя, соответственно, больших волевых усилий. Мотивация повышает продуктивность, творческий потенциал, активность и динамическую напряженность мыслительной деятельности, способствуя выбору более сложных целей

и способов их достижения. Повышение мотивации приводит к образованию механизма психического «противодействия неудачам», их игнорированию, особенно когда содержанием мотивации человека являются его убеждения. Поэтому так важно в процессе преподавания создавать необходимую мотивацию молодых людей, способствующую направлению их природной энергии в конструктивное русло.

Эксперименты показывают, что внутренние установки, самооценка и самоинструкции учащихся препятствуют попыткам внешней манипуляции ими. Это доказывает необходимость отнесения к детерминантам воли также и прошлого опыта человека, содержания его «Я-концепции». Роль таких самоинструкций возрастает в нестабильной внешней среде, когда внешние воздействия на психику могут носить деструктивный характер. Актуализируется защитная функция воли, механизм нейтрализации психической напряженности, возникающей у людей при столкновении с жизненными трудностями. В настоящее время, в век тотальной тревоги, ставшей причиной многих патологий и девиаций, эта функция весьма актуальна.

Страх, будучи родом из прошлого личности, так же, как и воля, направлен в будущее, это прежде всего страх перед неизвестным. Эмоционально-негативное предвосхищение результата деятельности блокирует энергию его воплощения. Страх – это своего рода «тавро Касандры», «эсхато-эмбрион» отрицательной воли. Поэтому нас все пугают. Политики и маркетологи с целью манипуляции людьми рисуют картины будущего, катализируя чувство страха, ведь управлять посредством страха намного легче. Однако если такими методами управления начинают пользоваться родители и преподаватели, парализуя волю детей, последствия весьма печальны. Можно вместо страха вызвать безразличие и апатию или, напротив, неосознанный ужас,

который, в отличие от страха, может неожиданным образом повлиять на волю, многократно умножив энергетическую базу агрессии. Как известно, хаос может быть источником энергии. Очевидно, что это не самый лучший ее источник. Энергия разрушения, аккумулированная долгим терпением, знакома россиянам не понаслышке.

В случае с тревогой человек не только не знает, как поступить, но порой и не знает самого источника тревоги как нерелфлексированного экзистенциального состояния. На различие между страхом и тревогой прекрасно указал великий датский философ Серен Кьеркегор [11].

Страх следует рассматривать как «сигнал» к необходимости самоорганизации личности, ибо длительное пребывание в объятиях этого чувства чревато угрозой потери воли. Виктор Франкл, побывавший в застенках фашистского концлагеря, в своей работе «В поисках смысла» показал, как страх лишал воли, а порой и вообще человеческого облика некоторых узников. Поэтому когда СМИ, включая соцсети, на протяжении длительного времени беспрестанно обрушивают на людей пугающую информацию, порождая угрозу психофизиологической деструкции личности, необходимо сознательно включать негэнтропийные механизмы воли. Нельзя оставлять открытыми каналы непосредственного восприятия информации. Необходимы заслоны произволу «чужеволы».

Стремление некоторых людей к страху как наслаждению и в то же время сопротивление ему порождает, как правило, депрессию – подавленность воли. Нечто подобное происходит при духовной неудовлетворенности личности, когда образ мысли и жизни человека не совпадают, а порой и противоречат его «Я». Как отмечает Э. Фромм, нереализованность творческих потенций трансформируется в деструктивную силу агрессии, которая чаще всего есть проявление бессилия варящегося в собственном соку

[12, с. 31–95]. Не случайно интеллектуально и морально слабые школьники часто бывают агрессивными. Важнейшим трендом в образовании и воспитании молодежи, особенно подростков, должно быть не запугивание оценками и репрессивными санкциями, а создание условий для творческой деятельности, чтобы их воля была тесно связана с творческими порывами души.

Резюмируя, подчеркнем, что воля, на наш взгляд, представляет собой реализационную потенцию сущности человека, меру присутствия этой сущности в поведении личности. Поэтому развитие истинной воли, а не своеволия и «чужеволы» особенно важно в информационную эпоху, когда посредством высоких технологий пытаются превратить людей в подопытных существ цивилизационного «ящика Скиннера». Современное образование, активно принимая преимущества, представляемые информационными технологиями, должно уделять особое внимание развитию истинной воли учащихся, позволяющей им оставаться самими собой. Ибо «кто может быть самим собой, пусть не будет никем другим». От этого в эпоху глобализации и тотальной манипуляции зависит не только личностное, но и социальное благополучие.

Одной из важнейших задач образования является преодоление узко психологического, сугубо индивидуалистического, функционального подхода к воле. Поэтому необходимо ознакомление учащихся с философскими, системно-субстанциональными исследованиями этого многосложного феномена.

Так, Фихте, рассматривая волю как «долженствующую и могущую» потенцию духа к самоосуществлению, подчеркивал ее интегративную сущность. Согласно его учению всякая чувственная жизнь конечного указывает на высшую жизнь, в которую его вводит только воля. Следовательно, воля есть мост, через который конечное возвышается до беско-

нечного или, напротив, бесконечное исходит до конечного. Знакомство с таким пониманием сущности воли в процессе образования помогло бы современным молодым людям задуматься о собственном предназначении, миссии, преодолеть узко материалистический и даже меркантильный взгляд на свою жизнь.

Важное место в осознании собственной сущности и пробуждении истинной воли личности Фихте уделяет совести [13, с. 202.]. Посредством воли, позволяющей совести избавиться от безнравственности, духовный мир входит в человека. По мнению Шеллинга, природная самоорганизация является проявлением стремления духа к самоосуществлению. Стремление, согласно ему, это – «не самостоятельная и несовершенная воля, поскольку разум есть по существу воля к воле» [14, с. 98].

Воля личности таким образом выступает своего рода канатом, связывающим все индивидуальные силы, стремления, желания, хотения, подчиняя их разумному самоосуществлению. Она является реальным средством интеграции внутреннего и внешнего, идеального и материального, представляющим собой эмоционально окрашенную энергию желания, «выстреленную» изнутри и пропущенную сквозь «игольное

ушко» субъективной цели. Сначала человек должен «собрать» себя, выполняя сократово требование самоидентификации, интегрировать внутреннюю и внешне-системную энергию, чтобы продолжить «космическую одиссею» своей личности. Чтобы вся его жизнь была продолжением единого пути. Для этого необходимо ощутить энергетическую мощь великих людей, понять ее направленность и продолжить путь. В принципе ученые, порой даже и не осознавая этого, так и делают. Осмыслив это и собрав воедино свою индивидуальную волю, личность должна по возможности объединить других людей для реализации общей цели. Идея, объединяющая людей, способствует формированию воли великой личности. Сверхличностью является не тот, кто поднимается над моралью и разрушает, а тот, кто, исходя из общечеловеческой морали и энергии любви, созидает: не Гитлер, а Иисус, не Наполеон, а Махатма Ганди, не Ницше, а Л. Толстой. Ведь важнейшее назначение человека – воспринять из среды энтропию и хаос, переработав их, множить Истину, Добро и Красоту. Именно осознанию и реализации этого должно способствовать современное образование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мэй Ролло. Любовь и воля. Москва: Рефл-бук, 1997.
2. Фромм Эрих. Бегство от свободы. Человек для себя. Москва: АСТ, 2006.
3. Эйял Нир. На крючке. Как создавать продукты, формирующие привычки. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
4. Селиванов, В. И. Психология волевой активности. Рязань: РГПИ, 1974.
5. Немов, Р. С. Психология. Москва: Просвещение, Владос, 1995.
6. Рубинштейн. Основы общей психологии. Санкт-Петербург: Питер, 2000.
7. Даллакян, К. А. Воля как феномен энвйронментального отношения. Уфа: Талер, 1998.
8. Кант, В. Критика практического разума. Москва: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. 544 с.
9. Штайнер, Р. Философия свободы. Ереван: Ной, 1993.
10. Штайнер, Р. Мысль как воля, как свет и тьма. Лекция, 1920.
11. Кьеркегор, С. Страх и трепет. Москва: Культурная революция, 2010.
12. Шелер, М. Положение человека в космосе. Москва: Прогресс, 1988.

13. Фихте, И. Г. Наукоучение в его общих чертах. Санкт-Петербург: Мифрил, 1993.
14. Шеллинг, Ф. В. И. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах. Соч. в 2 т. Москва: Мысль, 1989. Т. 2.

© Даллакян К. А.

УДК 379.8

Ф. К. ЗИННУРОВ, начальник Казанского юридического института МВД России, доктор педагогических наук, доцент (г. Казань)

F. K. ZINNUROV, head of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Education, Associate Professor (Kazan)

И. Ю. КОЧНЕВ, преподаватель кафедры физической подготовки Казанского юридического института МВД России (г. Казань)

I. YU. KOCHNEV, lecturer of the Chair of Physical Fitness of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Kazan)

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ КУЛЬТУРЫ ДОСУГА

THE CONCEPT AND ESSENCE OF LEISURE CULTURE

Аннотация. В статье представлены результаты анализа понятия и сущности термина «культура досуга». На основе изучения родовых и смежных понятий определены наиболее распространенные и общепринятые точки зрения по проблеме культуры и досуга, основанные на междисциплинарном характере рассматриваемых терминов. С педагогических позиций представлено смысловое наполнение общечеловеческой и индивидуальной культурами человека, овладение которыми составляет главное назначение образовательного процесса. Показана ошибочность узконаправленного видения досуга, не сводимого к его временным показателям и в большей мере представляющего собой способ развития человека в свободное время. Приведено авторское определение культуры досуга, сопряженное с пониманием необходимости формирования гармонично развитой, творчески активной личности в социально одобряемых видах деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: культура досуга, общечеловеческая культура, индивидуальная культура, свободное время, трактовка, понятие, сущность.

Annotation. Results of the analysis of a concept and essence of the term «culture of leisure» are presented in the article. Based on the studying of generic and adjacent terms the most widespread and standard points of view on the issue of culture and leisure based on the cross-disciplinary nature of the considered terms are defined. From the perspective of a pedagogical approach semantic content of common to all humanity and individual cultures of a person is presented, that are the main purpose of educational process. The inaccuracy of narrowly targeted vision of leisure that is not compatible with its temporary indicators and to a large extent representing a way of the development of a person in free time is shown. The author's definition of culture of leisure associated with understanding of the need of formation of harmoniously developed, creative personality in socially approved types of activity is given.

Keywords and phrases: culture of leisure, common and individual culture, free time, treatment.

Приступая к изучению проблемы формирования культуры досуга, необходимо отметить особую сложность поставленной задачи, обусловленную междисциплинарным характером и многоаспектностью основных терминов исследования. Несмотря на более чем вековой период использования понятий «культура» и «досуг» в научном обиходе, их значение все еще характеризуется крайней неоднозначностью и противоречивостью в употреблении.

Такая ситуация обусловлена рядом факторов, едва ли не самым главным среди которых является объем рассматриваемых понятий, охватывающий практически бесконечную совокупность предметов и явлений. Так, например, понятие «культура», по мнению многих авторов, включает в себя абсолютно все, что произведено человеком, фактически выводя данный термин на уровень таких категорий, как человеческая цивилизация, окружающая среда и т. д., содержание которых не поддается какому-либо описанию. В то же время понимание досуга как свободного времени человека, т. е. значительной области его жизнедеятельности, также не позволяет составить даже примерный перечень присущих этому понятию видов занятий по той причине, что в данный период имеется возможность для осуществления практически любой деятельности.

Однако наряду с многоаспектностью рассматриваемых понятий, сложность их использования в научных текстах также обусловлена и отраслевой спецификой различных областей научного знания, изучающих культуру и досуг с различных точек зрения. Поэтому вполне логично и закономерно, что трактовка рассматриваемых понятий, данная, например, в рамках философии, может являться недостаточной для исследователя-социолога, искусствоведа, историка и т. д. Особенным является и педагогическое

видение культуры и досуга, связанное с вопросами поиска перспектив развития личности с опорой на содержание рассматриваемых понятий, их использование в целях совершенствования учебно-воспитательного процесса. Поэтому грубое заимствование и экстраполяция некоторыми исследователями-педагогами трактовок понятий «культура» и «досуг», представленных в других науках, можно считать существенной методологической ошибкой, обуславливающей безрезультатность дальнейшей научной работы этих авторов.

И, наконец, еще одним важным фактором, детерминирующим семантический плюрализм рассматриваемых понятий, является крайняя вольность и непоследовательность трактовок любых терминов отечественными учеными в последние почти три десятилетия. Слабая изученность, а порой и просто игнорирование многими современными авторами всего предыдущего опыта разработки рассматриваемых понятий часто приводят к появлению эксцентричных и не соответствующих сущности изучаемых явлений трактовок. Значительная перегруженность современной российской научной литературы этими материалами вызывает существенную путаницу понятий и их подмену другими, что лишь препятствует эффективной исследовательской работе.

Таким образом, сложность основных терминов исследования, обусловленная и вышеприведенными факторами, вызывает необходимость тщательного анализа рассматриваемых понятий на основе отбора и изучения адекватных трактовок.

Рассматривая понятие «культура», необходимо отметить, что это одна из наиболее употребляемых категорий в философии, культурологии, психологии, социологии, педагогике [1]. На общечеловеческом уровне культура рассматривается максимально широко, и в

общем смысле данным термином описывается все историческое наследие человека как активного субъекта преобразующей деятельности. Основываясь именно на таком понимании культуры, различают ее основные виды: материальная, духовная, физическая, информационная и др., под которыми понимается совокупность всех результатов деятельности человечества в соответствующей области, т. е. наследие. На этом же основании базируется и другое разделение культуры по отраслям научного знания: например, политическая, правовая, экологическая виды культур и т. д., тоже представляющие собой лишь совокупность человеческого опыта в различных областях науки.

В современном обществе сформулированы определенные нормативы интeриоризации общечеловеческой культуры, где основным механизмом ее усвоения выступает учебно-воспитательный процесс. Именно в ходе образования отдельные элементы общечеловеческого опыта, представленные в наиболее удобном для усвоения виде в форме знаний, умений и навыков, ценностей и личностных качеств, становятся частью индивидуальной культуры обучаемого. Однако образовательная система характеризуется крайней избирательностью ко включаемому в его содержание общечеловеческому опыту, куда попадают лишь действительно важные и социально одобряемые достижения людей.

Так, содержанием образования не могут явиться несущественные научные выводы либо не имеющие художественной ценности результаты творчества человека. Тем самым отсекается и фактически уничтожается большой объем общечеловеческой культуры, включающий в себя результаты ежедневной деятельности миллиардов людей, не имеющих характер какой-то новизны либо общественной значимости. В связи с этим именно значение и социальное одобрение результатов деятельности человека являются основными критериями их включения

в состав общечеловеческой культуры. Общечеловеческая культура в этом смысле – продукт рафинированный, своеобразным «фильтром» которого выступает образовательная система. И тем самым не может сводиться к синонимичному пониманию аналога всего общечеловеческого опыта. Поэтому понимание культуры в педагогике существенно различается с приведенным выше примером, ставившим знак равенства между словами «человеческий» и «культурный». Здесь общечеловеческая культура – это лишь часть исторического опыта человечества, которая является выдающимся достижением людей и служит во благо общества.

Исходя из принятого определения, основным критерием общечеловеческой культуры является понимание общепризнанности достижения, асоциальность которого тем самым полностью исключается. Поэтому, например, девиантное поведение даже значительной части людей не может считаться культурой в рамках педагогики, поскольку оно не соответствует этому критерию. Описание такого поведения термином «субкультура» вполне оправданно, поскольку такие виды культур находятся под общечеловеческой культурой, не выходя за нее по своему значению.

Таким образом, термин «культура» в рамках педагогической науки тесно связан с понятием образовательного процесса, включая его содержание, формируемое в соответствии с общественными воззрениями. При этом вся совокупность содержания образования понимается как общечеловеческая культура, а ее часть, усвоенная в ходе учебно-воспитательного процесса, – как индивидуальная.

Исходя из этого, можно утверждать, что культура досуга также представляет собой некоторую совокупность человеческого опыта, но в сфере досуга. При этом, как и в других областях жизнедеятельности, этот опыт представляет собой некоторые достижения отдельных людей, ставшие всеобщепотребительными. Одна-

ко уже здесь кроется большая проблема, поскольку известно, что одной из фундаментальных основ досуговой деятельности является принцип самодеятельности, предполагающий реализацию творческой активности и инициативности человека [2]. А как известно, творчество – это деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее. При этом качественно новыми могут быть как результаты, так и сами способы осуществления этой деятельности.

Таким образом, возникает противоречие между необходимостью ориентации досуговой деятельности на определенные культурные образцы, сложившиеся в этой сфере, и невозможностью стереотипного и однообразного проведения досуга. Однако перед тем как рассматривать данное противоречие, необходимо определиться со значением самого термина «досуг», трактовки которого так же многозначны, как и число исследователей данной проблемы.

До настоящего времени нет ясности относительно главного вопроса о том, что понимать под термином «досуг» сегодня. Этимология понятия «досуг» неоднозначна. Некоторые авторы считают, что слово «досуг» древнерусского происхождения и возникло от глагола «досягать», «досягнуть» [3]. Другие исследователи считают, что данное понятие происходит от древнегреческого слова «*scolhv*» – в его первоначальном значении как досуг. Есть точка зрения и на происхождение досуга от латинского слова «*licere*» (inf. к слову «*licet*»), означавшего «быть дозволенным, доступным».

Имеются и другие, менее распространенные взгляды на происхождение этого слова. Однако вне зависимости от варианта своего появления, трактовка понятия «досуг» может иметь различные варианты, наиболее распространенными среди которых являются ассоциации со свободным временем человека, рекреацией, удовольствием. Однако тщательный анализ различных определений позволяет

констатировать их семантическую несостоятельность, поскольку здесь фактически одно неизвестное слово определяется через другое. Трактовка досуга через понятие «свободное время» не способствует раскрытию сущности интересующего нас понятия, т. к. понимание свободности времени, его границ, способов его использования так же далеко от ясности. Чаще всего свободное время понимается как часть бюджета времени человека, свободная от выполнения каких-либо профессиональных обязанностей. В то же время многие виды деятельности, выполняемые, например, в быту, вряд ли могут считаться досуговыми, поскольку их выполнение является необходимостью для современного человека.

Сложным является также вопрос соотношения физиологических потребностей и досуга. Если понимать под досугом рекреацию, т. е. восстановление сил человека, то очевидна необходимость включения в это понятие, например, сна, восстановительная функция которого неоспорима. Однако многие ученые отказываются от включения в досуг времени, необходимого для удовлетворения физиологических потребностей человека.

Таким образом, по вопросу соотношения досуга с определенной частью бюджета времени человека в научной литературе имеются достаточные противоречия. Вполне возможно, что в область досуговых интересов личности могут попасть те или иные виды деятельности, исключенные из понятия досуга, например, процесс приготовления пищи, банные процедуры и др. Тем не менее такая трактовка приемлема в рамках социологических исследований, посвященных практике реального использования свободного времени различными социальными общностями, и в общем смысле приравнивает досуг к внерабочему времени человека.

Так, например, Э. В. Соколов считает, что «досуг – это время, предполагающее свободный выбор занятий, в котором отдых перемежается с физической и ум-

ственной активностью» [4, с. 64]. В этом определении не совсем ясно, что такое свободный выбор занятий, поскольку эта свобода в человеческом обществе всегда ограничивается нормами права, морали и т. д. Преступления и аморальные поступки не становятся легитимными, будучи совершенными как во время проведения досуга, так и в любой другой период. К тому же свобода выбора досуговых занятий во многих случаях ограничивается материальными возможностями человека. Эти ограничения также могут быть связаны и с любыми другими обстоятельствами жизнедеятельности каждого конкретного человека: состоянием его здоровья, погодными условиями и др.

Исходя из этого, воля человека в выборе видов досуговой деятельности всегда ограничена множеством факторов и условий, существенно уменьшающих перечень возможных видов занятий в свободное время. Эта свобода возможна лишь в рамках определенного перечня видов досуговой деятельности, сумевших удовлетворить требования этих факторов и условий.

Следующий наиболее распространенный в научной литературе признак досуга – добровольность участия – также может подвергаться серьезным сомнениям, поскольку принудительный труд в нашей стране запрещен. Любая профессиональная деятельность в наши дни столь же добровольна, сколько и досуг человека.

Таким образом, многие из рассмотренных выше наиболее известных определений досуга являются достаточно противоречивыми, не носят универсального характера, а также требуют педагогического переосмысления. Особенности понимания досуга в рамках педагогической теории привели к отделению специфической отрасли педагогического знания в данной области и формированию новой науки – педагогики досуга, изучающей закономерности передачи социально-культурного опыта старшим поколением и активного его усвоения млад-

шим поколением. Согласно точке зрения О. Н. Хахловой, составителя терминологического словаря по педагогике досуга, основными задачами этой науки являются: 1) создание условий для самореализации и самовоспитания в сфере свободного времени; 2) повышение нравственного и культурного уровня развития ребенка; 3) включение в социально значимую досуговую деятельность [5, с. 35].

В настоящее время педагогика досуга как учебная дисциплина включена в базовую часть гуманитарного, социального и экономического цикла дисциплин по направлению подготовки «Социально-культурная деятельность». Тем не менее многие вопросы, связанные с понятием и сущностью досуга, в педагогике пока так и не получили своего освещения. И первым вопросом для такого переосмысления является проблема видов досуговой деятельности, т. к. многие из них не являются предметом педагогической науки. Поскольку главным предметом педагогики является образовательный процесс, направленный на обучение, воспитание и развитие личности, все виды досуга, связанные с достижением иных целей, не могут рассматриваться в рамках данной области научного знания. Так, например, в педагогике не могут изучаться досуговые занятия, несущие разрушительный для человека характер, связанные с осуществлением преступного или аморального поведения человека. Не случайно определения досуга, как правило, содержат важное уточнение о том, что использование данного временного промежутка должно способствовать развитию личности.

Убедительной и обоснованной выглядит трактовка досуга, данная В. П. Крестьяниновым, считающим, что это совокупность различных видов занятий, деятельности, осуществляемой в свободное время, в результате которой происходит развитие личностных качеств человека, удовлетворяются его духовные, физические и другие социально значимые проблемы [6].

Исходя из этого, можно утверждать, что понимание досуга в педагогике близко к понятию самообразования, которое, как известно, является одной из его общепринятых функций. Именно развитие человека в его свободное время можно считать досугом в педагогике. В то же время такое развитие оказывается возможным главным образом в ходе усвоения общечеловеческой культуры, что обнаруживает тесную взаимосвязь рассматриваемых нами понятий.

С точки зрения педагогики, досуг является частью культуры, когда формируются образцы культурного поведения человека в свободное время, создаются и закрепляются те или иные ценности вне рабочего бюджета времени и т. д. В то же время и культура наполняет досуг отдельного человека знаниями о социально одобряемых формах досуга, их генезисе и путях дальнейшего совершенствования, детерминируя переход от потребления к экстериоризации и творчеству.

Таким образом, тесная связь культуры и досуга обуславливает возможность их интеграции в виде терминов культуры досуга или досуговой культуры, объединяющих характеристики родовых понятий. Понятие культуры досуга сегодня все

чаще фигурирует в научной литературе, где интересующий нас термин представлен мерой либо качественной характеристикой и отражением внутренней культуры и интегративным качеством человека. Но, будучи мерой, культура досуга может характеризовать человека как культурного либо как некультурного в сфере свободного времени. В то же время культура досуга является и отражением внутренней, а правильнее сказать индивидуальной культуры человека, как часть является отражением общего.

Досуговая культура – это и интегративное качество личности, выражающееся в совокупности анатомо-физиологических и психологических особенностей деятельности человека в свободное время. Однако такие трактовки нельзя считать в полной мере соответствующими предмету педагогической науки, имеющей дело с развитием человека. В связи с этим под культурой досуга, с педагогической точки зрения, правильнее будет понимать результаты педагогического процесса, охватывающие совокупность социально одобряемого человеческого опыта в сфере свободного времени и способствующие формированию гармонично развитой, творчески активной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорошко, О. М. Методологическое значение категории «культура» в педагогике // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (134). С. 59–63.
2. Рылеева, А. С. Организация культурно-досуговой деятельности населения России: учебное пособие. Курган: изд-во Курганского государственного университета, 2014. С. 13–14.
3. Батуева, Б. Б. Свободное время и культура досуга: теоретический аспект // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 14. С. 268–271.
4. Соколов, Э. В. Свободное время и культура досуга. Ленинград: Лениздат, 1977.
5. Педагогика досуга: терминологический словарь / сост. О. Н. Хахлова. Уфа: Изд-во БГПУ, 2007.
6. Крестьянов, В. П. Педагогика досуга: учебное пособие для студентов педагогических вузов и высших учебных заведений культуры. Орел: ОГУ, 2010. 156 с.

© Зиннуров Ф. К.

© Кочнев И. Ю.

ПАМЯТКА
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

• Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

12.00.01 – Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве (юридические науки).

12.00.08 – Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право (юридические науки).

12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки).

12.00.02 – Конституционное право. Конституционный судебный процес. Муниципальное право (юридические науки).

12.00.03 – Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право (юридические науки).

12.00.11 – Судебная деятельность. Прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки).

12.00.12 – Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-разыскная деятельность (юридические науки).

12.00.14 – Административное право. Административный процесс (юридические науки).

10.02.01 – Русский язык (филологические науки).

10.02.04 – Германские языки (филологические науки).

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки).

• Рукописи представляются в 2-х экземплярах с приложением электронного варианта.

• Структура статьи:

название на русском и английском языках (печатается заглавными буквами с соблюдением симметрии, шрифт – № 14);

сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются заглавными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати);

аннотация (100–150 слов) и **ключевые слова** (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12;

рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе MICROSOFT WORD с использованием шрифта Times New Roman, размером 14 пунктов через одинарный интервал. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi;

оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %;

пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница;

индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

- При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

- Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

- К направляемым в редакцию научным статьям прилагаются рецензия (подписи рецензентов заверяются гербовой печатью), выписка из протокола заседания кафедры с рекомендацией статьи к опубликованию, справка о проверке текста статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, заверенная автором.

- Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

- К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

- Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

- К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

Заявка на опубликование научной статьи (рецензии/обзора) в научно-практическом журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России»
Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи

(название статьи)
в рубрике _____
Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети «Интернет».
Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф дсп, «секретно», а также служебные материалы других организаций.
Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.
Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.
О себе сообщаю следующую информацию:
ФИО (полностью): _____
Должность: _____
Место работы: _____
Ученая степень: _____
Ученое звание: _____
Адрес: _____
Телефон для связи: _____
e-mail: _____
Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается.
Дата. подпись. расшифровка подписи.

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК
УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»**